

Наталия ЧЕРНЫХ

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65, ныне Озерск. Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Куратор поэтического интернет-проекта «На середине мира». Автор нескольких книг поэзии и прозы. Публикации в журналах «НЛО», «Новый мир», «Союз Писателей», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 2009 года (стихи, проза, критика).

ФБ ЛЮБОВЬ МОЯ

Роман в постах для социальной сети

*Песни без цели, песни без стыда,
Спелые, чтобы унять твою печаль.*
БГ

Группа френдз онли
Пост 0

Неприятно, когда указывают на огрехи, особенно когда ты о них не подозреваешь. Но это моя работа, я психотерапевт, – и потому заявляю, что читатель хочет, чтобы всю читательскую работу делали за него: создали образ, поднесли как стопку идею или загнипотизировали потоком слов, – других мотивов для чтения нет, это ведь так себе квест: проехаться на халяву на писательском горбу, не прилагая собственных усилий. От усилий, если читатель их все же прикладывает, тоже толка немного: они выглядят нелепо; но я очень мало читаю рецензий на современные романы. Связь прямая: плод усилия читателя – отзыв, какой бы ни был, важен факт, а так они все скучные; рецензии то есть. Кстати, фб, любовь моя, учит меня новым словам. Раньше я думала, какое выбрать: наслаждение, как более темпераментное, или аттракцион, как более сухое и отстраненное. Фб предложил квест, и пусть будет квест.

Чтобы показать читателю, что всю работу за него делает писатель, изображу вектор своих записок: прочь из бытового героизма в новую жизнь, черты которой еще так слабо мною различимы. Однако нужно объяснить, что такое бытовой героизм. Один еще не совсем покойный (то есть, конечно, живой) приятель мой в напряженные годы, теперь находящиеся далеко за горизонтом, придумал довольно остроумное словосочетание: бытовой героизм. Глупое и точное выражение; я вспомнила его потому, что очень хотелось сказать: записки мои о бытовом героизме – это дневник Тани Савичевой двадцать первого века. Сама по себе идея не очень новая, но любовь моя фейсбук переводит ее в новый регистр. Так что мне бытовой героизм уже не нужен, автобиография тоже (мне не так много осталось, хотя недавно опять выжила, кажется, после очень серьезного случая).

Для того чтобы вектор был ясным читателю (бормотание автора бывает очень запутанным, по себе знаю), мне нужна яркая и полная картина моей зависимости от фейсбука, а я ее пока не вижу и даже не знаю, от чего я больше завишу: от препаратов, которые принимаю каждый день с каким-то паскудным изяществом, или от этого всеобщего цифрового сожителя, важность которого так хорошо оттеняют люди, у которых фейсбука нет. А фейсбук есть у всех, в том или ином виде, стоит только поискать, и найдется что-то, хоть школьный дневник, и это тоже фейсбук – далее просто фб.

Но какие-то конфеты к столу чтения тоже нужны, вроде тех, что продаются в дорогих книжных магазинах, якобы для питания утомленного занятиями мозга, – и они будут. Читатель откроет в моих записках и кровавую историю любви, и визит в иные

миры, и прочее, что не очень приятно, но весело. Итак, Свифт и Грин мне в помощь. Возможно, когда записки закончатся, я эту самую полную картину зависимости увижу.

Посты в фб я пишу с хорошей чувственной скоростью, мужчина мог бы оценить, если бы он был. Но мужчины у меня нет, есть коллега, которого я называю Дюша, и это прекрасное средство ото всех мужчин на свете. Так что ровно с той же скоростью, что пишу посты, закрываю их френдз онли, – мне так легче читать комментарии и отвечать на них, хотя этого я очень не люблю.

Почему закрываю посты френдз онли – потому что не хочу диалога. Мне хватает его при работе с клиентами, а своего психотерапевта у меня нет. Как оказалось, фб прекрасно справляется с этой ролью. Достаточно почитать ленту в течение получаса, чтобы истерика вернулась на место, поджав хвост и лапы. Если написать пост, в комментариях возникнет разного рода критика, в которой всегда есть терапевтическое зерно. А терапия мне сейчас нужна, мне нужно готовиться. Потом напишу, к чему.

Фб давний мой друг, но поначалу это была только площадка для поиска клиентов, переписки с друзьями и близкими, и просто место для картинок и видео, которые мне нравятся. Сейчас, не так давно, цель изменилась. Теперь это дневник если не болезни, то довольно интересного процесса, который я сама пока определить не могу.

Френдз онли дает прекрасные возможности и общения, и его ограничений. Спасибо Цукербергу и тому, кто на самом деле создал фб.

У меня до Телеграма и Инстаграма дело уже не дойдет, но фб мне хватит еще надолго, если иметь в виду мое собственное время. Я буду размещать здесь и фото, и видео, и тексты.

К посту прилагается фотография золотого ретривера на снегу, несколько размытая, видимо, в фоторедакторе, под старину, с наложением следов киноплёнки.

Автокомментарий, не записан:

Есть в фоторедакторах утонченная честность подколотых ботоксом лиц. Говорящих: мы уже не люди, но мы можем любить людей. Животные лучше этих лиц, но я уже не смогу держать ни собаки, ни кошки, да и не хочу, а «не хочу» накладывается на серьезное «не могу».

Что касается подколотых ботоксом лиц, то это мои недавние клиенты, две или три тысячи за сеанс, пять за выезд на дом, иногда все семь. Теперь беру двести пятьдесят рублей, но даже с этой нагрузкой не справляюсь.

Лайков нет.

Ха-ха нет.

Ух ты! – нет.

Сочувствия нет.

Возмущения нет.

Комментарий

Друг 3

– Убери пост, не позорься сама и не позорь профессию!

Комментарий к комментарию Друга 3

Друг 11

– Манечка, одумайся, не рви отношения с людьми, они тебе еще пригодятся.

Друг 55

– Да, надо вам держаться именно что за людей. Они помогут.

Автокомментарий, не записан:

Всем лайк, молодцы, ребята, так держать. А вот про отношения с людьми написала нынешняя Дюшина женщина, она вообще очень активная. Но своего финского любовника не бросит, несмотря на Дюшу и его надежды. Впрочем, про то, что у них живые и темпераментные отношения, Дюша может быть и знает, но пока его не поразило громом. Еще поразит, и, думаю, скоро. Финляндия выиграет.

Личное сообщение 1

- Ты там совсем сдурела или еще нет? Ты что устроила тут.
- Объясняюсь в любви к фейсбуку.
- Напиши уж сразу Цукербергу.
- Думала, но мне не нравится его лицо. Он мне в сыновья годится.
- Совсем с ума сошла.
- Ты хочешь наговорить мне гадостей?
- Да наговорить тебе гадостей это единственная радость, которая может быть у нормального человека. Ты же ущербная тварь.
- Вот за это, Дюшенька, я тебе просто обожаю.
- Дура. Я тебе клиента прифрендил.
- Спасибо.

Личное сообщение 2

- Здравствуйте, Мария Георгиевна!
- Здравствуйте.
- Я Денис, вам писали.
- Да, конечно. Идемте в скайп.

Денису тридцать. Прекрасный возраст, прекрасная внешность. Но у него уже несколько опасных зависимостей, целый клубок зависимостей, запутанный-перепутанный, и слои личности уже отслаиваются один от другого. Первый случай в моей практике, я даже немного боюсь с ним разговаривать.

Пост 1

Без числа

Людам интересно читать про других людей. Считается, что нужно писать о женщинах, мужчинах, о семье и детях. Однако мои клиенты, даже те, кто всем этим в какой-то мере обладает, больше напоминают инопланетян. Они инфантильны в том, что касается больших связей (язык, страна, народ, семья), и доки в необязательных личных отношениях, которые им кажутся невесть какими важными и которые они способны выяснять до бесконечности. Что ж, других у меня нет, а я сама стала одной из первых инфантилок, хотя мне полтинник.

Интересно ли читать про любовь пятидесятилетней женщины? Думаю, нет, и мне тоже не интересно. Но я психотерапевт, я веду журнал наблюдений, там может оказаться много полезного для работы и просто интересного.

Я люблю писать посты без дат, иногда интерфейс это позволяет. Снимаю даты, выставляя вместо них нули, как будто времени нет, и радуга вокруг. Я люблю хронику и не люблю комментарии сами по себе, не люблю участвовать в комментариях, читать чужие посты и хочу, чтобы как можно больше людей читали мои посты. Еще я ничего не умею, а только писать дневники, в которых подметаю мой внутренний мир. А еще мою в нем пол и окна. Само по себе это мало кому интересно, но может возникнуть, как говорили лет пятнадцать назад, нетленка. На что и надеюсь. В нетленках есть солнечный зайчик счастья, и порой они прочны, как влагостойкая тушь и стойкая губная помада от «Ревлон». У меня не получается красить губы аккуратно.

К посту прилагается видео песенки Блонди «Сердце из стекла», снятое Энди Уорхолом.

Лайков 6

Комментарии

Друг 1:

– Это же фейсбук, здесь все так.

Поставила лайк. Хотела ответить: иди в сад. Не стала. Могла и не сдержаться. Но друг хороший, добрый, стихи пишет.

Личное сообщение 1

– Ты там совсем рехнулась или еще нет? Привет. Как сама?

– Хочешь наговорить мне гадостей? Привет. Ищу клиента.

Гифка: наглая девица закидывает ногу на ногу и делает глоток из бокала, затем плюется.

– Я подумую.

– Что бы я без тебя делала!

– Повесилась бы или в окно вышла.

– Ну я же знаю, как сильно ты меня любишь.

Наклейка: три танцующих сердца, три плачущих красных розы.

– А то! Деньги у тебя есть? Ужасно не люблю эту твою козью привычку гордиться безденежьем. Ты хоть нормально ешь?

– Да, когда обезболивающие начинают действовать. Денег нет, но через три дня пенсия.

– А за квартиру платить?

Наклейка: мужик в халате и тапочках кидается деньгами в зрителя.

– На это есть всегда.

– Коза ты.

Гифка: и правда, коза на фоне рассвета и полевых цветов жует маковую голову.

– А ты думал. За стенкой сосед на саксофоне разучивает уже три месяца одну и ту же джазовую пьесу. Мне уже нравится. Но мне нужен трамал.

– Не торопись, туда ты всегда успеешь. Я брошу тебе на карту каплю, купи ксефокам. И десятого числа ползи на рентген в нашу клинику, дура. Я сам сейчас особо не богат.

– Что даст рентген в моем случае? Может, лучше сканирование?

– Рентгена хватит. Он покажет, есть ли воспалительный процесс.

– Ты мой принц на белом коне.

Наклейка: довольно похотливая Рапунцель.

– Меня беречь надо.

Гифка: Клинт Иствуд щурится, пожевывая травинку.

– Как хорошо, что мы друг от друга ушли когда-то.

– А как хорошо, что не расписались!

Наклейка: глумливая ворона.

– И не говори.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Наклеек, смайликов или гифок нет.

Автокомментарий, не записан:

Приближается пост. Смешно мне держать посты. Однако хочется. И я буду готовить чили с картофелем и двумя видами фасоли, зеленой и красной, и заворачивать его в лепешку, и разогревать на кокосовом масле. Перед подачей добавлю острой соус. Всего этого мне нельзя, но я люблю чили и Питера Фалька в роли Коломбо. И еще люблю бывшего мужа Дюшу, хотя он изначально был коллегой, каким и остается. Дюша тоже

психотерапевт, защищает докторскую (понятно, что не колбаску, это нас объединяет: мы едим мясо, но не едим колбасу, потому что докторская), а тема «Начальные признаки психопатии и проблемы диагностики в этот период». Он всерьез считает психопатов социально опасными, даже больше, чем маньяков. Маньяков он любит, это последствия работы в закрытом психдиспансере.

Личное сообщение 2

– Мария Георгиевна!

– Верик, я здесь.

На самом деле она Вероника.

– Не поздно? Один вопрос.

Без пятнадцати полночь. Самое Верочкино время, мужа ждет с так сказать работы. Она, кстати, Вероника Павловна, Вера Павловна, как я ее называю.

– Да?

– Я снова слышу запах чеснока в сливочном соусе. Танюша вчера все вымыла, но запах по всей спальне, такой сильный.

Она живет в доме на Рублевке. Трогательная простая здоровая бабенка из Орла. Или нет, из Курска. Но удивительно тонкая, у нее смертельная интуиция, хотя иногда в разговоре кажется городской сумасшедшей. Думаю, у нее народное чутье.

– Верик, у тебя же включена вентиляция?

– Ах нет. Сейчас включу. Сколько я вам должна?

– Ну что ты, Верочка, зачем ты так.

– Я вам пятьсот рублей переведу, у меня нет больше. Антон Михайлович денег не дает, вы же знаете.

Антоша не миллиардер, но это пока. Они устойчивая пара. Вероника от природы умеет закрывать глаза на то, что видеть не нужно. И от огорчения, что так нужно делать каждый день, нашла себе работу, шьет из дешевых платков бохо-вещи. Продаются плохо, но дорого, так что бюджетную зарплату она имеет свою: тысяч двенадцать в месяц. У нее есть Ванечка, ее одноклассник, и это любовь на всю жизнь. Видятся они очень редко. Антон, по моим наблюдениям, знает про женину любовь к Ване, но что уж, между супругами негласный договор. Вероника любит детей, и они у нее получились, двое, от Антона, а его пока устраивает фасад. Но ох уж мне это пока.

– Мария Георгиевна, это снова я.

– Да, Верочка.

– Про запах. Дмитрий Петрович (это приходящий повар, двадцати семи лет и сложения Шварценеггера) курицу готовил, оказывается. Антон ведь через полчаса приедет. Но почему запах в моей спальне, когда кухня в пристройке?

Потому что, Верочка, ты не хотела, чтобы курица подгорела.

– Вот и хорошо. Я думаю, можно вентиляцию выключить и открыть окно. Ночи прохладные, но такие свежие!

– Как я не догадалась! Сейчас открою. Храни вас Бог.

Аминь, что еще сказать.

Пост 2

Без числа

Я хочу прилюдно признаться в любви к фб, и делать это каждый день, так часто, как захочу. Фб это регулярный секс, постоянный партнер, и это хорошо. Это новая социальная эротика. Я не вижу, что эротика в прежнем, доцифровом виде еще возможна. Ее нужно поддерживать на худой случай аналоговыми средствами. Например, телефоном, с вибрацией. Человек как регулярный сексуальный партнер потерял свою ценность для меня, и не сомневаюсь, что еще для многих, за которыми нарисовалась пошлая тень

большинства, детей скромной эпохи цифровой буржуазии. Хотя какая буржуазия, амиго, даже я не помню ее. Я могла ее помнить, но мне было слишком мало лет!

К посту прилагаются три фотографии роз в августе на закате, видимо, сделанные автором поста в Москве, предположительно в Сокольниках.

Лайков нет.

Одно недоумение.

Одно возмущение.

Комментарий

Друг 2

– Манечка, неужели все так плохо?

Поставила лайк, не ответила, ничего не подумала. Бедная женщина.

Комментарий

Друг друга 1

– А я не хочу жить в цифровом мире! И не навязывайте его нам! Если вы сами не человек, не стоит думать, что и другие такие же, как вы!

Лайка не поставила и ничего не ответила. Не знаю, кто это. Но могу забанить. Порой банить это необходимость.

Автокомментарий, не записан:

Однако верная мысль. Я не человек. А кто я? Я это психотерапевт, женщина и инвалид, которая с подозрением относится к любой идентификации. В общем, я не я, то есть я лошадь и извозчик одновременно. А еще стая волков, привет доктору Гваттари. И еще мне тошно, когда вдруг в разговоре или в тексте возникают слова «Фрейд» и «Юнг», но здесь имеет место профдеформация.

Личное сообщение

– Мария Георгиевна!

– Да.

– Я намерен отказаться от ваших услуг, вы не тот терапевт, который нам нужен.

– Я буду рада, если найдете другого.

Не выдержал. Творчески одаренный, но изъеденный завистью и гонкой за жизнью человек, Валентин, сорок лет. Работает в топах консалтинга, но по сути своей электрик. Отличается тем, что говорит правду, но уж очень темпераментно.

– Я не смогу пользоваться услугами врача, который не смог доказать свою компетентность. Вы не смогли разобраться со своей личной жизнью и нищетой, а беретесь за других. Это нечестно и некрасиво.

– Вполне с вами согласна. До свидания.

Поставила бы лайк, хотя да, сейчас можно. Ставлю лайк. Стихи ему писать надо, у него бы отлично вышло. Про электрика на столбе ЛЭП. Видимо, трезв. А так у него очень глубокая зависимость, и что удивительно, без запоев. Он пьет постоянно, по глотку. На последнем сеансе, полгода назад, от него ярко пахло «Гленморанжем». Вот ведь цветок делирия на мою голову. Но уж как я-то рада от него избавиться. Забанил. Ну туда тебе и дорога, дорогой делирий.

Он прав в том, что мои бывшие однокашники и коллеги уже имеют по две машины, загородные дома с терапевтическим ландшафтом, квартиры и много еще чего: у кого офис, у одного даже своя клиника. Мне все это, по несчастью, не интересно. И я не думаю, что я хуже всех.

Пост 3

Без числа

Мой мастер говорил мне. Хотя не так, он теперь тьютор, а я коучер всем и вся, такой родилась и такой воспитали. И так, мой тьютор говорил мне, что хабитус буржуазии ослаб, но она еще существует. Или что-то в этом роде. Затем говорил (он считает себя марксистом) о несчастных миллионах рабочих, которые весь день не могут отойти от станка и потому работают в памперсах. У них нет и десяти минут на туалет или на обеденный перерыв. Сначала я слушала тьютора, затем что-то во мне переключилось, и я поняла, что он лжет. Не потому, что этих миллионов нет, а потому, что он никогда не мыл полы на регулярной основе, а я мыла в августе 1991 года и не только. Это ничего не значит само по себе, но кто моему тьютору несчастный рабочий в памперсах – да никто в кубе и на Кубе. Однако все это говорил мой тьютор, и мне теперь со всем этим жить. С памперсами, то есть.

Мне нравятся новые идиомы. Сокращения: евпочя, омг, лол. И вот это пошлейшее (забыла, теперь ведь пошлости нет): вот это все. Звучит эмоционально, емко и красиво. Но употребляемо только в редких случаях.

Вербально невдуваемо.

К посту прилагается видео Песенки «Рокси Мьюзик» «На Стренде».

Лайков нет, прочего тоже.

Комментарий

Друг друга 8

– Немедленно к врачу! Вы больной человек.

Автокомментарий, не записан:

Что тут скажешь? Да, я записалась к своему специалисту, и это не психолог и не психотерапевт, потому что я психотерапевт, а заодно и псих в одном лице, но это снова профдеформация. Я думаю, что если у человека, живого и еще не совсем цифрового, как я, есть настоящая болезнь (так и хочется сказать: любимая болезнь!), он не полезет в соцгруппы по социальным болезням да и просто в группы по заболеваниям, не до того ему. Мне по полдня не до интернета. У меня начались боли, и идут уже долго. В статье на Яндекс Дзене прочитала, что женщины пожилого возраста с такими болями скоро умрут. Наконец хоть какой-то прогноз, а не это вечное неврологическое: «Что вы хотите, у вас возрастное». Но сначала будет лежачка, хотя пока ее нет, и это мучительная петля – от бега к лежачке, – которая каждый день уменьшается. Пока бегаю (то есть хожу без палки и довольно долго), лежачка отодвигается, но любая нагрузка ее приближает. Я живу одна, нагрузка это большая, это нелепо и принципиально.

Я пожилая женщина. Я смотрю каждый день, как моя полынья покрывается льдом на чуточку больше, чем вчера. Когда лед идет вперед, и это видишь, наблюдаешь лучшее из зрелищ.

Личные сообщения особенного интереса не представляют.

Пост 4

Без числа

Чем расшифровывать мое никому не нужное мировоззрение и внутренний мир (о нем речь впереди), нужно пояснить, что я не считаю себя пошлым романтиком, я не марксистка, верю в будущую жизнь и воскресение мертвых, и не верю, что человек исчерпывается плотью. Я слишком долго и с процентами выплачивала долги, видимые и невидимые, чтобы оставить себе нечто, подверженное времени, то есть тело. А оно у меня еще ничего, в смысле целлюлита.

Я с недоверием воспринимаю любую идентификацию, потому что идентификация для меня сигнал ослабленной личности. Если нет тебя во всей задуманной свыше полноте, значит, ты красивая феминистка, эффективный менеджер и много кто еще. Если ты есть, «я» на письме почти не нужно. Так что лучше катафатика, отрицание, чем я на самом деле не являюсь. А феминизм мне не чужд, а очень свойственен. Я женщина и люблю поиздеваться над мужчинами, как и они надо мной.

К посту прилагается видеофрагмент концерта 1977 года в клубе «Аполло», Игги Поп поет песенку «Пассажир».

Лайков 3

Возмущение 1

Недоумение 1

Комментарии

Друг друга 1

– Надо было замуж выходить, пока молодая.

Поставила ха-ха. Потом подумала и заменила на лайк. Хороший парниша.

Друг друга 2

– Не все же так плохо! Нужно стараться видеть в жизни преимущественно светлую сторону.

Поставила восторг, что еще ей сказать.

.....
И что мне со всем этим делать, как говорит Лев из Иерусалима.

Кстати, почему лайкают одни и те же? Потому что лайкают. Дорогие вы мои, за что вам я такая, собака страшная. Впрочем, я люблю вас, знайте это.

Личное сообщение

– Ты деньги получила?

– Да.

– Почему не написала? Ты всегда думаешь только о себе.

Автокомментарий, не записан:

Проснулась в два, так как до пяти шли сильные боли и смотрела отечественный сериал. Потому что уже привыкла к отечественным, и они мне начали нравиться всем: картинкой, лицами, звуками. Наблюдаю, ожидая действия ксефокама, второе и третье поколение советских актеров. А какая все же мощная была школа! Дети не уступают. Было бы странно, если бы дети уступали родителям в игре и прочем. Этим детям намного сложнее в культуре, чем их родителям.

Личное сообщение 2

– Дюшенька, я еще в прострации. Но со мной все хорошо, боли ушли.

– Дура, что сказать.

– Ты мой заяц золотой, будешь ты всегда со мной.

– Не смешно.

– Мне тоже. Я люблю тебя.

– А уж как я тебя.

Автокомментарий, не записан:

В 1989 одна знакомая, ученица моего мастера, вела нечто вроде квартирному семинара по увеличению любви в мире. Мы все сидели косо, чтобы не сказать в позе лотоса (привет, Майк Науменко!), и говорили только это: я люблю тебя. Нужно было

сказать «я люблю тебя!» на всех уровнях своего существа и потом пойти еще выше. Мы с Дюшей ржали, глядя друг на друга, это было заметно всем, и ведущей тоже, но она не сделала нам ни одного замечания. Само по себе зрелище пятнадцати человек (на сундук покойницы, той знакомой уже нет), которые говорят, скорее, орут разными и порой дурными голосами «я люблю тебя», впечатлило. Возможно, тогда я и решила выйти из окна, то есть: стать психотерапевтом.

Никто не мог предположить, что веселые и сравнительно легкие отношения с Дюшей будут длиться тридцать лет, и все эти тридцать лет я то живу у него дома, то прячусь как побитая собака в комнате своей родной квартиры.

Но в какой-то момент мне повезло, я переехала в съемную квартиру в одном дворе, где и живу: в родном дворе. Что из этого выйдет, не знаю, но Дюшу мне не жалко, – ни того, что мы так и не стали мужем и женой, ни того, что, по его словам, мы теперь чужие люди. В отношении отношений между людьми он всегда врет, даром что психотерапевт. Мне не жалко и того, что мы не чужие, и это для меня унинительно; рядом с Дюшей я всегда в белом пальто, но и это унинительно тоже, так что я его люблю как брата.

Пост 5

Без числа

Хорошее чтение делает жизнь милой и удобоприемлемой, хотя чтение дело неоднозначное.

Итак, вот письменные опыты Алины Сергеевой, – для меня и для тех, у кого есть время и способность к чтению. На самом деле опыты эти не мои, как может подумать читатель, а одной покойной пациентки, страдавшей синдромом Алисы в стране чудес, пленницы Тодда. Она доверяла мне, и я полюбила ее по-своему, как может врач любить пациента. Мне трудно было читать эти записки, но потом я втянулась, потому что в молодости любила Брэдбери.

Что потом стало с Алиной, лучше не рассказывать. Она некоторое время писала довольно удачные стихи и размещала их в своих блогах; их заметили, и даже издали небольшую книгу. Однако потом все пошло как-то не так. Мне было очень тяжело читать умные и тонкие сочувствия, которые писали ей в фб в течение последних двух месяцев, когда заболевание развилось и дело шло к концу. Умерла она от внутреннего кровотечения, да и органы были порядком изношены. Она была очень сильным и одаренным человеком, женщиной-инопланетянкой: худая, с густыми волосами и миндалевидными глазами, в которые смотреть было страшно, потому что в них была бездна. Я приукрасила, но об Алине потом расскажу, это будет просто необходимо.

Какое детство все это: бездна, воля, личность. Я некоторое время имела дело с ангелом, и навсегда это запомню. Дивный новый мир, открывающийся на этих страницах, вполне может вырасти из нашего.

Приложения в виде фото и видео отсутствуют.

Автокомментарий, не записан:

Фб точно скоро отучит меня читать, хотя я пишу и читаю сравнительно много, но не Роб Грие по-французски или Диккенса по-английски. Восприятие чтения стало совершенно другое: как акта дежурного, необязательного, отвлекающего от реальной жизни. А что мне реальность? Сметанный крем в «Пятерке»? Кстати, его уже не выпускают, а вместо него трехсотграммовый пластиковый стакан сметаны, порой вполне приличной, а порой пахнущей сладковато, едва не трупом. Я люблю кислую десятипроцентную сметану, а эта конформистская, пятнадцать процентов. Да какая разница, какие продукты есть, лишь бы изо рта не воняло. Я каждое утро и вечер полощу рот слабым раствором перекиси водорода.

Но к делу, вот страницы записок Алины Сергеевой из моих рук.

Читать дальше

Начало записных книжек Роя Обрана Роу

Этот документ висел в воздухе очень долго, пока наконец не спустился, как люминесцентный плафон, и раскрылся трижды проверенным на вирусы архивом. Иначе нельзя, и все равно оставалась вероятность трояна или руткита. Но какой смысл говорить на языке современности о том, что находится одновременно рядом и невероятно далеко?

Гарри Флит, устроившись так удобно, как позволяло жилище Роя, потягивал горячий напиток и говорил. Рою нравилось слушать его мрачноватые, но веселые мысли, некоторые казались ему верными.

– Шестьдесят человек сидели, теснясь, отражаясь в зеркалах информационной залы, и боялись Руперта и бога. Ты знаешь, что такое бог? Это почти как Руперт, он всегда всем хозяин. Шестьдесят человек делали движения, напоминающие о молодых ветвях, и не руками, а мыслями показывая, что они считают хорошим и что плохим. Ты веришь в то, что для них вообще есть хорошее и плохое? Я не верю. И Руперт для них есть лишь трендовое движение, благодаря которому можно нарастить баллы. Если ты сделаешь пять движений, обозначающих, что Руперт плохой, получишь пять баллов. Если сделаешь одно движение, обозначающее, что страна Руперта плохая, получишь один с плюсом, что равно пяти баллам. Это нечто вроде обучающей игры для менеджеров нижнего звена, в результате которой никакой материализации не произойдет, но по фейсу на улице получишь.

Руперт был главным управляющим страны. Управлял он долго, порой действия его вызывали возмущение, но отнимать у него управление не решались ни элита, ни мирные жители. Гарри не любил Руперта, но ценил его устойчивость и потому не упускал случая поиронизировать над молодежью, требующей отставки Руперта. Каждая их акция поднимала рейтинг Руперта еще на несколько позиций.

И без того немолодому Гарри иногда хотелось выглядеть совсем уж старомодным, однако Рой обращался с ним как с равным, хотя к пожилым людям испытывал брезгливость. Гарри был худ, тело имел плотное, всегда был завернут в несколько слоев добротной теплой одежды и постоянно курил. Рой сам любил дым, заключенный в трубки из безопасного органического стекла, с добавками и ароматизаторами, иногда просто молочный пар. Но Гарри носился с любимой уродливой вещью как со своим плохим зрением, и Рой наконец привязался ко всему: к Гарри, к его трубке, да и к его плохому зрению тоже. Впрочем, Гарри трудно было обмануть, он каким-то образом видел все и очень точно.

Рой Роу не любил свое имя, не знающее национальных границ и не имеющее сколько-нибудь веской причины. Сказать, что он завидовал приятелям, имевшим характерные имена – Джон, Иван, Айван – тоже нельзя. Рой был доволен, что он Рой, он узнавал себя в этом имени. Его занятием было проектирование вещей и действий в многомерном пространстве и составление примерного описания материалов, из которых эти вещи могли производиться.

Лайков нет, прочего тоже.

Комментарии

Случайный читатель

– А где вы это взяли? Это не ваше? Продолжение будет?

Ответила лайком. Будет, куда денется. Тут целый роман.

Друг 2

– Ты совсем на пенсии или еще принимаешь?

Оффтоп. А куда я денусь.

Личное сообщение 1

- Ты хочешь порекомендовать мне клиента?
- Да, если ты не против.
- Ты знаешь, что я практикую редко и какой у меня рейтинг.
- Тут особенный случай. Нужны именно твои заморочки. Девушка видит во сне фильмы, которые никогда не были сняты, с известными актерами. Некоторые из актеров уже умерли. С живыми актерами фильмы она почти не видит.
- Фильмы ей нравятся?
- Очень.
- Дай ей меня в фб. Ты знаешь, как я не люблю телефоны.
- Ты сегодня невероятно виртуальна!
- Как всегда. Нужно знать, когда обновлять профиль. Мое время пока не настало.
- И все же я не поверю, что ты не смотрела «Игру Престолов».
- Принципиально. И «Гарри Поттера» тоже.
- Что с тобой делать! Доброй тебе ночи.
- И тебе. Выпиши мне трамал. Ксефокам уже не держит.
- А если 16?
- Так и есть, 8 утро, 8 вечер. Или ты хочешь, чтобы я ушла на 32?
- Не надо. Следи за тем, чтобы не было сильных кровотечений. Десна там, синяки.
- Кровотечения есть, но пока терпимо, не сильно.
- Большой палец вверх. Ты молодец.
- Еще бы, я лучше всех.
- Дюшенька, а трамал будет?
- Ну что с тобой делать.
- Значит будет.

Пост 6

Без числа

Я люблю скудость своей хроники фб на дискуссии и комментарии. Мне нравится, как во мне борются черная желчь и молодая кровь при виде успешных хроник с большим количеством внимания. А я утром после службы хочу только стакан теплого разбавленного вина и пару виноградин. Это и есть большое количество самого лучшего внимания – стакан разбавленного вина, ведь нам всем его раздают по одной кокотнице. Если остается, можно выпить еще одну-две. Но дело в стакане, нужен стакан!

В «Пятерке» видела розовое вино за 176 рублей, наверняка виноматериалы. Несмотря на лимит, хочу купить его да принимать утром и вечером в разбавленном виде. Однако посмотрим, что скажут платежи. Я полюбила рассчитывать свои копейки и не думаю, что это унижительно. Преимущество голодного в том, что он сможет съесть то, что в сытого не влезет и что сытый скорее в помойку выбросит, чем отдаст голодному.

А все же не нужно больше поднимать таблетки с пола, а также есть одновременно мясное и молочное, потому что это ослабляет организм. Например, бутерброд с маслом и ветчиной, или с ветчиной и сыром.

И еще: мне не нужна собственная квартира, автомобиль, семья, бизнес и имя в моей специальности. Мне не так много осталось, чтобы от этом думать.

Приложения в виде фото и видео отсутствуют.

Читать дальше

Из записок Роя Обрана Роу

Продолжение

После катастрофы оказалось, что никому не конец, а все только начинается. Те, кто выжил, по инерции продолжали думать, что самое печальное и достойное внимания на свете – конечность человеческой жизни. Однако в результате катастрофы возникло новое излучение, и оказалось, что проблема бессмертия почти решена, породив еще несколько проблем, гораздо более сложных. Еще слабая, но уже возрожденная планета готовилась к новому витку развития, который навскидку не сулил ничего хорошего. Однако люди были бессмертны и молоды, а молодости свойственна надежда.

Рой Роу жил в одной из центральных стран, на острове посреди океана, и к этому острову (который после катастрофы посчитали новым материком) от других континентов шли мосты из молекулярного металла. Считалось, что этот металл вреден, так как содержит частицы, транслирующие и усиливающие неблагоприятное излучение, но ученые на его производство все же дали добро, потому что опыты показали: во влажном климате излучение связывается растворенной в воде солью. Страна делилась на две части: одна аграрная, другая административная, где располагались университеты, институты и научные центры. Мягкий климат на юге благоприятствовал растениям, север проветривал городские улицы.

Город, в котором жил Рой Роу, был не самый большой на острове и в стране, которой принадлежали еще две области на другом материке, но был типичным. Дома ходили от самых облаков до подземелья, это были подвижные и способные к росту конструкции, обычным считался дом в десять подземных этажей, один из которых оставался нежилым и считался резервным, на случай новой катастрофы. Особенность этих домов была в том, что они росли кустами, так что город с определенной высоты казался огромным кустарником. Открытие прочного минерала, способного к быстрому самонаращиванию, позволило проектировать жилища, на строительство и содержание которых уходило намного меньше времени и средств, чем в прошлом мире. В этих квартирах всегда было опрятно, отсутствовали навязчивые запахи и домашние насекомые.

Некоторое время подземного существования после катастрофы прошло как цивилизационный обморок. Когда облученное человечество вышло наружу, первый день выхода из подземелья еще долго казался отправной точкой, и то, что было до него, словно бы перестало существовать. Манипуляция звуками, линиями, движениями тела, позволенная средствами массовой информации, едва лишь касалась памяти о том, что было до того. Да и память вечно молодым не нужна была.

Память была неизбежным злом, которое психологи пытались взять под контроль и, кажется, в этом преуспели. Идея контролируемой памяти возникла еще в прошлом мире, а сейчас появились возможности ее воплотить.

Рой Роу немного знал о том, как в прошлом мире боялись генной инженерии, генного моделирования и комбинированного человека. После катастрофы оказалось, что это совсем не так страшно. Многие неимущие шли добровольно в команду испытуемых и заканчивали жизнь в тепле, сытости и уюте лаборатории, с любимыми дисками музыки или книгами, которые новые люди уже начали путать с папирусами и глиняными дощечками. Умирали чаще всего от отека легких и высокой температуры, при которой сворачивалась кровь. С этим пока еще не научились бороться, хотя уже изобретен был препарат, позволяющий выдерживать температуру тела до шестидесяти градусов Цельсия часа два-три. Но потом кровь все равно сворачивалась. Рой Роу вступил в жизнь тогда, когда овеществление человека уже не пугало. Более состоятельные люди посещали порой плантации внешних и внутренних органов тела, присматривая себе подходящие.

Однако борьба с памятью еще завершена не была, и кажется, память даже приносила пользу: выборочная, дистиллированная, материализованная в плотную жидкость, наподобие слез, спермы/флоры или слизистой. По роду занятий Рой Роу имел дело с известной Фабрикой снов, где порой требовалась память, там он и познакомился с Гарри Флитом.

Лайков нет

Комментарии

Случайный читатель

– А что это?

Личное сообщение 1

– Ты где? Мать девушки спросила меня, как прошел сеанс.

– Нормально. Она просто счастлива этими фильмами. Но вообще медлительна, и потому увязает в своем воображении. Но тут такое дело. Я не думаю, что эти фильмы есть порождение воображения. Это середина какой-то очень непростой истории, но какой, пока не понимаю, да и вряд ли это нужно. Девушка оказалась в области сверхценных идей как Элли в стране Оз. Она хотела быть актрисой и не поступила, потому что родственники задавили ее, а она поддалась. Нарушение неглубокое, все это мягко выраженные (и красиво) компенсаторные дела. Ей еще 23. Нужна новая профессия. Думаю, родителям можно это объяснить.

Личное сообщение 2

– Привет, не спишь?

– Нет. Что-то нужно?

– Не подкинешь тысячи три до пятого? У меня ничего, от слова совсем.

– Ладно, что с тобой делать.

– Ты лучший на свете. И спасибо.

– За это не благодарят.

– Что бы я без тебя делала!

– То же, что и всегда. Ждала бы, когда деньги переведут.

– Точно. И все равно: спасибо!

Большой палец вверх, затем забавная рожица на гифке.

Автокомментарий, не записан:

Я бы отдала все свое оставшееся время, чтобы Дюша защитился. Потому что я тоже считаю психопатов социально опасными. Я за то, чтобы не назначать на руководящую должность человека с психопатией. А теперь – в стойку полного покоя, ее название «иди ко мне, мой богомол»; спать то есть. Завтра сложный день: нужно идти за рецептом на трамал, а это час дороги; сейчас нужно выпить ксефокам, и 16 сразу. Итого за день 24. Иногда мне кажется, что если бы в начале болевого приступа мне дали бы элементарный револьвер, я научилась бы стрелять за минуту, а через час стала бы снайпером. Потому что расслабляться нельзя. Расслабляться нужно в кровати, а сегодня у меня скайпы, два. Я унизилась до двухсот пятидесяти рублей за сеанс, однако даже такие бывают не каждый день. С завтрашнего дня дешевые консультации прекращаю. Не стоит вытирать о себя ноги, ведь не все клиенты ушли, и еще эта новая девочка появиться должна.

Личное сообщение 3

– Мария Георгиевна!

– Я здесь.

– Понимаете, я никому, кроме вас, не могу объяснить, что наш новый Дракула лучше, ну о котором я вам рассказывала, с А. в главной роли. Жалко, что кроме меня его никто не увидит.

– Шесть серий, говоришь?

– Да! А Трансильванию снимали в Крыму и в Краснодарском крае.

Это уже нечто. А. жив, но недавно сильно поболел. Как странно она видит эти картины и как влюблена в них, счастливая девушка. И хорошо, что хоть кто-то (читай: я) понимает, что она счастлива. Но меня смущает А. Если она видит его во сне, это значит, что я влияю на нее сильнее, чем нужно. Однако посмотрим, что даст разворот событий. Нужно действовать очень аккуратно.

Пост 7

Без числа

Мой переход в цифровую реальность состоялся на грани нулевых и десятых. Сначала я напоминала себе бабочку в валенках, затем старуху в сандалиях на крылышках, скользящую на каждом шагу, но гаджеты так и не полюбила. У меня до сих пор элементарный кнопочный телефон. Гаджеты нужны гаджетам.

Это очередное рождение, состоявшееся после новой и снова не совсем удачной реанимации (в буквальном смысле я училась ходить) сделало меня такой, какая я сейчас: лук в два раза меньше внутренностей. То есть изношенность организма чудовищная, а лук (внешность) обновленный. Это дало массу довольно любопытных и порой приятных ощущений, но повлияло на характер; да было бы странно, если бы не повлияло. Обстоятельства сошлись так, что с появлением в моей жизни фб я родилась заново. История далеко не новая, но не без фактуры.

Поначалу интерфейс фб отталкивал, так как мои знакомые и я с ними привыкли к жж, а там, как считали мы, все неторопливо и красиво. И вдруг возникла будто из ниоткуда бешеная динамика, в которой видео, аудио, фото и пронзительные записи оказались на одной линии, а обратного хода (разъединить линии) уже не было. На первый план вышло лицо, личность. Морда из мордокниги.

Я и сейчас не владею половиной фб-инструментов, хотя это и не комифо. Возможно, я неплохой пользователь, а могу стать еще лучше – и не хочу. Манечка, одно слово. Но когда поняла, что если есть фб, не нужен телефон, обрадовалась. И телефон в моей жизни стал отсыхать, как ненужный орган, хотя окружающие, наоборот, наращивали его с помощью гаджетов.

Вскоре я смогла без посторонней помощи сделать личную страничку для клиентов, то есть второй аккаунт, но он живет сейчас очень вяло, так как я не могу выносить прежние нагрузки и принимаю очень мало.

Почти сразу ко мне пришло чувство облака, сообщества, чего в жж не было, и если было, то отчасти. Время ожидания уменьшилось, обманчивая близость начала прорастать настоящей, пластик ожил, и мне теперь во всем этом жить. И я живу, вместе с фб. Это далеко не единственное средство общения. Телефоном я пользуюсь не чаще и не реже, чем до цифровой эры, я и тогда его не любила. А любила приходить без звонка и радоваться встречам. Фб хорошо имитирует то чувство, и меня устраивает даже эта имитация.

Приложение: видеофрагмент концерта группы «Аквариум» 1988, композиция «Она может двигать собой».

Лайков три.

Комментарии

Друг 24

– В жж было хорошо, медленно так, красиво, я понимаю. Я мог там сделать пост в честь дня рождения с тридцатью-сорока фотографиями, расположенными как мозаика, и было очень красиво. Потом эти фото, конечно, выглядели как битые пиксели, квадратики с глупой иконкой вверху, но первые два-три часа были роскошными. Мне жалко, что неторопливые диалоги жж сменила агрессивная болтовня фб.

Друг 17

– Даже эстетически жж выглядит лучше. И говорят, там снова жизнь, народ уходит из фб в жж, это радует.

Автокомментарий, не записан:

Я сама почти не читаю ленту жж, а ленту фб смотрю в прострации. Да не обидятся все сразу две тысячи моих друзей. У меня нет времени на чтение, хотя я обожаю чтение, у меня совсем другая фб задача.

Пост 8

Без числа

Моя любимая болезнь не возникла на пустом месте, она зрела и росла во мне долго, начиная с юности. Заведение, где я получала специальность, было довольно популярным. В нашей группе были в основном девушки, старшей едва исполнилось семнадцать, а мне было пятнадцать.

Первые признаки возникли именно в пятнадцать. Помню день в феврале, на перемене. Лицо мое вспыхнуло, будто к нему прилила вся кровь организма, хотя за пару секунд до того было бледным, что отметили мои собеседницы. Им, и мне самой тогда казалось, что это какой-то сильный эмоциональный перепад, а причины для него не было. Затем я сильно вспотела, лоб увлажнился. Вечером пришлось устроить стирку, а тогда все стиралось на руках, и к ночи нехорошо заняла поясница. Ныла она еще пару дней, но я думала, что это к месячным.

В конце недели должны были прийти месячные, но они не пришли. Я была девственницей, и если предположить, что в мире масса беременных девственниц, то я одна из них. С тех пор месячные стали приходить нерегулярно, а в двадцать четыре года полностью ушли, в самый разгар бурных отношений с красивым молодым художником, в которого была влюблена как сорокалетняя учительница. Ни болей, ни какого-либо другого беспокойства, кроме обильной крови, у меня не было. Хотя синие мухи в глазах и нечто похожее на галлюцинации, что бывает при сильно и резко падающем давлении и вообще при потере крови, были. Но тогда, в двадцать четыре, я еще не была медиком, я была психологом-недоучкой. И на психолога пошла только потому, что об этой профессии мало что было известно.

Месячные шли неделю, питание было плохое, потому что жила одна и почти ничего не зарабатывала, но через неделю они закончились, и я настолько обрадовалась этому, что с художником рассталась, в качестве подарка на расставание устроив ему сцену ревности. Ну да, ревности, хотя он тогда был мне совершенно не нужен. С тех пор, а прошло уже больше половины жизни, месячные не приходили и вряд ли уже придут. О том, что это за знак и что он с собой несет, я узнала спустя почти десять лет, когда мне было тридцать два, я уже была психотерапевтом. Все десять лет на медосмотрах я говорила, что месячные ходят регулярно, называла обычное число, потому что помнила его. Хотя на самом деле через пару месяцев после того, как они закончились, и думать о них забыла.

Эта часть жизни как-то сама собой выпала из фокуса, что говорит обо мне красноречивее, чем любое самоопределение. В моем мире у женщины в принципе не должно быть месячных, но меня окружают женщины с месячными. Иногда я ловлю себя на том, что они выделяют в критические дни особый запах. Это как тушеное мясо с клубникой. Не с брусникой, а с клубникой. И я его слышу; это очень интригующий запах. За четверть века у меня не было ни одного конфликта на почве того, что у меня нет месячных, а, скажем, у коллег есть. Это не тот предмет, ради которого можно пойти на конфликт. А женщины прекрасны, и я люблю их больше мужчин, хотя мужчин просто обожаю. Но уже многие годы на расстоянии, как и женщин.

Видимо, для меня эротика и секс живут по каким-то совершенно другим законам, о которых я только догадываюсь, а с местными законами не складываются отношения. Но я

люблю мужчин, у меня была полная и счастливая в отношении чувственной жизни юность. Я не вынесла из нее брака, но сохранила много любви. Можно сказать, что я прошлапила брак, потому что любила трахаться. Даже тогда, когда месячные закончились и это уже приносило боль. Однако я находила способы и смазку, потому что любила того, кто со мной был. Я любила многих.

Приложение: видео группы «Наutilus Помпилиус», фрагмент выступления на рок-фестивале в Подольске с песней «Я хочу быть с тобой».

Лайков нет
Два возмущения.
Два сочувствия.
Одно недоумение.

Комментарии
– Вам не стыдно об этом писать?
Конечно нет, ставлю лайк комментарию.
– Благодарю вас, что прочитали.
Комментарий был срочно удален.

Личное сообщение 1
– Я всегда знал, что ты крыса и предатель, но что ты дойдешь до такого бесстыдства и начнешь торговать своим влагищем, которое никому на хер не нужно, это что-то новое. Ты же урод, посмотри на себя.
– Ну да. Ты же мое зеркало.
Запрошенный контент более недоступен.
Забанил! А что ему еще делать? У него влагище в голове, и он им живет. Нет, не забанил.
– Манечка, а ты все же сволочь.
– Конечно, дорогой.
– И я тебя люблю.
– Наконец-то! А уж как я люблю тебя!

Личное сообщение 2
– Мария Георгиевна!
– Я здесь.
– Помните, мы говорили о В. и вы рассказывали о старых фильмах с ней? Сегодня я видела с ней Гамлета, но она играла Гертруду. Она шла к Гамлету в последней сцене, как бы никого не видя, оцепенев, величественная и беззащитная. Потом она играла Гонерилью в «Короле Лире», и это была самая красивая и несчастная женщина в мире. Регану играла И., но В. намного сильнее. Она подпорхнула к сестре (Регане) как птичка, плеснув на нее своими руками, и в этом было столько любви к Эдмунду, что я поверила: Гонерилья любила его, а Регану только хотела им обладать. Потом она была леди Макбет, и это была лучшая сказка за всю мою жизнь. Она переливалась как пламя, ее миндалевидные, густо подведенные глаза то сияли, то становились туманными к концу драмы; она всех за собою вела, ей покорялись все, а она гасла и таяла как свеча, и было так больно смотреть на ее смерть! В общем, это был шекспировский марафон, а В. играла все самые значительные роли. Играла она и Оливию в «Двенадцатой ночи», которая у нее вышла почти робкой, как девочка, как принцесса на первом балу; Геро, от которой исходила провокационная чувственность; Елену, которая была аристократичнее всего окружения, но при этом одновременно влюблена и цинична. Но в целом это было так красиво! Это был праздник!
– Ты заметила, сколько ты спала?

– Четыре часа. Сон длился около двадцати минут, потом я почти проснулась, но где-то через полчаса уснула снова.

– Выпей на ночь теплое молоко с квадратиком горького шоколада. Обязательно. Поняла?

– Да, спасибо.

Уже второй раз ей снятся живые, и это что-то важное обозначает. Но что? Усопшим проще, они свободны от того, что есть здесь. Но живые еще очень заняты.

Читатели хотят видеть в книгах ясных, красивых и здоровых героев. Я тоже хочу, но приходится иметь дело с людьми, у которых измененное состояние сознания. Мои клиенты все вместе дали мне то, что ни один здоровый человек дать не мог: тихий мир симпатии, а это ступенька к любви. Благодаря им я не смогу ненавидеть человека, даже если захочу. А эмоциональная усталость – величина переменная.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Неряшество Гарри забавляло Роя, так как оно было утонченным и ненавязчивым. Гарри, даром что долговязый, был подвижен и легок в движениях. Поскольку вопрос возраста был снят давно, а фантомные проблемы еще сохранялись, недостатка в эмоциях ни Рой, ни Гарри не испытывали. У Роя, в отличие от Гарри, был страх исчезновения, порождающий желание спрятаться; Гарри своими разговорами помогал преодолеть этот страх. После катастрофы, несмотря на новый комфорт, страх исчезновения распространился очень широко, это была эпидемия. С ним умели работать, но пока только научились купировать на время. Гарри, в котором все же больше было человека, жившего до катастрофы, хотя прошлый мир он помнил смутно, кажется, никакого страха вообще не испытывал, и это раздражало. Однако Рой любил поговорить с Гарри под крепкие напитки, напоминавшие виски, существовавшие до катастрофы, о том, что было тогда.

– Мы овладели многомерностью, но сколько бы измерений мы не добавили бы к уже открытым, найдется еще одно. Оно скорее привлекает, чем пугает, и оно намного более мощное, чем все остальные. Оно действует, оно создает. Мы манипулируем, но не создаем.

– Однохренно, – пожал плечами Рой. Ему нравилось, когда Гарри «ретроградит».

– Ретрогадит, – обычно добавлял Гарри.

На Фабрике снов Гарри считался одним из самых рейтинговых консультантов, хотя прекрасно понимал, что и язык, и костюмы, которые он создавал, – жителей ушедших эпох только насмешили бы. Рой Роу, как и Гарри, любил ретро тренды: причудливые слова, вытянутые формы одежды, странную обувь и еду. Более молодые люди охотно пользовались дешевыми копиями с эпох, а люди более серьезные вкладывали в ретро очень много средств. Деньги в новом мире никуда не делись. Гарри даже рассказывал, как в старом мире боялись, что деньги совсем исчезнут из оборота, но они не исчезли, а видоизменились. Вопрос денег для нового мира был одним из главных вопросов, но человек старого мира вряд ли понял, в чем его суть.

Гарри был высок, в его образе было много неуловимо-юношеского: медовые, но уже с серебром, жесткие пряди, косо идущий, через все лицо, крупный нос, напоминающий не то парус, не то клюв, низкий голос, который внезапно становился мягким, но ненадолго; глубоко ушедшие под лоб глаза цвета предгрозового неба, тяжеловатая нижняя часть лица с крупным ртом, которая с возрастом стала легче, суше, так что у него почти не заметно было двойного подбородка, и доверчивая улыбка, которую Рой полюбил, которую ценил едва ли не больше, чем свои синтетические интеллектуальные создания. Но в целом Гарри был скорее смурной и недружелюбный, хотя, конечно, так только казалось; Рой и это полюбил в нем.

Первый день года и первый день месяца пришелся на начало нового сезона, не самого теплого, но вполне комфортного. Гарри не появлялся уже несколько дней, отчего Рой немного загрустил и стал задумываться о приготовлении блюд, которых он еще не готовил. В момент размышлений, идущих от выбора рынка до выбора продуктов питания, появился Гарри.

– Ненадолго исчезну, – сказал он без предисловий, – а сейчас зову тебя есть туда-то, там отличное вино и кухня.

После довольно дорогого ужина Гарри сказал, протянув небольшое средство индивидуальной связи (сис).

– Это Джина. Возможно, пока меня не будет, тебе захочется поговорить с кем-то вроде меня.

Рой Роу и Гарри Флит попрощались наскоро, легко, как будто расстаются на несколько часов, ну в лучшем случае на сутки. Однако прошло две недели, а Гарри не объявлялся. Рой не хотел говорить с Джиной, но на сис поглядывал.

Внезапное потепление принесло невиданный по силе циклон с ветрами.

– «Манфред», – сообщали службы, – идет «Манфред».

Циклонам, как и в старом мире, давали имена.

Всему городу был предписан трехдневный отпуск. Не совсем понимая зачем, скорее из темной внезапной жажды, Рой Роу уехал на побережье, в хлипкое новое бунгало. После дороги затекла спина, легкая судорога свела правую ногу. Выйдя из средства передвижения, Рой услышал, как его что-то легонько ударило по ноге. Это было сис Джина. Чудак Гарри, когда же ты появишься снова. Рой наконец выпил напиток и заснул. Старая гардина штормового цвета прикрывала окно.

– Родители, – вдруг подумал Рой, засыпая, – чему научили меня мои родители.

И пожал плечами. Как всякий новый человек, Рой Роу сделал себя сам. Некогда хрупкая блондинка подросткового объема и принц мускулов международного спарринга пожелали создать человека, и так появился Рой Роу. Конечно, ему что-то подобрали, что было бы полезно с точки зрения родителей, но они почти никак себя не проявляли, а только сезонными взрывами нежности и праздниками дома, которые он очень любил. Все остальное время с ним была идеальная природа юга, опрятные помещения учебного заведения и такие же, как он, копии родителей. Однако порой ему казалось, что есть еще нечто. Он слышит, видит или чувствует его запах, или узнает его вкус, или поглаживает – но что это, Рою было неясно.

Тьютор появился внезапно, после молодого раската грома и смешной девической молнии, хвост которой осветил его длинное лицо. Гром разбудил Роя. Тьютор сидел на его постели в ногах, положив длинную, капризную кисть руки на покрывало. От него исходила странная волна симпатии, а легкий, цвета пыли и некрашеной шерсти балахон на тощем теле слегка волновался.

– Привет, сынок. Я твой Тьютор.

– Очень приятно, привет, – ответил Рой.

Тьюторов в жизни Роя было несколько, он им не удивлялся. Даже фамильярный «сынок» его не задел, Гарри порой обращался к нему «гад», и звучало это скорее ободряюще. Даже случайный человек мог назвать себя Ваней или Джоном и добавить «тьютор», – Рой принял бы это как должное. Но сидевший на его кровати в ногах человек, который имел вес около восьмидесяти килограммов, излучал волну тепла, не похожего на то тепло, которое Рой испытывал до этого момента. Рой даже видел, как это тепло расходилось желтыми, с медным оттенком, лучами.

Рой моделировал вещи, линии были его работой и его знакомыми. Он понимал характер каждой кривой, которую ему приходилось рисовать, отличал звучание одного объема от другого, на первый взгляд похожего.

Голова Тьютора имела яйцевидную форму, затылок был мягкий и чуть выпуклый, это было видно, ветер шевелил не очень густые, но пышные светлые волосы. «Темный

блондин, – отметил Рой про себя, – и редкий оттенок волос: песок, морской песок». Удлиненные, очень светлые, золотисто-зеленые глаза, чуть прищуренные, на длинном лице поблескивали. У них была своя жизнь, отличавшаяся от жизни сухого лица с кожей тонкой, как бывает у тяжело больных или у людей, долго употребляющих допинг.

Рой что-то читал об африканских масках, которые до катастрофы очень ценились собирателями, и даже видел несколько изображений. Наиболее понравившиеся сделал четырехмерными, и в них можно было помещаться целиком. Лицо Тьютора контуром отчасти напоминало одну из масок, знакомых Рою. Глаза не были маленькими, но их прищур, тяжеловатые веки и манера ими двигать создавала другое впечатление. Это была почти нечеловеческая голова.

Если бы Рой жил до катастрофы, он посчитал бы Тьютора пришельцем. Рот – длинная верхняя губа была узкой и многократно нервно изогнутой, как волна на мягком обкатанном камешке нижней, – слегка осел внутрь лица, и это завершало эфемерное, но оттого еще более тревожащее сходство с маской. Но перед Роем была не маска, а живой человек, плоть которого была еще более плотской, чем у Роя. Он чувствовал – и не мог преодолеть этого чувства, сочетавшего мгновенное желание и сильнейшее отторжение.

Тепло кисти, имевшей красивую форму и вытянутые, чуть плоские пальцы с ухоженными ногтями, даже касалось стоп Роя, и он не сопротивлялся.

– Что будем делать? – спросил Рой, вполне понимая двусмысленность этой фразы.

– Пойдем в театр, – ответил Тьютор, – Ты должен знать, что такое театр.

– Театр – это то место, где персонажам обязательно должно сначала сделаться плохо, чтобы потом стало хорошо?

– Нет, – ответил Тьютор, – это то место, где живут.

Станный ответ.

– Почему живут только в театре? Живут все и всегда.

– Скоро ты увидишь, что это не так.

Тьютор отвечал, как будто знал, о чем его будут спрашивать, и даже скользил несколько вперед, что Роя уже начало раздражать. Он вспомнил, что до катастрофы было еще кино, кинематограф.

– А может, в кино пойдем?

– И в кино пойдем, – прозвучал ответ, – но сначала на репетицию.

Тьютор встал и сделал знак Рою: вставай!

– У вас нет смерти, и потому вам недоступна жизнь целиком. Те, кто жил задолго до нас, были знакомы со смертью лучше, чем мы, и они были сильнее. Смерть присутствует и в вашем мире, но ее образ стал почти нелепым и действительно страшным. Для нас ее стать выглядела почти благородно.

Рой Роу слышал и даже сам делал материалы об отношении к смерти человека, жившего до катастрофы; один материал был даже о беседе с душами умерших и был опубликован в день древнего ритуала. Но Тьютор совсем не напоминал о древности, он выглядел как Гарри, и еще живее. От него пахло табаком, по описанию Рой узнал этот запах, лавандой и немного лимонной травой. Впрочем, эти древние запахи Рой знал только условно, но ему невесть почему захотелось их назвать и даже хотелось, чтобы они были именно такими, как он назвал их. Гроза усилилась, полотнище на окне захлопало, как однокрылая птица.

Приложения к посту в виде фото и видео отсутствуют.

Лайков 3

Комментарии

Друг 3

– А ничего так. Бойко пишешь.

Друг 4

– Ты выдумываешь потому, что у тебя нет в руках уникального материала. Смотри, вот Д. или Л, они располагают уникальным материалом, и потому очень известные. А кому интересен твой тьютор?

Друг 5

– Все равно за границей это никому не интересно. У них своих сумасшедших полно, там целая такая литература.

Автокомментарий, не записан:

Поставила лайки всем. Текст все равно не мой. Да, я часто ловлю себя на том, что почти издеваюсь над читателями. Потому что у меня нет выбора. Все же не дает покоя статья в Яндекс Дзене о болях с моим диагнозом, остеопороз высокой степени в сравнительно молодом для него возрасте. Лежачка, потом отек легких и конец. Обычно это происходит так; я живу с мыслью, что закончу именно так и одна в квартире. Меня не пугает это, наоборот, получаю стимул жить и писать в фб про то, как люблю друзей, про то, какие прекрасные у меня пациенты, про то, какая я горгона и медуза. Это лучшее занятие на свете.

Пост 9

Без числа

Женщина, 79 лет. Нянчится с едой, как одна моя знакомая с шопингом. В разных частях квартиры у нее секретники с едой: на кресле возле кровати, на столике, в холодильнике, который зябко ноет в двух шагах от ее кровати. В секретниках спрятаны и шоколадка, и картошка из макдональдса, и кислая капуста в крохотном контейнере, и огурчик, и стакан компота. Все расставлено аккуратно, скрыто от чужих глаз и употребляется по мере желания.

Женщина очень полная, неповоротливая, но как все полные пожилые умеет отвоевать себе жизненное пространство, и в основном за счет других людей. Сейчас она живет с дочерью, так что дочь почти ничего не готовит. У нее начинается тихая или громкая, в зависимости от усталости, истерика, когда она видит еду матери. Но дочь не без силы воли и научилась спускаться на тормозах эмоции, так как почти все пожилые люди что-то прячут по углам. Но тут особенный случай. Женщина любит еду, играет с ней, любит, наслаждается ей, как будто это нечто волшебное. Ее увлекает вкус, она не без художественности относится к пище, но мания сильнее, и хрупкие формы разрушаются, не достроившись.

Например, двухлитровая банка с квасом, созданным из французских сублимированных дрожжей «Саф момент» и дарницкого хлеба. Кусочки хлеба, довольно крупные, ходят, вернее, бродят по банке, вырабатывая кислый и никак не похожий на квас напиток. Это скорее бродило, что-то вроде браги или пива, но не квас. А женщину это не беспокоит. Для нее это самый лучший квас в ее жизни. Дочь уже не обращает внимания на эту банку, впрочем, правильно делает. Мать настолько любит этот напиток и так заботится о нем, что промывает марлю на горле банки два раза в день.

Я работала с ними обеими, по просьбе дочери, которая искала халяву и очевидно платить за мою работу не хотела, но платить пришлось, потому что я довольно сильно занизила цифру. Порой интересно наблюдать, как люди разводят на деньги сами себя, желая заплатить дешевле. Ничего нового я им сказать не могла, но дочь после сеанса выглядела сомнамбулически мирной, а у матери поблескивали глаза, ей было интересно побеседовать.

Клиентка она сложная, из тех, кто живет глубоко в своем мире, и потому все окружающие должны поступать, как в этой глубине решили. Дочь, по счастью, настолько цинична, что вполне уживается с матерью и особого дискомфорта не испытывает. Но у нее выраженная остеопатия, что в ее возрасте неудивительно, и потому таскать сумки с гелем для стирки, другими моющими средствами и крупами ей трудно. Остеопатия

развилась после курса химиотерапии, тогда же у нее ушли месячные. Ей было сорок пять лет. При онкологии после облучения это бывает. Мы с дочерью нашли общий язык на почве отсутствия месячных. Пора бы создать целый комитет по защите женщин с ранним остеопорозом и выраженной остеопатией. Но пока этот комитет даже присниться не может. Хотя фб говорит, что есть такие группы. Нужно проверить, но ведь я все равно не вступлю. Я терапевт, у меня нет иллюзий относительно человеческих контактов.

Мать просто не думает о том, как дочери трудно, она так устроена, и это по-своему хорошо, умение отключаться помогло ей пережить много страшного, что было в ее жизни; не думать о том, что другому тяжело – просто и удобно. Знакомые считали ее милым душевным человеком, тонко чувствующим и щедрым.

На большом расстоянии так и есть, однако, когда она рассказала мне о том, как родилась на этот свет, я поняла, что ей руководит хорошо скрытая надменность и вполне сформировавшаяся агрессия, которую может вызвать любой человек, даже случайный, не говоря о родных. И только когда на нее, по ее же выражению, «орали» ее «орущие» родственники (чаще всего дочь), она немного примирялась с действительностью, постоянно строившей ей козни.

– Я же видела, я ясно видела, мне Матерь Божья показала. Как они (кто, я так и не поняла, примечание психотерапевта) поставили меня на четвереньки и сбросили сюда с крыши дома, как собаку, как собаку... Я ела песок и плакала! Я не хотела сюда. Что же на мне такое висит, что я несу смерть.

Смерть эта женщина никому не несла и сумасшедшей не была. Как все довольно крепкие пожилые люди, она прекрасно слышала и отличала одно от другого, но, повинаясь старческому страху, намеренно отвечала невпопад. А еще ей свойственно было лгать, причем лгать постоянно. Это был случай, когда человек не может не лгать.

Однако я уверена, что нашла ее занозу. В юности она выпускницей техникума работала на урановом руднике в Средней Азии. Там же работало большое количество зеков, а девочка ими командовала, и с большой вероятностью можно предполагать, что ребята наказали москвичку-задаваку, и сделали это жестоко. С тех пор она видит агрессию во всем. Как она вышла замуж и прожила двадцать пять лет с мужем, не знаю. Странное сочетание сверхчувствительности и бессердечия. Хотя почему странное, это почти логично.

Дочь живет сегодняшним днем, здесь и сейчас, но от природы доверчива и вполне контактна, уравновешена. Она айтишник.

Моющие средства и крупы мать покупать не умеет, зато может потратить шестьсот рублей на колбасу из индейки, добравшись до рынка. Уборка квартиры тоже лежит на дочери, хотя мать вполне чувствует себя хозяйкой съемной квартиры, в которой они живут, и порой совершает с сознанием собственной исключительности необходимые для гигиены жилища действия. Уголки ванной, например, протереть. Поскольку мать не имеет достаточно воли, она иногда копирует дочь, например, заявляет, что на уголки ванной флаконы ставить не нужно, потому что там разовьется плесень. Ремонт в ванной дочь сделала не так давно, и потому ее реакция мне понятна. Да и мама, честно говоря, с придурью.

Я вела их два года, пока не слегла. Самое интересное, что я потом встала. То, прежнее рождение, видимо, пробудило во мне бессмертие, хоть и слабое.

Завершение истории было неожиданным. Позвонила мать и сюсюкая сказала мне, что Ксеничка умерла. Случилось это зимой. Ксения не то простыла, не то был ревматоидный приступ: пару дней пролежала дома. Выпив таблетки, вспотела, почувствовала себя лучше, открыла окно и заработала отек легких, который мучил ее довольно долго, но в общем не сильно. Скончалась весной. Она была натуральная блондинка, немного рыжая. Помню, мне подумалось, когда рассматривала ее веснушки, что она долго не проживет.

Приложение к посту в виде фото, страница из изданной на ризографе книги со стихотворением, в котором есть строчки: «Мне бы только весенние клены / На бульваре Тверском повидать».

Лайки: нет.

Сочувствие: одно.

Возмущение: одно.

Комментарий

Случайный читатель:

– Вы не любите людей! Вы их презираете.

Автокомментарий, не записан:

Ну я же психотерапевт. Я всех люблю, это мой профессиональный долг. Поставила лайк, сказала спасибо, ответив на коммент.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Одно пространство сменяло другое пространство; перед Роем развернулась целая цепь пространств, связанных между собою чем-то похожим на старинный дверной проем – на то, что Рой видел в материалах о мире до катастрофы. Некоторые проемы были огромны, так что верхней планки видно не было, некоторые широки, так что не видно было боковых планок, и кажется, что наполнение пространства вещами соответствовало конфигурации проема. В широких гулял сильный ветер и порой возникало то, что в мире до катастрофы называли бы пейзажи, в высоких с потолка, иногда почти недоступного взгляду, свисали светильники, которые порой превращались в детали обстановки. Одни проемы были населены куклами, манекенами разного вида и скульптурами, от нежных и небольших до самых причудливых, в некоторых слышалась далекая речь, но на каком языке говорили, Рой не понимал. Тьютор шел легко, на полшага впереди. Рой подумал, что если бы не изумительная легкость его движения, ему самому почти невозможно было бы преодолеть эту цепь пространств.

Рой с Тьютором прошли по коридору, затем поднялись по небольшой лестнице и вошли в просторное помещение, разделенное на две части. Большая часть тонула в густой ультрамариновой темноте, и что там находится, было не особенно важно. Меньшая часть была приподнята над остальным пространством, убрана в темно-красных тонах и пронзительно, мглисто освещена несколькими источниками света, с которыми очевидно было что-то не так. Они светили микроскопической пылью, хотя, конечно, никакой пыли не было. В чем было дело, неясно. Не то стекло в плафонах помутнело от старости, не то сами лампы были плохого качества. Но эта мгла света изумила Роя.

Первое, что он увидел, это люди, частью стоявшие на возвышении, частью ходившие по нему, кроме двух фигур в центре, мужской и женской. Сначала они показались Рою двумя случайными мазками краски, темной и светлой, но потом он увидел их ясно, как не смог бы разглядеть и находясь рядом.

Это были юноша и женщина, которая с натяжкой могла быть его матерью. Пятнадцать лет – зыбкий срок, в возрасте пятнадцати лет женщины некоторых народов рожают. Итак, она была старше него на пятнадцать лет.

Рой поначалу хотел защититься от увиденного, и даже приподнял руку. Затем очнулся, отер глаза ладонью и оглянулся, где Тьютор; тот сидел в углу возвышения, но Рой знал, что может услышать даже его шепот, и голоса юноши и женщины тоже. «Если это театр, то нужно смотреть», – сказал он себе и мягко расположился в уютной мгле кресел.

Юноша в темном наступал, очень осторожно, однако все же наступал, обвивая ее, но не обнимая, окутывая собой, настаивая, дерзко, как уличный пацан, и нежно, как если бы он был ее шалью. Она не отступала, наоборот, ловила его движения, возвращала их, облив холодом, тянулась к нему, чтобы потом отстраниться внезапным доверчивым жестом.

– Вы меня не поняли, – услышал Рой. – Подождите, вы меня не поняли.

Рою было известно о причуде людей до катастрофы обращаться к малознакомому человеку во множественном числе; внезапно по всему его существу прошла искра, и он вспомнил, о чем говорил Гарри.

– Это конфликт, – послышался голос Тьютора. Он перекрыл собой довольно приятную сумятицу звуков: как бы сразу готовилось к началу игры несколько инструментов. С точки зрения Роя все инструменты эпохи до катастрофы были не инструментами, а только попытками. Но он понимал, что для этих людей инструменты его мира кажутся игрушками. Его разрывало, но это было и приятно.

– Это конфликт, – повторил Тьютор, – затем они встретятся через много лет, она наконец ответит ему.

Помещение с людьми растворилось, и Рой снова оказался у себя в бунгало. Сырой ветер свирепствовал, но вреда постройке не причинял. Перед ним лежало его любимое устройство просмотра, а на нем был открыт дневник Джины.

– Я даже не разговаривал с ней, неужели там, на возвышении, была она?

«Нет», – ответил кто-то внутри него; голос показался знакомым. – «Это была не Джина. Но ты скоро увидишь ее».

Пост 10

Без числа

Я никогда не относилась серьезно к френдшип в фб, а тем более к бану. Бан предполагает несколько административных мер, которые принимаешь не ты, а по твоей наводке фб. Ты как будто жалуешься, и потому у многих блогеров есть мысль, что банить в разгар дискуссии это слабость. Но я и дискуссии всерьез не могу принимать, потому что это текстовое общение. Все равно как я провела бы сеанс по переписке, не видя глаз и цвета кожи, а только догадываясь о реакции по письму. Это интересное дело, но вряд ли плодотворное. Это будет полсеанса или четверть сеанса, но не сеанс. Для меня в некоторых лицах даже цвет глаз имеет огромное и порой решающее значение.

Что я освоила довольно быстро и что не все мои более мягкие и человеколюбивые знакомые не освоили – смотреть хронику после появления запроса на добавление в друзья, и делать это желательно глубоко. Бот проявляется почти на поверхности, но бывает, что сложно отличить человека от бота, а бота от засланного казачка. Если я нахожу признаки, что передо мной хроника человека (скажем, комментарии общих друзей), но по какой-то причине я не хочу, чтобы он читал мои записи, я снова удаляю его из друзей, а если хроника агрессивная, то баню. Для меня в самом факте бана ничего особенного нет.

Еще примерно раз в неделю, как мою пол в квартире, я чищу группы, которые нарастают как сопли на стояке, и тогда вполне ощущаю себя единицей общества.

Теперь уместно в стиле фб сообщить пять фактов обо мне.

Я почти ничего не зарабатываю сейчас, у меня даже нет постоянных клиентов, только те, которых мне приводят коллеги.

Я обожаю свою работу и мне не стыдно, что кроме работы у меня ничего в жизни нет, хотя это и современный тренд: ничего, кроме работы.

Я абсолютно счастлива, потому что когда-то пережила сильнейшее чувство влюбленности, а потом любви.

Уже три факта!

Я инвалид со всеми вытекающими последствиями, я женщина-инвалид.

Я скоро умру, и это пробуждает во мне авантюризм.

Приложение к посту: видеозапись концерта группы «Слэйд», композиция «Так далеко».

Лайки: три.

Сочувствие: три.

Ха-ха: одно.

Возмущений нет.

Комментарии

Случайный читатель:

– Прикольно! Весело вы живете.

Поставила лайк, какая-то милая морда.

Пост без номера

Без числа

Сегодня был резкий скачок состояния, боли. Справилась, конечно, лекарствами. Сколько-то времени эта практика еще будет работать, но к настоящей лекарственной зависимости нужно готовиться уже сейчас. Осматриваю съемное свое жилище, коробки, три большие плюшевые игрушки – по мнению нежных мамаш, пылесосы, – и думаю, какая истерика будет, когда перейду в новое качество. Так что навыки мытья без залезания в ванну и приготовления супа без поджарки на сковородке нужны уже сейчас. Я люблю мыть посуду, но я живу одна, и потому мытье посуды занимает больше времени, чем приготовление немудрящей пищи и ее поедание. Мне все время пишут и говорят, как только возникает тема еды, что я не люблю готовить и равнодушна к еде. Это неправда, и я всегда расстраиваюсь, когда так говорят. У меня уже нет ресурсов на приготовление пищи.

Видео и фото приложения к данному посту отсутствуют.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу.

Рой был красив текучей, но запоминающейся красотой: довольно высокого роста, ни блондин, ни брюнет, ни рыжий, с густыми пепельно-шатеновыми волосами, которые на солнце приобретали красный оттенок. Лицо в одном из ракурсов казалось треугольным, хотя было удлиненное, остро-овальное. В память глаза мгновенно врезался фактурный профиль, открывавший недюжинную волю и одаренность. Длинный, но приятной формы, хрящеватый нос шел как звук скрипичной струны, сразу, из-под ровного прямого лба, линии которого смягчали резкость профиля, к чуть вытянутым нешироким нежным губам. В движении Рой казался то опьяненно-нелепым, то невероятно ловким, но в общем его фигура могла показаться фигурой танцовщика, хотя он предпочитал некоторые виды единоборств. Несмотря на худощавость, Рой был силен и вполне мог на короткое время поднять груз, равный своему весу. Глаза его меняли цвет в зависимости от времени дня. Но когда он был сосредоточен и задумчив, они казались очень светло серыми, с добавлением зеленого и синего.

Именно такими глаза Роя были и сейчас, когда читал то, что оставил ему Гарри. Это был учебник прошлой жизни, живые записи мертвеца – Джины.

Лайков нет

Комментарий

Друг 6

– Спасибо! Интересно вы пишете.

А то. Конечно, поставила лайк. Алина была действительно очень талантливой.

Пост 11

Без числа

Я не была замужем, но в жизни у меня есть человек, с которым прожила довольно долго, а дружбу с ним сохранила и после того, как расстались. Мы были веселыми молодыми любовниками, которые не считали, что мир ограничивается только второй половинкой. Мы не поняли вовремя, что у нас настоящий инцест, хотя мы не родственники. По сути, не было встречи и не было расставания. Мы сразу не сказали друг другу, что мы два яйца одного органа, а потом было поздно.

В фб мы контактируем редко, в смысле комментариев и прочего, кроме личных сообщений, так что опознать его среди моих друзей сложно, если не знать заранее, кто это. Коллеги и однокашники знают, но они знают так же, что у каждого из нас своя жизнь. Он тяжело зависим от секса, причем это вариант сложный, он ищет постоянного партнера, так что случайных партнеров может и не воспринимать как сексуальных партнеров, это вполне серьезно. Ему как-то сказала его пассия: а вот прошлой ночью я поняла, что нужна тебе навсегда. Он ответил: а мы разве были вместе прошлой ночью? И он не шутил, он просто не считает, что был секс.

Постоянного партнера он искал и тогда, когда мы встретились. Мы невероятно похожи: я тридцать лет влюблена, а мой коллега все ищет женщину, достойную своей любви. Это и соединило нас на время. Он называет меня своей бывшей женой, а я его своим бывшим мужем. Но это не потому, что мы так считаем, а потому, что мы договорились, так нам обоим удобнее, все-таки неплохой статус; то есть к пятидесяти у нас за плечами устойчивые и ровные отношения. Ну да, они такие же инфантильные, как были тогда, когда мы защищали диплом.

Нужно договориться: словом «отношения» Дюша называет только сексуальный контакт. Все, что кроме физического контакта: взгляды, интонации, общее сознание, общее дело, общие интересы – это не отношения. Как все сексоголики, он ни во что не ставит жизнь вне секса. Но и на него случилась проруха: он захотел защититься (диссертация). И я думаю, она станет его идеальной женщиной.

Приложение: видеофрагмент записи концерта группы «Ноль», композиция «Школа жизни».

Лайки: нет

Ха-ха: три.

Возмущение: два.

Комментарии

Друг 5

– Они все такие идиоты.

Поставила лайк, хорошая девушка, сочувствует мне.

Друг 69

– Он хоть диссертацию защитит, а у тебя одно воображение.

Нет у меня ни воображения, ни подсознания, я психотерапевт. Поставила лайк. Это довольно высокая оценка моих профнавыков.

Личное сообщение

Два двадцать четыре ночи

– Мария Георгиевна!

– Ау, куда я денусь.

– Мне снилось.

– Еще бы не снилось тебе! Что или кто на этот раз?

– А. Он пел в опере.

Мне поначалу стало дурно, хотя дурно мне давно не бывает. Немного перекрыло дыхание, помутилось в глазах, обычная сосудистая шалость. А затем свело той самой, единственной на все времена моей судорогой. Ей приснился А., и я ждала, что он появится в снах этой девушки. Он не может не появиться, у него такая специальность, он лучше всех людей на земле, он актер. Ален Делон, хотя зовут его совсем не так, и сейчас ему самое время играть Дракулу.

Он жив, а в снах этой девушки появляются в основном усопшие. Люблю это слово, «покойник» кажется неуместным. Есть особые сны с особым пространством, похожие на театральные коридоры, в которых много комнат и зал, и там живут только усопшие, а живым там места нет. Для живых есть другие сны, тревожные или радостные, но там другое пространство, в котором есть улица, а не коридор. Впрочем, все это лишь примерные ориентиры: коридор, улица, а не примерны только живые и усопшие, их во сне распознаешь мгновенно.

Что это за сон, где живой ходит по миру, в котором расположились усопшие? Это предсказание или шалости воображения? У А. очень приятный, богатый, но несильный голос и абсолютный слух, однако в опере петь он не смог бы. Я много раз вслушивалась в его речь, он говорит свой фрагмент как музыкальную пьеску, он очень музыкален. Но опера это другое, это тяжелая трудная работа, не для хрупкого А., и все же.

– Что давали?

– «Риголетто».

Конечно же Верди и именно «Риголетто», там Джильда, а Джильда это я, такая почти детская была мысль, Джильду Риголетто перепутал с Герцогом, потому что она была в плаще Герцога, и Риголетто убил свою дочь.

А. самый лучший Герцог, именно ему бы и петь «Женщина изменчива», А. единственный Герцог на свете, а Герцог самый лучший и единственный возлюбленный. Нелепость оперной красоты только обрамляет уникальность образа вечного жениха и возлюбленного. Я не поверила бы, если бы кто-то на свете смог с ним сравниться, или хоть одно явление в мире было бы лучше и выше Герцога, и конечно А., потому что он Герцог.

Меня снова свело судорогой, еще сильнее, пришлось вызвать камеру и посмотреть, как меня перекосило от одного упоминания об А. Иногда асимметрия в лице признак односторонних отношений. Впрочем, Герцог отвечает всем, мягко и легко, как только он может, и не любит назойливости. А женщина, как правило, назойлива. Для Герцога я не женщина, а Джильда.

– Он пел «Questa e quella»?

– Конечно! Моя любимая ария во всем «Риголетто».

Она могла не рассказывать, я знаю, как это выглядело. А. был не в камзоле, а в кремовой рубаше, с узким кружевом, строгой, и палевых велюровых штанах, кушак был широкий, в тон штанам, с густой тонкой вышивкой. Сапоги кордовской кожи, с золотым тиснением по голенищу, какая-то мистическая надпись.

Надо же. Я думала, он наденет алое, чуть светлое, гриновское, что к его темным волосам так идет. «Раненый тайной печалью», так он как-то в шутку сказал мне о себе. И надпись на сапогах в наличии, все, как и должно быть у Герцога. А. верен себе даже в таких мелочах. Ему нет дела до мистической надписи, но он любит волшебное, потому что сам волшебный.

Он вышел, щеголяя ростом, тонкий и текучий, немного пружиня, сытым хищным зверем, но легким на подъем, как будто немного уже проголодался. Стол посередине сцены невысокий, вокруг низкие темные стулья. Он взлетел прыжком на стул и поставил одну ногу на стол. Эти скачки ему удаются как никому. Сверкнул острым, раздражающим локтем, а такие локти бывают только у тех, кто замкнут и не любит выяснять отношения.

В лице его всегда было что-то напряженное, почти отталкивающее, возможно женственный разрез глаз. А теперь все это перенасыщенное очарование лилось с лица, обтекало мягко нежно-хрящеватый нос с загадочной горбинкой и острый подбородок, возвращалось в глаза и плескалось в них приглушенным светом.

Петь он начал скорым голосом, увеличивая громкость понемногу, видно, что вслушивался в дурацкие вердиевские духовые; запев, распрямился, заиграл как рубин, соскочил со стола и начал обходить пиршественную залу, обращаясь к каждому небольшим и все же заметным движением. Это движение говорило не то «как вы восхитительны», не то «как я сегодня восхитителен».

Конечно, «как я восхитителен». Впрочем, все это нужно скорее забыть. И этот прошедший праздник красоты, и тот единственный мгновенный диалог. Теперь все другое: и красота, и время, и обстоятельства. Только он прежний, Герцог.

Однако сколько совпадений, как много совпадений. Это точно, если А. скоро умрет, я надолго его не переживу, не для того была моя жизнь и моя любовь.

Но, возможно, он из тех, кому дано ходить по коридорам времени; не зря он приснился девушке в снах, в которых обычно приходят усопшие.

Приложений в виде фото и видеофрагментов к посту нет.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу
Дневник Джины

«Я только и делаю, что пишу дневники, и у меня это получается плохо. Начинаю и бросаю, а некоторое время назад совсем перестала писать. Тот поток, который идет сейчас, не совсем дневник, это история моих встреч с Ксавьером и с его коллегами, если так можно выразиться.

Некогда существовало понятие раздвоения личности, но после катастрофы личность человека стала скорее чем-то собирательным, так как можно было выбирать даже гены, так что говорить о раздвоении личности теперь более чем странно; тем не менее в фантазмагии последних нескольких месяцев есть что-то от той доброй старой болезни, и мне это нравится.

Был один писатель, свое самое лучшее произведение он начал с того, что заболел, и после выздоровления ему открылось, что есть любовь и что есть ненависть. Со мной было не так. Я была совсем юна, но знала, что на свете есть Ксавьер, и очень хотела его увидеть.

Я не знаю, что такое знание, но про Ксавьера я поняла очень рано и влюбилась, как можно влюбиться в то, о чем слышишь, но что недоступно. Однако он не был недоступен, он был как первый снег, как те всадники, выгуливавшие лошадей в парке. Как я люблю лошадей. И как хорошо, что у Ксавьера есть лошади, особенно трехлеток Воронок.

Ксавьер был тайной всего нашего приморского города. Он приходил, когда его никто не ждал, и исчезал, когда вздумается. Он был прекрасен, но при свете дня его лица еще никто не видел. Существовала легенда, что та, кто увидит при свете лицо Ксавьера, будет любить его до конца своих дней, и у нее не будет ни семьи, ни детей, потому что она будет принадлежать Ксавьеру.

Потом он сам сказал мне, что почти все хотели видеть его в роли темного всадника, а он вовсе не был таким. На самом деле Ксавьер был бродягой».

Пост 12

Без числа

Его дела тогда шли в гору, он переехал в наш подъезд со своей парковой окраины. Лицо его было знакомо почти всей стране, а деньги пока были советские. Однако у него получилось обменять жилье с доплатой. И вот в один прекрасный осенний день, конечно,

теплый и солнечный, я увидела его в нашем дворе. Тогда мне было почти восемнадцать, часть прядей была выкрашена зеленой, часть йодом, кончики пальцев тоже были зелеными и коричневыми, цвета чередовались. На теле болталась огромная, но шотландской шерсти отцовская безрукавка с клеткой на груди, ноги чуть натерты теннисными туфлями, выкрашенными тушью и высушенными феном, а джинсы были индийские. Как я не люблю джинсы теперь. Я ходила прямо, быстро, иногда начинала сутулиться, роста была скорее высокого, но казалась ниже, как и теперь, с маленькими руками и ногами, из-за чего обувь покупала чаще в детских магазинах, что злило, потому что в «Лейпциге» моего размера не было.

Он шел к своей машине, черные жигули, кажется, тройка, плащ непонятного светлого цвета, как оказалось, очень модный, волновался на стройном теле. Тогда меня поразило, как он двигается, так никто до – и никто после не двигался; текуче, как бы по одной ему ведомой диагонали, которая рассекает все вокруг. То, что у него длинные породистые пальцы, не удивительно, но то, как он поднимал и опускал кисть при ходьбе, говорило, что он рисует, что он художник.

Пару лет назад он решился на выставку, а тогда только рисовал, и я знала об этом, потому что пару раз видела его с мольбертом, новым, и с пакетом, в котором явно лежали коробки красок и бумага для рисования большого формата.

Смотреть на все это текучее движение – тела, плаща и приближающейся машины, которая на самом деле стояла, но от его движения почти поплыла, – которое венчал мягкий и почти надменный золотистый профиль, – было выше моих сил, и я подошла.

– Здравствуйте, – обратилась я официально.

– Здравствуй, – охотно ответил он, предлагая сразу «ты», это был хороший знак. Глаза его оказались теплого зеленого цвета, почти янтарные. Я любила, когда он так улыбается, одними глазами.

– Теперь мы соседи, – вырвалось у меня само, и он рассмеялся. Мягко и весело, как никто в моей жизни никогда не смеялся, так, что я не почувствовала себя смешной, наоборот, посмотрела его глазами на женскую фигурку с цветными пряжами, в шотландской безрукавке, из-под которой торчали рукава фланелевой дедовой рубахи. На шее болтался переделанный в кулон значок «Фак ю».

– Тогда привет, соседка!

Он не спросил, как зовут, он только улыбался и вдруг пошел навстречу. Как никто никогда ни до, ни после ко мне не шел, я чувствовала, что нужна ему, и даже если это только игра, она лучше не-игры. Во мне сработал, единственный раз в жизни правильно, защитный механизм. Я восторженно подняла глаза, вобрала в себя все, что вижу, все его прошлое и будущее, и, как кошка, мяукнув что-то вежливое, исчезла в арке.

После всего, что произошло тогда, за пару минут, я поняла, что сказать ни ему, ни тем более другому человеку «ты мой» не смогу. И уже не смогу быть чьей-то, и даже его. Все, что связывает нас, находится за пределами отношений, мое сердце знает об этом, и возможно, его сердце тоже. Кажется, я произвела на него симпатичное впечатление.

Теперь нет смысла выходить замуж, заводить мужчину своей жизни или заводиться как женщина чьей-то жизни. Теперь не важно, как скоро я состарюсь, стану безобразной или нет, сколько у меня будет мужей и детей, если я, благоразумно поглупев, начну строить свою семью. Есть он, и этого более чем достаточно. Он будет приходить ко мне, когда захочет, во снах или в безумии, если я окончательно сойду с ума. Наяву нельзя, нужна техника безопасности. Однако если он сам заговорит... Нет, это невозможно. Он может заговорить сам, но он интроверт, я тоже, – продолжения не будет.

Мы виделись сравнительно часто, в разные часы дня, он все так же приветливо, иногда совсем весело, иногда вопросительно говорил мне:

– Привет, соседка!

Я отвечала так же односложно, радостно, бессовестно фотографируя его всем своим существом.

Со временем эти встречи стали восприниматься как повторяющийся сон. Я читала его немые вопросы: ему хотелось что-то знать обо мне, покрасоваться, поговорить, но я каждый раз говорила нет и научилась делать это тепло, тонко и красиво. Ему понравилось; он, как я поняла по его привычкам, меланхолик.

Несколько лет я наблюдала его гостей, подруг, дам; одну к нему приревновала: она была прочим не ровня, это была почти богиня, наша с ним любимая актриса. Но А. с ней на одной площадке, а я смотрю, как они входят в подъезд, как он держит ее руку, и безоблачно, нагло счастлив. Ее темные тревожные глаза на пудрово-бледном лице искали в нем то, чего, вероятно, и не было никогда. Лицо ее в форме ядра миндального ореха – и глаза миндалевидной формы – всегда несло на себе несколько сумрачное выражение, не сходившее, кажется, никогда. Но при взгляде на него глаза ее расширялись, в них открывалась полнота дочерней и материнской любви. Она смотрела как дочь и мать, а не как женщина на любовника, и от этого взгляда он сиял еще сильнее. Актриса немного старше него. Однажды он подал ей руку, когда спускалась со ступеней, а я в этот момент вышла из арки, уже начинавшая трезветь после одного мощного сейшена. Он поднял голову от ее лица, словно я его позвала, оглянулся и сказал, как всегда ласково, но чуть более заговорщицки:

– Привет, соседка!

И мы поняли, что обожаем одну и ту же женщину.

Я тогда уже трахалась с Дюшей, переехала к нему, но дома бывала сравнительно часто, и потому видела А. изредка. Однажды пришлось прожить дома неделю, болела мать. А. был почти каждый день пьян и, судя по всему, пил уже давно. Пил он, конечно, с размахом, но мне кажется, что в одиночку, это больше на него похоже. В лице стали проступать новые черты – маньяка, Дракулы. Затем ему все надоело, и он бросил пить, вероятно, легко, но возможно и нет. Это его свойство: кажется, что ему все дается легко, а на самом деле он страдает. Машин у него на тот момент было несколько, одна спортивная красная, квартира та же, окна закрыты жалюзи, этаж третий, одеваться стал неброско и очень дорого. А было время, когда лаковый красный плащ видно было с другой стороны улицы.

А. снял фильм, уникальный, но общая ситуация в кино была такова, что этот фильм никто бы не оценил по достоинству. Я смотрела этот фильм у Дюши, на кассете, плохого качества, он мне понравился очень, и подумалось в этот день, что А. встречу пьяным. Так и было. Не знаю, штрафанули ли его по дороге, но он встал из машины, пошатываясь. Вскоре после фильма он занялся театром, и, видимо, ему понравилось. Мне думалось тогда, что он испытывает чувство вновь обретенного дома.

Он уже не говорил мне привет, а только глазами задерживался на лице, как бы поглаживая его. Однажды летом остановился, в джинсах и твидовом пиджаке, пиджон, и сказал, чуть наклонив вперед лоб, его обычный жест, когда хотел, чтобы его слушали, сказал тихо и доверчиво:

– Я скоро перееду, женился наконец. Она меня добила.

– Она замечательная, – ответила я, но речь была не об актрисе. Жена его оказалась милая и тоже, как он, художавшая женщина, которую я видела в нашем дворе раза два. Мне бы хотелось дружить с ней, у нее особенная искристая улыбка.

С Дюшей мы весело прожили несколько лет, но никогда, даже в периоды доверия, которые сделали из нас брата и сестру, упавших в колодец инцеста, меня так не крутило, как тогда, когда вспоминала А. Не было ни слез, ни истерики, ни муки, а только душное, почти навязчивое ощущение присутствия А. рядом, очень тесно, как будто он не сжимает рук только для того, чтобы я сама попросила об этом, как будто зовет сделать следующий шаг, провоцирует и не отпускает.

– Раненый тайной печалью это я, – сказал он полушуткой, увидев меня возле машины. Я не выдержала, пришла посмотреть, как грузят его вещи. Мебель всю он

заранее продал, а других вещей было немного. В основном аппаратура, видимо, очень дорогая, и одежда, тоже дорогая.

– Я тоже раненая тайной печалью, – вырвалось у меня, и рядом с ним это прозвучало не глупо. Он засмеялся, как в тот первый раз, светло и чисто, как будто точно знал, что мне сейчас нужен именно этот его дразнящий смех. В тот момент у меня было абсолютно мое лицо, а это бывает редко. По большей части выражение либо усталое, либо глуповатое, смешное. Но тогда на него смотрела юная влюбленная женщина, хотя какая юность за тридцать, и все же. И он запомнил ее, ту женщину.

Приложений в виде фото и видеофрагментов к посту нет.

Лайков тридцать
Суперлайков пять

Комментарий
Друг 36

– Какую красивую историю ты написала.
Поставить суперлайк за такое внимание, что еще.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

– На сцене В, – сказал Тьютор, – посмотри. Это В, одна из великих актрис прошлого. Я наблюдал за ними очень долго и хотел тебе показать, что будет потом.

По глазам Роя прошелся пыльный луч света. Теперь темная мужская фигура стояла на значительном расстоянии от женской, люди ходили по возвышению парами, по одному или по или трое, с бокалами, и никто не решался нарушить пустое пространство. Мужчина и женщина разговаривали, но о чем, не было слышно. Его глаза светились и плескались в радости, а она замерла, как слегка прихваченная заморозком листва. Он вызывал ее из оцепенения пережитых бед, он звал ее, покалывал словами ее уши, порой делал почти пошлые гримасы, чтобы она наконец рассмеялась. И она улыбнулась. Сначала робко, изумленно, затем строго и почти тепло. А ему того и нужно было. Он продолжал звать за собой, выводил ее из пережитого, заменяя мрак своей улыбкой. И она пошла за ним.

Из дневника Джини

«Ксавьер был бродягой и актером. Была такая профессия – актер, и такой образ жизни – бродяга. Когда я впервые увидела его, поняла, что мне нужно только одно: чтобы он был счастлив и любим. Это первое бестолковое чувство может преобразиться в мощнейшую силу, но не у всех это получается. Мне помогали обстоятельства. Я не могла быть слишком близко к нему и не стремилась быть близко, я боялась его спугнуть.

И тогда он заметил меня».

Автокомментарий, не записан:

Удивительный и страшный мир без смерти, где можно смоделировать человека, мне показался гуманнее, чем наш. Я уже плохо помню историю о Питере Пэне, но я бы хотела жить в Нетландии, где нет мам. Наверно, я сволочь.

Пост 13
Без числа

Мои первые опыты секса были ни рыба ни мясо, а какими они еще могут быть в наших краях и с нашими ребятами. Самый первый опыт прошел довольно смело и легко на фоне дремучих суеверий, связанных с гименом и с прочим; моему молодому человеку было около тридцати, а мне только семнадцать; ему казалось, что все на свете дается

даром. Затем меня укладывали раза два или три, соседи, братки, один раз вдвоем; видимо, от меня фонило вновь открытой женщиной, как только что открытой бутылкой или банкой с тушенкой; это особенно привлекательный запах, вызывающий неправильные мысли и неубиваемое желание, и тогда я поняла, что до меня ребятам дела нет, у них свой отдельный ритуальный танец, а я просто лежу как принадлежность этого ритуального танца, наблюдающая и свидетельствующая, что танец исполнен. Я не кончила даже после секса втроем, но мне стало смешно, и это смешно сильно смягчило печаль несостоявшейся любви.

– Че ты ржешь? – спросил меня один из них. И не дав ответить, закрыл: – Вот не женщина ты, не любишь трахаться.

Я рассмеялась в голос, но меня, по счастью, не ударили.

Одного из братков нет, был подстрелен на разборке, мне было его жалко, так как он был смешной в постели, у него было теплое волосатое тело. Оставшийся в живых был контужен, получил инвалидность, но остался братком. Руки у него были холодные как у лягушки даже тогда, наверно, сейчас еще холоднее. К нему у меня тоже неряшливое теплое чувство, он очень любил «Дип Перпл».

Соседи куда-то пропали на время, а потом, после одного из семинаров по увеличению любви в мире, появился в моей постели Дюша, – вернее, я появилась в его постели. И вот тут мне стало интересно сразу в нескольких смыслах. Во-первых, оказалось, что секс – это приятная манипуляция. Стоило видеть Дюшино лицо, когда он на ленивую мою просьбу пошел за стаканом воды. Он и боялся, и хотел продолжения, и согласен был платить, и хотел торговаться, и уже шантажировал своим показным равнодушием. Милое приятное занятие, почему нет; секс, говорят, даже полезен.

Сложнее стало, когда впервые случилось нечто вроде припадка. У того, кто лежал со мной рядом, должна была быть другая грудь, другие глаза и совершенно другие движения. Того, кого я бы хотела видеть, на этом месте не будет никогда, но эта постель – Дюшина, бунтовать в ней смысла нет, только ради нового акта с Дюшей можно бунтовать. Но руки и ноги перекосило, и кажется, даже лицо поползло по диагонали, благо Дюша считал, что если женщина в постели не притворяется, если ей очень хорошо, то она выглядит почти уродливо. Очень хорошо мне не было, пришлось увеличить объем движений, что Дюшу обидело, и он кончил слишком быстро. Когда накрыло впервые, я разрыдалась, Дюша успокоил и стал нежен. У него всегда жили маленькие собаки: йорк, чихуахуа, но в основном йорки. На моей памяти их было два: Клинт и Шерри. Когда секс с Дюшей только начался, у него жил Клинт, которому тогда было года три. Так вот, эта тварь начинала звонко лаять именно тогда, когда мне становилось хорошо, и переходила на вой, когда я кончала. Ощущения экстремальные, но Дюша испытывал наслаждение от того, как меня изводит этот лай во время оргазма. Кроме этого у Дюши было в сексе несколько неоднозначных привычек, о которых я, может быть, и расскажу. Выхода у меня не было, пришлось жить с Дюшей; мать уже решила, что я выхожу за него замуж, и только ждала приглашения в ресторан; когда его не последовало, она разочаровалась во мне; ей повезло: я в ней разочароваться не могла, так как в отношении нее иллюзий у меня не было. Но ведь были же у нее какие-то ко мне чувства, игнорировать их нельзя, да я и не буду их игнорировать.

Однако вернусь к моим открытиям, сделанным в первый период жизни с Дюшей, когда я по неделям жила у него дома. Каждый раз приходилось преодолевать припадок не то отторжения, не то ненависти к себе. Потом я неведомым мне образом успокоилась, в ясный морозный зимний день, и меня ненадолго отпустило.

Как все сексозависимые люди, Дюша очень чувствителен и эмоционален, но таким нет дела до партнера, хотя именно они говорят о том, что главное для них в сексе это партнер; теории эти возникают на почве замкнутости на сексе (так и хочется сказать: с самим собой). На партнера нужно время, а сексозависимый всегда торопится, власть их над партнером держится на сильной интуиции, что недостатки торопливости

компенсирует. Этой задней своей интуицией Дюша понял, что я особо серьезно к сексу с ним не отношусь, что иногда он мне даже мешает, и поступил совершенно правильно. Сначала обозвал меня шлюхой, затем фригидной. У него даже концепция была: мол, любящие секс женщины не спят с кем попало, они выбирают, и, конечно, Дюшу. Для меня же секс был нечто вроде стихии, она могла захватить и на пустом месте. Я быстро сообразила, что расстроена, что сейчас начну доказывать Дюше, как он неправ, даже против своего желания. Но перезагрузка была нужна; уходить от Дюши только по причине его истерик было неумно. Тогда у меня несколько раз был грубый и сытный секс, который мне нравился, необязательный и яркий. Возвращаясь к Дюше, я испытывала нежность, что отношения поддержало.

Но Дюшу обмануть было сложно. Он нашел подходящий объект и развернул передо мной теорию любви. Я приняла ее, а вскоре мы разъехались. Я вернулась домой, когда А. уже был женат, работал в театре, а вместо Герцога по городу ходил Дракула и Ганнибал Лектор в одном лице. Мне невесть почему эта перемена понравилась, но А. жил уже в другом районе, у него давно уже был круг поклонниц, который расширялся от года к году, и мне возле его подъезда делать было нечего.

Затем начались те самые боли, меня направили на денситометрию, сделали снимок и поставили диагноз. Все это случилось в период, когда коллеги по компании, в которой я работала, мощно поднялись, а я оказалась почти нищей. Мне не стало места в их избранном кругу, и я занялась частной практикой. Поначалу цены за консультации были приличными, съемное почти пустое жилище (никто ведь не смотрел внутрь шкафов-купе) производили солидное впечатление. Но вскоре болезнь взяла свое, и мне пришлось опуститься до детских цен, на которых сейчас и держусь. Несколько месяцев назад я получала тысячу рублей в неделю, не считая пенсии, а сейчас и этого нет, я уже не способна плотно сосредотачиваться на проблемах клиента.

Но у меня еще довольно много дел, и есть А. О нем, кажется, здесь больше не будет.

Приложение к посту: клип на композицию Эрика Клэптона «Лайла».

Лайков семь
Возмущений три

Комментарии
Друг 7

– А ты и правда феминистка. Только фригидная.
Лайк, молодец, защитил свое достоинство.

Друг 8

– Совершенно верно все, про мужиков, им все равно.

Лайк. Конечно, не все равно, они намного чувствительнее женщин. И потому гораздо более слепы.

Личное сообщение

– Привет, как ты там? Я вернулся, помирился.

У новой пассии Дюши гинекологические проблемы. Так и хочется спросить, в стиле наших прежних бесед, нежно и едко: «Ну что, писю ей вырезали, а дырочку оставили, полизать можно?» Но уже не спрошу, сама такая. Хотя кунилингус Дюша любит.

Пост отредактирован, добавлен нижеприведенный текст.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Рой Роу заинтересовался мерцающей реальностью, которая ему то открывалась, то уходила волной, оставляя после себя неудобное чувство голода. В новом мире голод был важным признаком здоровья: легкий, румяный, молодой. Поселившийся в Рое Роу голод ныл и скулил, как бездомная собака, а Рой никогда не видел бездомных собак, но его ощущения вполне могли воссоздать ее образ.

Тьютор приходил, набивал трубку, играл в настольные игры, чрезвычайно популярные в новом мире, внимательно смотрел на Роя и не торопился уходить. Обычно они играли пять или шесть партий, затем Рой начинал дремать, и ему нравилась эта дремота, а Тьютор уходил. Говорил он мало, но если говорил, то мысли и слова были очень странные.

– Воля человека к смерти есть художественно оформленное чувство, некий основной инстинкт человека, благодаря которому человек работает, находит и готовит пищу, словом – живет крепкой элементарной жизнью, которую этот инстинкт удерживает своим силовым полем. Когда я умер, я стал свободен, но во мне стало меньше тепла и привычек; поначалу это удручало, но потом оказалось даже удобно. С точки зрения меня, который жил до смерти, я теперь гораздо более инфантилен и беспечен, но это не так. Беспечность есть неготовность к смерти. А когда готовишь мясо на мангале или везешь женщину в торговый центр, о смерти не думается.

Рою нравились эти рассуждения, но для него они были малопонятными.

В качестве приложения к посту дана ссылка на официальный клип группы «Токин Хэдз» «Она была».

Пост 14

Без числа

Не скажу, что рассталась с Дюшей безболезненно, я же собственница; конечно переживала, но на фоне основных обстоятельств это расставание было лишь деталью, в отличие от отношений с ним, которые выдержали несколько ядерных войн. Переживания, вызванные расставанием, смягчила работа. Не могу сказать, что я специально искала забвения в работе, просто тогда ее было много, и мне удалось кое-что скопить, но без толку, все ушло на исследования и лекарства. Секс с Дюшей мне был уже противен, а привычка жить вместе нравилась, нужно было эту вилку сломать, а это было трудно. Дюша сам шел на контакт, он ведь не злой человек; но где вы видели злого извращенца; злыми, как правило, бывают здоровые или не сильно больные люди. Человек с патологией как морская галька, он обкатан своей патологией; он человечен – такие вот чудеса опыта.

Тогда произошел один из первых в десятых громких терактов, и я пошла волонтером; меня встретила неделя недосыпа, на второй день я оказалась беспомощнее котенка, а тем более тех, с кем приходилось работать. И вот что было интересно: хуже всех было тем, кому было что терять. Депрессивным и одиноким было намного легче. Кому-то я тайком приносила алкоголь, хотя было запрещено, кого-то поила литрами чая и кофе, но в основном слушала и мысленно затыкала себе рот, который, конечно, желал говорить много, вспоминая, что слова им сейчас не нужны. И вот что заметила: у получивших увечья, переживших болевой шок сознание, когда они приходили в себя, было более ясное, они оказались лучше готовы к жизни в новом качестве, чем те, кто увечий не получил. Это меня саму привело в шок, я попыталась определить, где могла ошибиться, ведь наверняка ничего в психотерапии нет, но общий результат был такой же: пережившие физическую боль лучше адаптируются в мире, чем эту боль не пережившие.

А с Дюшей развились трогательные новые отношения, в которых, как и прежде, я играла служебную роль (он так мне подсознательно мстил, над чем мы и сейчас смеемся), и мне стало намного легче. Он иногда выводил на меня своих клиентов, и я, надо сказать,

работала хорошо. Я знала Дюшин стиль, а клиенты чувствовали себя комфортно. Однако такие удачи были редко.

Зато началась новая война с родными, особенно с матерью. Она обеспеченный и очень уважаемый в верхах города человек, сохранившая фигуру Одри Хепберн в семьдесят, и это на самом деле ужасно смотрится. Как все сытые жизнью люди, она не зла, но лучше была бы стервой, хотя она стерва и есть, но неправильная, сытая стерва, а стерва должна быть всегда хотя бы немного голодной. В шестнадцать лет я была для нее проституткой, Дюша мне был послан, по ее мнению, как дар свыше, потому что я и такого не заслуживала. А в целом она никогда мной не интересовалась и деньги давала всегда небольшие, трогательно говоря, что у нее нет больше, и это была ложь.

Мать моя с шестнадцати лет работала на нервной работе, при руководящих, и потому, когда ей пришлось время рожать, – а завести ребенка, то есть меня, она решила поздно, – начались проблемы. Отец мой, кажется, всю жизнь пил и был этим счастлив; он был бизнесмен; кажется, бизнесмен и сейчас, а в семидесятые делал что-то и продавал из-под полы. Отец, когда матери пришлось время рожать, ушел в алкогольное плавание, а матери стали колоть немалые дозы атропина, чтобы снять напряжение и поправить состояние при родах. У нее отказала печень, моя работала за двоих. Я родилась худой, золотушной и рахитичной, с несколькими патологиями, 3150 весом и длинноногой. Мать, когда наконец пришла в себя, тут же решила, что я буду баскетболисткой, и очень долго этого ждала, но я ее разочаровала. В шестнадцать я оказалась ниже метра семьдесят, и мать сказала, что толку из меня никогда никакого не будет.

– Вот если бы ты меня послушала, ты бы выросла как модель.

После того как она это сказала, ее посетила новая идея: сделать меня моделью, но и этого не вышло, потому что как раз тогда я познакомилась с Дюшей и собралась замуж. Я была хорошая девушка и думала, что одному быть в старости нехорошо, что обязательно нужно иметь семью. Здесь начинается нерезкий пунктир отношений, потому что я помню только ее сухие истерики, когда появлялась дома, а ведь было же и с ее стороны тепло, всю мою жизнь оно было, но я его не помню. Еще до Дюши, после того как появился А., мать стала чем-то вроде контрастной декорации моей жизни, что, конечно, хорошо обо мне не говорит.

Когда мать узнала, что я стала зарабатывать в разы меньше и пошла волонтером, разразился скандал со слезами и без молний. Тогда я уже снимала это жилье в нашем дворе, а своего не предвиделось. Мать и под страхом вечной муки не оставила бы мне свою квартиру. Телефонные разговоры с ней оставляли гаденькое эдипово чувство: меня изнасиловали. Ну что делать, очень много молодых советских женщин изнасилованы матерями до потери девственности, как бы абсурдно эта фраза не звучала, хотя звучит она скорее смешно.

Бог миловал меня, и после каждого безумного разговора мой мозг, проанализировав не только мою ситуацию, но и ситуацию текущего клиента, выдавал новое наблюдение по теме вечных ценностей, одно из ведущих мест в списке которых занимает семья. За двадцать пять лет работы психологом и психотерапевтом у меня набралось на докторскую, а я не стану ее писать, потому что сама придерживаюсь женской советской точки зрения: семья как родина, должна быть, и все тут. Но семья сама по себе унижительна в мире, сползающем в виртуальность; эта унижительность ощущается членами семьи особенно ярко и переживается особенно остро, болезненно, требует восполнения, а взять его негде. Мой опыт говорит, что сейчас каждая семья обречена на провал, хотя в отдельно взятый период можно сделать красивое селфи.

Я прервала общение с матерью, и вовремя: боли вышли на новый уровень, и пришлось привыкать к тому образу жизни, который у меня и сейчас. Сначала я выглядела нелепо с полотенцами на шее и поясице (денег на корсеты не было), затем сняла их, увеличила дозу обезболивающих и добавила красное вино, разбавленное кипятком, на ночь. Я испробовала все: валики из полотенца под спину, маленькие подушки под колени

и поясницу, массаж, физиотерапию самого разного уровня, наслушалась почти агрессивных рассказов о том, кому как и что помогло, и вернулась к обычной схеме: ксефокам-диклофенак-ксефокам. Фб любовь моя много раз мне хамил словами комментаторов, которые не верили, что какие-то боли (от которых они, комментаторы, тоже страдали) не снимаются валиком из полотенца под поясницу. Но я фб простила все, как жениху, сбежавшему из-под венца. Шучу, конечно, но мне нравится так шутить.

Приложение к посту в виде пяти фотографий, бутылка вина, бокалы, салфетка, виноград, расставленные на фоне закатного окна.

Лайков нет

Сочувствия: три.

Комментарии

Друг 17

– Вы поправитесь, только нужно верить. Скорейшего вам выздоровления.

Есть же на свете милые люди. Конечно, не поправлюсь, и это единственное знание, которое помогает мне справляться с ежедневными болями. Лайк ей.

Друг 21

– А при чем тут мать? На себя посмотрите, вы плохая дочь! А еще психотерапевт! Ужас, чему вы людей можете научить, к чему привести. Я бы лишила вас лицензии.

Диплома и сертификатов меня никто не лишит, это враки. Лайк, я сама агрессивна, агрессия может хорошо тонизировать психику, мне это сейчас нужно. Если честно: меня не покидает ощущение, что мой диплом и сертификаты есть чистой воды филькина грамота. Ну что такое в современном мире профессия? Только инструмент шантажа, сделанный для работодателя, а в случае такой как я городской сумасшедшей – дело жизни, других вариантов нет.

(Не записано в посте, сохранено в отдельной папке на внешнем диске)

Сегодня приходил А. Мне было тяжело, боли были сильными. Он принес стакан виски, «Гленморанж», около ста грамм, что называется, чуть выше дна. Я выпила, он держал свою руку под моей шеей, которая мне уже к этому моменту надоела. Хорошо, что он есть, хорошо, что есть кому меня посещать.

Читать дальше

В записках покойной Алины о мире после катастрофы есть удивительно прочная и тонкая подлинность нашей сегодняшней жизни. Для тех людей, у которых уже позади то, что нам страшно, мы будем неандертальцами, и никто никогда не объяснит ни величие Шекспира, ни гениальность Эйзенштейна, ни пластику Вертинского. Все это будет как наскальные рисунки. Но я все же думаю, что понемногу, в укромных уголках душ, течет и развивается новая жизнь, где возможно то, что здесь не было возможно.

И нужно заканчивать с девушкой, которой порекомендовал меня Дюша. Она слишком впечатлительная, я ее гипнотизирую.

Личное сообщение 1

– Мария Георгиевна!

– Да, солнце.

– Мама говорит, что если нет домашних заданий и проработок, то значит вы считаете меня здоровой.

– Так и есть, ты психически здорова.

– Мама просит полное описание болезни и работы с ней.

– Через час все вышлю, у меня почти все готово.

Ничего не готово, но тут все налицо, думать не нужно, нужна бюрократия. А с тех пор как боли усилились, я дружу с бюрократией.

– Мария Георгиевна, можно я вам буду звонить?

– Конечно, солнце мое.

Наконец-то. И со слезами на глазах. Я научилась легко плакать. И ведь она, мать ее, переведет мне эти унижительные тысячи. А я не гордая, возьму.

Пост 15

Без числа

Мне даже понравилось волонтерствовать во время обострений, а это натуральный мазохизм, хотя я все же садомазохист, хотя и не сильно выраженный. Особенно интересно становится, когда от холода или зноя и ветра начинает трескаться кожа возле ногтей, а при этом спина выдает полную гамму ощущений Аппассионата. Когда начался новый набор волонтеров, я пошла, у меня остались связи в той стране.

Поведение слушающего и кормящего намного сильнее и благотворнее поведения говорящего. Иногда человеку, пережившему шок, нужно было позволить самому сделать себе чай, помочь выйти из палаты, бывало, контрабандой, и вот эта пассивность является мощной поддержкой, и присутствие другого человека тоже. Я гуляла людей, пила и сама пила, говорила с родственниками по телефону и в кафе, которые возненавидела; все это был умный полезный омут нового опыта. Как только я появлялась дома, едва не за волосы втаскивала себя в ванную, в душ, мазала волосы специальным маслом, мыла, сушила, снова мазала маслом, чтобы не секлись, ела суп из картофеля и плавленого сыра без лука и моркови, пила крепкий чай, смотрела тупые отечественные сериалы и, за волосы же, волокла себя в постель, чтобы проснуться невыспавшейся и в болях. Утром начинался душ, лекарства и почти радость от того, что я могу передвигаться. Как только оказывалась в госпитале, ситуация изменялась, пару-тройку часов я летала, кормя, говоря и даже переворачивая и моя людей, таких же, как я. Затем наступали почти что ломки, приходилось искать место для того, чтобы полежать и подождать, пока новая порция лекарств подействует. Место не всегда было, и к концу дня я гасла, эмоции уходили, чувствительность тела тоже. Но дома все возвращалось, и кроме как за волосы, насильно, ничего делать не получалось. Я озверела, но стала доброжелательнее. Мои представления о милосердии и справедливости претерпели сильные изменения.

В фб часто и много говорят о религии, но все эти разговоры неряшливы и как-то изначально тоскливо-неправильны. Религия, по-моему, это обратная связь, а когда она возникает, то «по-моему» исчезает, остается этот самый закон обратной связи, никакого «а я думаю вот так и эдак». Полагаю, то же и с искусством; там просто нет «я так считаю, потому что я художник», там есть факт запечатленной связи, извещение. И потому в большей части проблем и споров вокруг них я не вижу ничего религиозного или художественного. А вот в одном нервном семинаристе, ругавшемся матом и выносившим судно за девушкой, оставшейся без ноги, религиозность была. Он вынес судно, затем принес тазик, литра на три, с нелепыми розочками по бокам, с теплой водой, в ее палату. За дверью послышался его истерический голос: «Ну чего ты еще хочешь?» – «Капни туда перекись водорода», – плача ответила она. И он точно капнул в воду перекись водорода. Так уже Бог заботится о человеке.

Я бы хотела много написать о религии, о своем новом и позднем опыте, но не стану пока.

Приложение к посту: видеоклип группы ДДТ «Предчувствие гражданской войны».

Автокомментарий, не записан:

А в сияющем храме лики святых тебе говорят, что церковь не ты... Кто бы знал, что эти строки из песни повторила я, уже глубоко воцерковленный человек, часто приступающий к Таинствам и уже не отделяющий себя от церкви. Но мне теперь не до

маленьких откровений и бытовых чудес, у меня новые задачи и новые пространства. Хорошо, что не написала этого в посте, а то с меня станется.

Лайков два
Комментарии

Друг 100

– Что-то не верится, чтобы вы волонтерствовали.

Друг 69

– А он прав, если бы вы работали волонтером, вы были бы добрее.

Случайный посетитель

– У верующих нет вообще никаких чувств, кроме гордыни.

Это уж точно, кроме гордыни и нет ничего. Ха-ха. Всем поставила лайк, хотела ответить, но подумала, что уж слишком будет.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Джину привел к Рою Тьютор, накануне того дня, когда они собрались в кино. Как Рой и думал, она оказалась рыжей, с огромными мягкими волосами, которые нагло вились, так, что казалось, над ними работал полк эльфов-парикмахеров, и процедура укладки повторяется каждый день. Когда-то такой вид вызывал ассоциации с дорогой «щадающей химической завивкой», но у Джина волосы были свои. Глаза, светлые, серые, с темно-зеленым лимбальным ободком, близко идущие у птичьего носика, смотрели прямо и почти ласково, голос был очень тихий, связки Джина сорвала во время одного занятия пением. Высокая, не худая, она казалась хрупкой: движения ее были трогательно-неуверенными. Губы были почти неприятные: бледные, длинные, узкие, ровные, без вырезков, но они прекрасно гармонировали с глазами-рыбками, отчего весь облик имел складку некоей грозной тревоги, передававшейся собеседнику мгновенно.

– Таких и называли ведьмами когда-то, – сказал Тьютор, – ведь ведьма это не что-то, облаченное в черную кожу, бледное и яркое, это всего лишь то, что ведает, знает и действует.

– Так ты давно умерла? – спросил Джину Рой, удивляясь, как свободно он спрашивает об этом.

– Да, но в наших мирах разное время. Так что в вашем я еще, может быть, жива! – улыбнулась она.

– А что это был за мир?

– В целом рассказать не могу, я помню только наш городок, недалеко от моря, он упирался в дюны, уходившие в зыбучие пески.

– Тьютор сказал, что ты утонула в песках. – Джина начинала нравиться Рою, его влекло к ней, а мысль о том, что это другое существо, даже и не возникала. Вот она сидит рядом, он даже чувствует, какие у нее прохладные руки.

– Можно коснуться твоей руки? Ты не исчезнешь?

– Конечно, нет, – тихо рассмеялась Джина. – Ты даже можешь меня обнять. Мы ведь совсем как вы, потому что еще не произошло того, что нас разделит, а это будет еще не знаю когда. Было время, когда слова Страшный Суд значили очень много.

– Страшный Суд? – изумился Рой. – Звучит торжественно и красиво.

– Да, именно так! – глаза Джина стали светлыми-светлыми. – Там все увидят друг друга.

Рой осторожно и робко обнял Джину. Ее, кажется, несколько знобило. И он не предполагал, что у нее плотное большое тело, особенно спина и плечи.

– Ты выглядишь такой хрупкой!

Она снова рассмеялась.

– Я же деревенская девушка!

Рой отстранился, пышные волосы в беспорядке, мысли пошли молодым табунком. Обнять существо, которому неизвестно сколько лет, возникшее неизвестно откуда, которое вовсе не должно бы существовать, было очень приятно. Джина понравилась ему как девушка, он даже некоторое время назад мечтал о такой, светлокожей, рыжей, с длинными волосами. Обнимая, Рой понял, что быть с ней как с женщиной ему не составило бы труда, и он хотел этого, но что-то, сознание того, что она может состоять не из плоти и костей, блокировало его желание как самый сильный антивирус, и Рою даже нравилось это. В глазах Джина чуть плескалась рябь печали, она была доступна и недоступна одновременно. Рой выбрал недоступность; ему показалось, что Джина угадала его выбор и молча одобрила, тем, что немного задержалась в его объятиях.

– Расскажи о Ксавьере. Как он тебя заметил.

Теперь она сама обняла его, легко и цепко, сказала, заглянув ему в глаза:

– А ты лучше почитай! Читать разучился?

Худые щеки Роя налились краской:

– Ты смеешься?

– Нет конечно, – ответила Джина, – но ты почитай.

Из дневника Джина

«Ксавьер ночевал или в замках, вместе со старшими слугами, ему отводили тогда отдельное помещение, либо на сеновалах и в амбарах. Он не любил постоянных дворов, избегал их как места ночлега, но часто бывал там для обеда и представлений, приносящих небольшой, но верный доход.

Из его любимых трюков были три, действовавшие на зрителей, даже деревенщину, очень сильно: хождение на голове, прохождение сквозь огонь и поедание стекла. Еще он мог устроить состязание в количестве выпитого и победить, а также (это наверное самое важное) знал триста песен священного древнего цикла, умел их петь, играл на струнах, барабанах и колокольчиках. Все это было в его сумке, притороченной к седлу. Коней он менял, но это всегда был конь, а не лошадь, и всегда Воронок.

В тот день я особенно хотела его увидеть, родители мне запрещали смотреть на его представление, а он как раз приехал на ярмарку в соседнее село. Чтобы не нарушить данное родителям слово и все же хоть как-то остаться наедине с ним, хотя бы с мыслями о нем, я пошла к заливу и села на берегу, под ивами. Залив был длинный, он шел сразу в море. Я задумалась, что залив навсегда связан с морем, и все же остается на отведенном ему Богом месте.

Да, Богом. Тогда у нас было знание о Боге; мы верили, все, даже мои родители, пекари, и мы любили вкус молитвы, хотя часто она была бесплодна в нас. Теперь, как я слышала, Бога нет, а есть Руперт, и он почти вечен. Забавно. Скучно. И наверно слезка за каждым, за каждым шагом каждого человека.

Уже начало темнеть, день был пасмурный, заката я не видела, а были только клубы облаков и мягкие тучи. Фыркание лошади меня побеспокоило, захотелось спрятаться в самое сердце ивовой заросли. Но это был Ксавьер, в одежде для представления, с гримом на лице, за который его едва не проклял наш старенький священник. Я слышала, что Ксавьеру очень много лет, что он бродит как Вечный Жид из страны в страну, и нигде ему нет покоя. Но при взгляде на него, стройного и гибкого, такие мысли на ум не приходили.

Заговори со мной, вскричало мое сердце, подойди ко мне, заговори со мной. Но вслух я так никогда не сказала бы. Однако он услышал и подошел.

– Я не напугал тебя?

– Нет. Я знаю, ты Ксавьер.

– Да. А ты Джина, дочь пекаря. Я помню тебя совсем маленькой, ты была толстенькая и смешная, а сейчас ты красавица.

Я вспыхнула, конечно.

– Правда? Мне никто еще не говорил, что я красавица. И ты возьмешь меня кататься?

Он секунду молчал, самую трудную в моей жизни секунду. Затем сказал просто, почти радостно:

– Да. Только сначала Воронок попьет воды. У тебя есть хлеб? У тебя всегда должен быть хлеб, ведь ты дочь пекаря!

У меня были две белые булки в мешочке у пояса.

– Покорми моего Воронка.

Конь, вдоволь напившись, брал хлеб горячим огромным ртом, пышущим как печь, а Ксавьер стоял рядом и смотрел мне в лицо.

– Если бы у меня была сестра, она была бы такой, как ты.

Затем он легко подкинул меня, посадив в седло, и у Воронка словно бы выросли крылья. Мы окунулись в ночь, которая совсем не походила на ту, которая сгустилась над заливом, понеслись в сторону моря, поднимавшего ночную седую пену. Я смогла потрогать крылья ветра и коснуться руки молнии, так как там, высоко, где мы летели, разразилась гроза. И тогда я увидела черный замок Ксавьера и те самые красные печи в нем, которых так боялась округа, а внутри языки пламени танцевали огромный, причудливый, текучий хоровод.

– Я учусь у них, – сказал Ксавьер, – послушай, как они поют.

Языки пламени действительно пели, это была лучшая песня во всей моей жизни. Пока мы были в черном замке Ксавьера, я ни разу не вспомнила о родителях. Там я увидела множество еще более странных вещей, чем пение пламени, но оно запомнилось мне, и я стала повторять его напев про себя.

– Тебе пора, – сказал Ксавьер. – Ты вернешься к ивам в то самое время, когда мы встретились. Но больше ты не сможешь жить как жила, с родителями, с людьми, но и со мной тебе жить нельзя. Ничего не бойся, я не оставлю тебя, тебе достаточно будет позвать меня, чтобы получить мою помощь. Даже когда тебя поймают, оденут грязными тряпками и поведут на виселицу, не бойся ничего, я постараюсь, чтобы этого не случилось.

Ответить ему мне было нечего. Как он сказал, так и будет. Прощай, Ксавьер.

По возвращении к родителям я заболела и слегла в жару. Звали священника и врача, но мне стало лишь ненадолго легче. Когда я читала псалмы царя Давида, здоровье возвращалось ко мне, а вскоре я поправилась совсем. Я ушла из дома в одну тихую обитель. Действительно, обо мне ходили разного рода сплетни. Но в доме каждого сплетника потом обязательно что-то случалось: дочь выколола глаз и сошла с ума, жена разрешилась от родов поросенком, и что-то в таком духе было в других домах. Обитель эту мне подсказал сам Ксавьер, он привел меня на рынок в тот самый день и час, когда мать настоятельница, лично закупавшая муку, приехала туда и подошла к тому же торговцу, что и я. Ксавьера увидела возле ее телеги, он улыбался, да и она сама охотно со мной заговорила.

– Не молись мне, – однажды сказал мне Ксавьер, – это разрушит тебя. А придет время, и я расскажу тебе свою жизнь, но это будет нескоро. Я и сам не знаю, как скоро мы встретимся.

В обители мне понравилось, потому что там постоянно было много людей и скучать не приходилось. Мне дали новое имя после пострига, Роза Анна, Розанна, оно мне понравилось и прижилось, так что я почти сразу стала на него отзываться. Я спала хорошо, не как дома, где всегда было душно, а еды в обители каждый день было вдоволь, и самой разной, и тоже не как дома, там только хлеб и сыр.

Однажды в конюшне обители случился пожар. Я вывела на волю всех лошадей и коней, меня предупредил Ксавьер или Господь, но в любом случае тот, кто выше; внутри горящей постройки остался только черный жеребенок, который от испуга забился в самый дальний угол. Я пошла за ним. И тогда из среды пламени вышел Ксавьер, сказал мне: а

теперь не бойся совсем, и на меня упало пламя, в котором я начала танцевать, как те языки в его черном замке.

– Не бойся! – повторил Ксавьер, и я увидела себя у него в седле, мы неслись на Воронке, только было не раннее лето, когда конюшня загорелась, а зима, под ногами хрустели опавшие листья, ветви с треском ломались о грудь коня. Я забеспокоилась, закричала, что же случилось с жеребенком, который мне так напоминал Воронка.

– Смотри, – сказал Ксавьер и провел рукой у меня над глазами. Я увидела жеребенка, чуть опалившего хвост и гриву, скачущего к другим лошадям, а в среде пламени, которое уже начинало опускаться, спала я сама, и так крепко, что меня никто не добудился бы.

– Я умерла? – Спросила я Ксавьера.

– Да, – ответил он, – ты тогда умерла, а теперь ты жива, жива твоя душа, и она со мной.

Мы выехали из леса, открылись дюны и море за ними. Я поняла, что мы едем к черному замку. В городе и в деревнях были слухи, что пламя в черном замке Ксавьера это похищенные им девушки, но я знала, что это не так, я видела это пламя и слышала, как оно поет. Души его девушек стали созвездием на небе, он показывал его мне, но мой путь лежал не туда. Было странно знать, что я не такая, как они, и это было лестно, а что именно будет со мной, я не знала.

В качестве приложения к посту – видео с концерта 1996 года группы «Дэд кен дэнс», «Песня сивиллы».

Лайков три
Комментарии
Друг 51

– Красивая средневековая сказка, но к чему она? Проза должна быть большой, в ней должна быть густота языка. Вот Толстой написал «Войну и мир» так, что там несколько сюжетных линий и усики маленькой княгини, когда она умирает, это так щемит.

Лайк, лайк, суперлайк, он же писатель, романист. Глядя на таких, в литературу не захочешь. Умница, я ничего этого без тебя и не знала. Ну помахать ему, палец большой показать, мол, согласна. Вот так.

Друг 5

– Как вы красиво написали! Я так и увидела эту девушку, и Воронка.

Еще одно трогательное создание. Как мне на них везет, как я их люблю. Не хватает только грязного поэта.

А вот и он.

Друг 13

– Все это фигня. Нужно спасти Россию и свергнуть Путина. И Собянина. Он снес ларек, где я покупал пиво.

Ты мой золотой. Лайк, лайк, и пива тебе виртуально, вот и наклейка.

Личное сообщение

– Мария Георгиевна, вот скан перевода. Вы получили?

– Да, конечно получила. Доброй ночи тебе.

Кажется, это последний мой большой заработок, но мне все равно. Думаю о семи упитанных коровах и семи тощих. Видимо для меня, как и для многих, настало время тощих коров. Это из Ветхого Завета, кто не знает, сон Иосифа перед тем, как в Египте начался голод.

Чтобы день закончился в соответствии с новым стилем моей жизни, нужно еще личное сообщение от Дюши, пьяное и злое. Он по-своему, именно по-своему, честен,

когда напивается в хлам. Тогда сексозависимость немного отступает и на свет выходит неудавшийся менеджер, еще не вполне лишенный таланта руководителя. Очень забавно он блох из меня вытаскивает, когда пьян. Но я иногда включаю блокировку уведомлений, если нет настроения развлекаться таким жестким образом, а сейчас уведомления включены.

Личное сообщение

– Привет!

– О привет, я как раз тебе ждала. Ты хочешь наговорить мне гадостей?

– Такой, как ты, наговорить гадостей просто необходимо. Скажи, ты совсем с ума сошла или еще нет?

Я поняла, что именно сейчас развлекаться с Дюшей не хочу и включила блокировку уведомлений. Поначалу мне было интересно, что он там понаписал, но потом стало скучно. Он пишет всегда пять или семь фраз, в разном порядке. Этот минимализм ему помогает работать с клиентами. Дюша форевер, хороший мужик, кроме шуток, сейчас и на таких очередь, несмотря на его мужские проблемы.

Пост 16

Без числа

А потом началась война. Первую неделю я почти не ела, хотя к ночи что-то в желудке просыпалось, и я бежала за охлажденной пиццей в «Пятерку», нервно грела ее в духовке, пицца всегда подгорала, то больше, то меньше, и я съедала со слезами. Я не могу сказать, было мне жалко людей там, на территории войны, или нет, но я точно знала, что я на их стороне. Страх мой, его мощные приступы шли от того, что я уже решила поехать туда волонтером.

Пока шел майдан, мне было весело, хотелось уехать в Киев и умереть на баррикадах, но затем вернулось депрессивно-здоровое чувство, а такие бывают, и я не поехала на майдан. А вот туда поеду, это необходимо.

Новости тогда я читала по несколько часов в день, из-за границы коллеги писали, чтобы я ждала натовских самолетов над Москвой, пророчили наперебой страшное продолжение, и все это ложилось на мой позвоночник так, что начали отказывать руки. Если не действует элементарная защита, нужно снять всю и пойти пузом вперед, хотя какое у меня тогда было пузо. За неделю я похудела до веса, о котором мечтала несколько лет. В пятницу к ночи собрала сумку вещей на отправку, принесла из «Пятерки» круп и тушенки, днем пошла на почту. Адрес взяла из интернета. Денег, чтобы дожить месяц, уже не было, но на них было наплевать, я ждала какого-то мини-перевода, и он кормил бы меня до пенсии.

На почте, пока ждала оформления посылки, случилось небольшое показательное происшествие. Молодая женщина, лет тридцати, из породы рабочих лошадок, красивая, кареглазая, в красной курточке, с сияющим лицом, спросила, заглянув в окно через мое плечо:

– Переводы на Украину принимаете?

Дама в окне даже не подняла головы от монитора, продолжала выстукивать адрес, который я ей написала на квадратике бумаги. Этот демонстративный акт молчания можно было расшифровать и как обычную лень, и как нежелание связываться с переводом на Украину. В свете последних событий второе толкование казалось более очевидным.

Молодая женщина с переводом на Украину не смутилась, мол, знаю я, как вы нас тут любите, зажрались совсем, и подчеркнуто доброжелательно, даже интимно, спросила во втором окне:

– Принимаете переводы на Украину?

– Ну да, – неохотно ответили ей. В ответе была полная апатия: мол, ну вот тебе твой перевод.

Женщина с переводом на Украину тут же исчезла, видимо, ей только нужно было узнать, ходят ли деньги туда и сюда.

Конечно, я никуда не поехала. Недельку провалилась в постели, два раза поговорив с клиентами по скайпу и один раз выбравшись в сбербанк. Путешествия в «Пятерку», в семь вечера, после того как, наконец, обезболивающие подействуют, не в счет, есть хотят все, даже люди с острой болью.

Когда кризис миновал, чему подтверждением стала усиленная стирка, почти вся домашняя одежда была в поту, пришла Одесса второго мая. Третьего позвонил Дюша и сказал, что идет волонтерить. Я подняла дозу и выдвинулась в пункт, куда направлялся и он. Никакой поездки на территорию войны мне не светило, потому что боли, но работы и в столице было много.

Тогда меня накрыло, и то было, вероятно, подлинное видение. Как будто открыли двери ада, и оттуда вышли люди. Они выглядели и говорили именно как побывавшие в аду и ничего уже, кроме ада, не ожидающие, а часто и ничего не ожидающие. Устроены они были кое-как, заниматься собой многие не хотели, так что на третий день мне казалось, что я работаю с бомжами, хотя это было не так. Я выводила их из себя, провоцировала к действию, дарила шампуни, заставляя себя цепляться за этих людей, возиться с ними, тратиться на них, а в основе была одна простая вещь – эти люди парадоксально делили со мной бою болезнь, и за это я им благодарна.

Возмущение в адрес правительства шли в основном не от них, а от амбициозных работников-волонтеров, и это сильно портило атмосферу, делало из трагедии глупый фарс. Какому правительству и когда нужны были беженцы, кому вообще нужны лишние хлопоты? Правительство никогда никому ничего не должно.

И все же. Это были люди.

Долго находиться на пункте я не могла, часа через два или три падала с ног, уезжала под пламенные взгляды более здоровых работников, считавших меня плохой, на моем языке – выпендрежницей и халявщицей, но мне было уже все равно. Я хваталась за эту игрушечную помощь как дитя за палец матери, тогда у меня в жизни не было ничего, кроме этого, если не считать А., о котором, кажется, и думать перестала, но уж нет, я думала о нем, отдыхала в мыслях о нем, но их было немного, и приходили они редко. Думать о нем тогда было даже невозможно, даже если бы очень хотелось, чувство сохраняло само себя, прячась, свертываясь клубочком глубоко-глубоко.

Однако нужно было искать клиентов, и я этим занялась. Вообще поиски работы, клиентов есть дело унижительное, и как некая милость свыше таким делам посылается благословенная смягчающая нелепость, чтобы человек не осознал глубину своего падения. Так что за неделю я пережила несколько ситуаций, после которых нужно было или смеяться, или покончить с собой, или жаловаться на дивный новый мир, который на самом деле еще и не наступил. Я смеялась, смех был черным, новой дозы обезболивающих не потребовалось, осталась на прежней.

Вспоминался дневник покойной Алины, земной рай из ее «Роя Обрана Роу», и порой мне казалось, что так и будет; даже не волновало, что я всего этого не увижу.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Каждый спектакль, который Рой видел, был единой мыслью, жестом, выражением вещи или понятия, которое тоже можно назвать вещью. И у каждого спектакля было лицо. Оно возникало из лица актера, игравшего ведущую роль, расцветало лицами всей труппы как оттенками смысла, то есть у каждого оттенка было свое лицо, и все это вместе было восхитительно.

Тьютор провел Роя на несколько спектаклей. Это был мир тьмы, рождающей свет, мир пестрый и очень стройный, хотя эти качества не любят друг друга. Роя поразило, как

вроде бы монотонное действие (люди ходят по жестко структурированному пространству) может передавать так много. Тогда Рой только начал понимать, что такое искусство и как оно красиво. Так Тьютор открыл ему искусство через театр.

– Пока ты ничего не знаешь о Шекспире, кроме слепых упоминаний. Но скоро ты увидишь и «Гамлета», и «Короля Лира», и «Ричарда третьего», и «Двенадцатую ночь», и «Ромео и Джульетту». Ты поймешь, что во всех доступных нам мирах мало что может сравниться с мыслью и красотой Шекспира.

Тем временем борьба со смертью в стране Роя Роу была объявлена завершенной, и по этому поводу все небо, скалы, стены зданий и вода оказались в световых знаках, которые то возникали, то исчезали, меняя цвета и время паузы, чтобы глаза и мозг людей отдохнули. Приближался великий праздник победы над смертью. Даже люди, не любящие Руперта и Бога, впечатлились новым открытием и устроили на этот раз санкционированный митинг против Руперта и в поддержку бессмертия, щегольнув парой выставок фигуративного дизайна.

Рою поручено было несколько проектов по разработке оформления. Дни его оказались плотными, так что вырваться в бунгало, где впервые встретился с Тьютором, он не мог. Рекреация по поводу победы над смертью намечалась на последний день условной весны, нужно было доработать еще несколько программ, и Рой углубился в них. Искусственный интеллект, в общем, все делал сам, но разработчики знали, что ему необходим собеседник. За пару дней Рой прочитал об идее постоянного обновления и омоложения организма человека столько, что почувствовал себя несколько хуже, чем обычно. Искусственный разработчик, которого Рой прозвал Шайном, даже пошутил, включив свой машинный юмор, что Рой теперь полностью готов к обновлению.

Человек растворялся в самом себе, таял в новых тканях и силах, а возрождался другой, в котором было несколько меньше памяти о том, который был, но было чуть больше ничем не занятой памяти. На первый взгляд это было преимущество, но только на первый взгляд. После третьего курса процедур возникала зависимость от них, и в человеке (если так можно было назвать это существо) не оставалось ничего, кроме ожидания новой волны. Так когда-то ждали нового денежного перевода и новой покупки, так наркоман в старом мире ждал новой дозы.

Перспективы, развернувшиеся перед Роем, были красивы, пестры, желанны, бесконечны и бессмысленны, так как никакое действие в этом мире, в котором есть одно только продолжение, завершить было нельзя. Можно было только плыть и плыть, загребая все, что попадется под руку, для нового курса омоложения. И все это происходило на фоне портретов омоложенного Руперта и весьма законопослушной оппозиции, в которой фотографировался каждый чих.

Тьютор рассказывал Рою, что еще задолго до катастрофы мир планеты уже напоминал театр, правда не тот, прекрасный, который видел Рой, а театр дурной и ненужный, но этот театр управлял всем.

– Так вот почему он показал мне сначала театр, – воскликнул Рой, расписав очередное звено светового шоу бессмертия.

– Да! – услышал он ответ.

Тьютор сидел прямо на полу, напротив него, чуть шурился и почти улыбался. Рой полюбил эту улыбку и сейчас понял, как сильно ждет ее увидеть.

– Как хорошо, что ты можешь приходить ко мне! Мне так не хватает тебя и Гарри!

– погоди радоваться, я не просто так. У меня вопрос.

Секунда молчания заострилась, но никак окрашена не была. Рой ничего не ощутил, кроме того, что в нем самом образовалась глубокая полость и он должен немедленно ее заполнить своим ответом.

– Вопрос? Ко мне?

– Да, Рой. Если бы тебе представилась возможность умереть, как до тебя умирали люди, ты бы согласился? На агонию, например?

- Но я ничего об этом не знаю.
- Тогда завтра мы идем смотреть «Короля Лира».

Приложение: ссылка на фотографию некогда очень известного, а теперь легендарного актера, умершего в конце восьмидесятых, где ему сорок лет. Великолепной красоты тело контрастирует с глазами голубоглазого щенка, сочетание в общем убийственное для мужчины, но здесь все работало на него.

Лайков три.
Смешно – два.
Возмущений два.

Комментарии

– Да как вы смеете такое писать, у вас совести нет, вы деструктор по жизни, вас нельзя допускать к клиентам!

– Ты что, типа, крутая, крупы из пятерки отправила сепаратистам. На себя посмотри, у тебя все мозги сожжены, наркоманка.

– Точно, наркоманка, у нее зависимость! Нужно выяснить, что за таблетки она пьет.

Лайк, лайк, всем лайк, спасибо, а теперь в бан. Не жалко. Но и это люди, и, судя по всему, им сейчас ох как несладко, если такое пишут. Нет, пожалуй, отвечу, нарвусь по собственному желанию, хотя это и пробуждение агрессии:

Общий ответ на комментарии:

– Скидка тридцать процентов, сеанс психотерапевта по скайпу за двести пятьдесят рублей, сканы сертификатов и диплома могу выслать вам на почту.

И в бан, скорее в бан. А мне нужно в душ.

Личное сообщение 1

– Ты там не все мозги свои куриные сожгла, дура? Зачем такое пишешь? Ты что, самая смелая.

– Да, соли мои, я самая смелая. Я вообще самая-самая.

– Дура ты.

– Не без этого, мужчинам нравится.

– Да какие у тебя мужчины, стерва фригидная?

Дюша к вопросам эротики и секса относится очень ответственно. Нужно, чтобы все понимали, что его женщина самая Женщина в мире.

Личное сообщение 2

– Здравствуйте, я священник. Хотел просить про сатанинскую сказку, которую вы вывесили в фейсбуке: вам не стыдно за нее?

– Стыдно. Но сказка не моя, а девушки, не дожившей до двадцати лет и умершей от редкого заболевания. Сказка очень красивая. А стыдно, потому что я чувствую себя грешной.

– Ну так убрала бы сказку и не писала бы кошмар, который читать совестно.

Переход с вы на ты через слово грешная, ну и ладно, не похудею от этого ты.

– Меня в школе называли Таня Савичева. Вот я и пишу дневник Тани Савичевой двадцать первого века.

– Простите, не думал, что вы сумасшедшая. Прощайте.

Забанил. Чисто работает.

Пост 17

Один из принципов моего существования в фейсбуке – не комментировать записи друзей или комментировать редко, и уже как следствие – отказ от участия в обсуждениях,

даже если мне есть, что сказать, даже если они касаются меня или меня упоминают, но это бывает редко. Однако случается, что я читаю обсуждения, но сил на все комментарии просто нет, это многим понятно; силы подразумеваются как моральные, так и физические.

Мою небольшую информационную группу, где есть фото клиентов и занятий, размещенные по согласию, короткие видео клиентов, отзывы и скан сертификата, особенно не рекламируют, я сама этим не занимаюсь уже давно, однако просматриваю ее регулярно, и порой удается найти клиента, тем более что прайс-лист щадящий. Коллеги обвиняли меня в демпинге, но увидев, что я уже ни на что не претендую, оставили все как есть, кроме случаев, когда клиент обеспеченный; его у меня уводят, и я уже привыкла к этому.

Сегодня переписывалась в одном пожилом уже человеком, оказался очень осторожный, галантный и трогательный. В первый раз за довольно долгое время побеседовала с мужчиной. Он стареет, и на этой почве у него возникли суицидальные моменты, которых он вдруг испугался. Он мужик, зафиксированный на «сказал – сделал», так что вероятность суицида довольно высокая. Но уже то, что он со мной проговорил полчаса (я видела, как ему было нелегко), уже хорошо. Надеюсь, что его спасут сила воли и воля к жизни. Цену запросила щадящую, женскую, в смысле – заниженную, сейчас ему нужен покой; цена – это всегда шок.

В одиннадцать, обычное дневное для меня время, хотя это двадцать три, препарат еще не подействовал и началась тревога. Воздух исчез, дышала невесомостью, давление взросло до предыдущей отметки, несмотря на выпитую утром лористу, но я все эти разводки собственного организма на жалость знаю уже хорошо. Да, я шаталась, пока шла в прихожую, налетала на все углы в квартире, получила несколько новых синяков на теле и ногах, хотя старые еще не рассосались. Но я надела ботинки, черные, российско-итальянского производства, марки «Бонджорно», замшевые, с пятками и носами из искусственной кожи и искусственным мехом внутри, взяла три пакета с мусором: один из кухни, один из сортира, один из ванной комнаты, вышла из квартиры, закрыла ее ключом, привыкая к пространству, ступенька за ступенькой, пешком спустилась по лестнице и мгновенно расплылась в блаженстве теплого воздуха. Тревога растерянно отошла в сторону. Я знала, что она вернется перед сном, так как впереди у меня еще скайп, соответственно – напряжение, а потом, для компенсации, возможно чтение или фильм, затем подготовка ко сну, так скажем, и душ, перед которым обязательная чистка зубов. Часа два перед тем, как заснуть, я буду возвращаться в постельном белье как яйцо или молодильное яблочко на тарелочке; не самый лучший момент дня.

А пока я постояла на крыльце, нелепо, с пакетом, с виду довольно молодая женщина в яркой куртке, и пошла к помойке. Это надо было видеть, как я иду. Но лучше не надо, потому что я все равно дошла до помойки, она оказалась убранной, хотя вчера пакеты и вещи лежали вокруг нее и ничто не предвещало уборки, но теперь баки были пусты. Я люблю пустые мусорные баки не меньше полупустых троллейбусов, не знаю, о чем это говорит, но я часто стираю белье с таблеткой аспирина, впрочем, иногда и верхнюю одежду тоже, так как это убивает бактерии. Возможно, я стремлюсь к гигиене во всех ее проявлениях.

В половине двенадцатого я ощутила знакомый удар изнутри, затем вспышку ярости, затем на пару минут стало так худо, что, кажется, пережить нельзя, и это была не боль, это было – как если бы я была свечой и на меня подул очень сильный и очень холодный ветер. Так подействовал препарат, средняя доза. Я люблю эти короткие немотивированные приступы ярости и жар с потом после них, напоминает утренний душ. Тревога снова отступила, но ее мохнатая лапа еще держала меня за сердце, и я сначала перебрала все свои пижамы, чтобы найти ту, в которой хочу спать, а затем залезла в ноутбук, с целью гигиены, убрать ненужные файлы. Я не храню информацию о клиентах, если только это не постоянные клиенты, а таких очень мало. Открыв «Мои документы»

начала удаление и вдруг едва не упала в панической атаке от ужаса и восторга вместе, а панические атаки бывают у меня только с хорошего недосыпа.

В отдельной, крохотной по весу папке, почти затерявшейся среди папок клиентов, вложенной почему-то в общую папку «Работа», лежало фото А., когда-то давно скопированное из интернета, где ему от силы двадцать девять. Руки сами отдернулись от клавиатуры, словно она была раскаленной, потому что еще миг, доля секунды, и я открою фото, чтобы жадно и долго на него смотреть, а этого нельзя. У А. теперь другое лицо, не потому что сделал пластику, а потому что он не боится своего лица сейчас. Он изменился, но все так же прекрасен; у него другая внешность, но это все равно он. Я смогла пробраться между короткими взрывами нежности, как по минному полю, хотя было чувство, что вот-вот взлечу, столько было тоски и ласковости в этом мгновенном влечении. Удалила файл, затем закрыла все и очистила корзину. Теперь этого фото на моем ноуте нет, но оно, уже против моей воли, мерцало перед глазами.

Самым главным в этом фото было лицо: чуть грустное, без позы, словно ему было лень, хотя ему никогда не лень быть красавцем, и он может до смерти засмеять за комплимент, потому что знает, что выше всех комплиментов. Фото сделано в период, когда он уже не был худ как юноша, но еще не превратился в алкогольно-худого мужика, тогда у него было тело. На этом теле висела дурацкого цвета, но безумно дорогая и очень модная для того времени рубашечка, из шелка, поло, он на меньшее не согласился бы. Вроде и вида не имеет, просто поло, но ценитель сразу распознает дорогой материал. Фото было сделано видимо почти случайно, он шел и оглянулся, тут его репортер и поймал. Этот ракурс, поворот шеи и разворот плеч мне были знакомы до последней степени нежнейшей любовной злости, все это звучало его голосом: «Привет, соседка!».

Я отошла к окну, чтобы видеть темноту и хотя бы приглушить в себе это фото. Из окна видна была местная стоянка, а на ней – мне не показалось – его машина. Заехал домой. Сдает он квартиру свою, что ли? Или так просто, надо же иногда появляться. Но я знала эту машину, она у него уже год. Пока смотрела в окно, вроде бы отвлеченно, прошла секунда или две обморока, омота из мелких воспоминаний и противостоящей им воли, что в общем одно и то же.

– Вот зачем ты всегда так рядом, – сказала я в пространство, и фото, и машине. После этого безголосого вопля стало легче, я вернулась за ноут – готовиться к скайпу. Делать мне больше нечего.

– Меня ждет новый разворот событий, а не хочется. Мало ли что мне хочется и чего не хочется.

После скайпа записалась к врачу, узнать результаты исследований. Жалоб накопилось много, но ничего из ряда вон выходящего. Это моя особенность: я отыгрываю свою болезнь как отыгрывают роль, но довольно быстро заигралась. Я очень увлекающаяся натура.

Вспомнился диалог при выписке направлений; их теперь бюрократически много, и все такие большие, тщательные. Хорошо хоть принтеры в каждом кабинете есть, а то бы всех врачей положили в одно отделение неврологии с приступом заболевания, которое называется писчий спазм.

– Какая слизистая, когда у вас обезболивающие уже много лет? Потому и сухость, и аллергии, и кровотечения. Скажите Богу спасибо, что внутренних нет, а бывают, уж поверьте. Вы хотя бы дозы иногда снижайте. А дистрофия костных тканей прогрессирует, что вы хотите, такое у вас заболевание. И парестезии пошли, но не особо выраженные. Вы же без палки ходите? И радуйтесь.

Вот кому нужно работать психотерапевтом – этой женщине. Врач была ухоженная шатенка, моложе меня, но видно, что работу и пациентов любит; все врачи немного манипуляторы. Писала она много, долго, рецепт распечатала с наслаждением, мол, дело окончено, смачно поставила печать и отправила меня сначала к администратору, а потом в аптеку.

Хорошо, что есть бесплатные лекарства. Хорошо, что я не отказалась от бесплатных лекарств. Рецептов было три: диклофенак, циннаризин и бетагистин. Лоратадин у меня еще есть, но он слабый, нужно купить зиртек. И панкреатин, и дротаверин. В общем, из аптеки в аптеку, а потом домой. Сегодня скайпа нет, сегодня я смотрю кино, долго и с наслаждением. Хотя есть одна дама, она позвонит завтра, и нужно быть наготове, как оружие. Старое такое оружие, порой оно стреляет с очень нелепым звуком, но попадает в цель.

Из записных книжек Роя Обрана Роу

После катастрофы отношения со временем на планете мало изменились, но все же изменились. И потому «завтра», о котором сказал Тьютор, было его завтра, а Рой, не торопясь, доводил многомерную графику до требуемого масштаба и просто его ждал. И ожидание не обмануло. Рой раньше не задумывался, как это приятно и просто: ждешь, а потом дожидаясь. Он родился и вырос в мире, где все создают сами, здесь ожидание имеет небольшую ценность, длится недолго, если ты не находишься на нижних ступенях мировой пирамиды, в самом ее основании, и не ждешь элементарного пособия на необходимое для жизни. Таких немного, и даже Гарри не захотел жить на пособие, но все же такие люди есть. Рой видел их, порой разговаривал; ему нравилось, что они живут как животные, это казалось даже красивым. В его работе над новым проектом ко дню победы над смертью такие образы нужны: беззаботные с виду, но грозные. То, что это мысль творческая, Рой чувствовал, хотя осознать не мог, потому что о творчестве имел лишь самое общее и утилитарное понятие.

Однако ждать и дожидаться было очень приятно. Рой сказал себе: это особенный день. Тьютор появился в белой сорочке, несвежей, но ему так шла эта легкая несвежесть, с трубкой хорошего табака (теперь Рой знал это слово и в целом понимал всю привычку), в зелено-золотистом охотничьем жилете. Рукава рубашки были закатаны, весь вид выражал почти радость. Рой поймал себя на том, что ему очень хотелось бы изобразить улыбку Тьютора в эскизах для праздничного шоу.

Они прошли по густо заставленным вещами коридорам, где каждый проем, была дверь или ее не было, казался рамой для портрета нового пространства. В одном помещении старый музыкальный инструмент, огромный, как несколько поставленных друг на друга брусков, смотрел в профиль из нижнего угла, а сверху насмешливо показывал на него длинный палец кронштейна, на котором висела пара белых женских платьев, подозрительно похожих друг на друга, и пара мужских сорочек. Все волновалось от ветра, идущего непонятно откуда, ведь окон в помещении не было, так что порой нельзя было отличить платья от сорочки. В другом – примерно такой же белый инструмент, весь белый, у которого была словно выкроенная по лекалам огромная крышка с подставкой, смотрел анфас из самой середины; помещение было в белых обоях, но по полу и даже по стенам и потолку – как именно, Рой не смог бы сказать, – валялись корзины с пыльным хламом: перчатки, носки, платки, туфли, мужские и женские, так как Рой уже научился различать виды этой старинной обуви, и, кажется, все грязное, нестиранное; там же лежали чашки, несколько были треснутыми, у одной отсутствовала ручка. Когда Рой и Тьютор проходили это пространство, откуда-то из верхнего угла выкатилась алюминиевая кастрюля и загремела, как духовой инструмент, но откуда Рой знал все эти слова: алюминиевая кастрюля, духовой инструмент? Назвать интерьером то, что видел Рой, было бы не совсем точно.

Наконец, они вошли в темный зал, густо заставленный креслами, уже знакомый Рою. На приподнятом прямоугольнике впереди были раздражающие, колючие светильники, их было сравнительно много.

– Это называлось генеральной репетицией. А здесь это длится всегда, и только по желанию наплывает публика, как облака, и волнуется, выражает восторг или неодобрение, да, и такое бывает.

Рой и Тьютор подошли к прямоугольнику, Тьютор сел с краю, Рой устроился в кресле. На сидении рядом оказалось небольшое печатное издание, видимо, уже не раз бывшее в употреблении. Буквы были знакомы Рою только отчасти, но он все же раскрыл издание наугад и понял, что может читать, хотя этого языка он почти не знал. Этот язык был уже мертвым.

– Зачем сразу из середины? Ты читай с самого начала, – сказал Тьютор и выпустил облачко, которое пошло на сцену, хотя ветер шел именно со сцены. Резкий холодный ветер, Рой ощущал его касание.

Рой открыл первую страницу; там было предисловие, какая-то научная статья шекспироведа, теперь Рой тоже знал, что тогда, до катастрофы, были шекспироведы. Статья никак не шла, Рой даже растерялся.

– А ты читай сразу пьесу, – подсказал Тьютор, молодежато соскочил со сцены, подошел к Рою, мгновенно, как будто пальцами знал все страницы на ощупь, открыл нужную, и вернул Рою книгу. Да, это была именно книга. Какое теплое забытое слово.

– Статью я прочитаю потом, – зачем-то сказал Рой, как будто оправдывался, но это было не оправдание, а скорее выражение желания прочитать эту статью.

Тьютор снова сел на сцену, возвышение называлось именно так, трубка его погасла, но зато сцена начала наполняться дымом от факелов, пахнущих неприятно и тяжело, и людьми. Одним из первых вышел невысокий человек с круглой головой, у висков которой кружились легкие облачка выющихся волос. Он был невысок, плотен, лицо в тяжелых и ровных морщинах, но когда заговорил, оказалось, что голос довольно высокий. Глаза, светлые, пронзительные, однако как бы немного сонные, двигались как два ясновидящих, держащих друг друга за руки. Рядом с ним шел немолодой красавец с недлинной густой гривой и изумительной лучезарной улыбкой, преобразившей его полноватые щеки и подвижные губы, которые на мгновение замерли, в подобие древней изысканной вазы. «Это Кент и Олбани, – сказал себе Рой, – воины короля».

Выход актеров продолжался, а на сцене тем временем рос абсолютно белый, как бы известковый лес, где скрестившиеся в сильнейшем борении ветви никак не могли оторваться друг от друга, и вся эта битва словно бы врывалась в огромные пустые глазницы тронного зала. «Это и есть тронный зал», – сказал Рой. Ему показалось очень важным, что есть такое место, как тронный зал, где много факелов, огромные окна и на стенах волнуются от ветра не то шкуры невиданных животных, не то ручной работы ковры. Ковры тоже было новое слово для Роя, и оно, как и все здесь, нравилось ему.

Вслед за Кентом и Олбани вышли Корнуолл и Глостер. Рою уже не нужно было заглядывать в книгу, он словно читал страницы, глядя на сцену. Глостер был высок, с конической тяжелой головой, низким повелительным голосом, каждое движение его словно впечатывалось в мягкий металл еще не прошедшего мгновения, чтобы остаться навсегда. На прямоугольном, сильном лбу мерцали складки борьбы и счастья. Корнуолл был невысок, с яркими, живыми темными глазами, головой, похожей на слишком вытянутое яйцо, где по лбу ходили тайные волны, поднимавшие рябь из морщин. Голос его был почти детский; казалось, так говорит лис, а не человек, но перед этим лисьим обаянием устоять было невозможно. Рой следил, не отводя глаз.

Вслед за ними вышли сыновья Глостера, Эдгар и Эдмунд. Рой, увидев их, встрепенулся, почти встал. Одного актера, который играл Эдмунда, он уже видел, в лирической сцене спектакля, где играла великая актриса В., который так и не досмотрел. Эдмунд не шел, он переливался как пламя, как дикий зверь, который задрал добычу и ушел от охотника одновременно, узкий хищный дикий зверь с лицом молодого человека. Эдгар отчасти напоминал самого Роя: нос, идущий необычной горбинкой, густой низкий голос, небольшой рот.

А по сцене уже рассыпались слуги и охрана в пахнущих псиной кожаных латах, только немногие были в кольчугах; герольды в нелепо ярких нарядах держали довольно тяжелые трубы, больше похожие на рога.

Наконец возвестили выход короля и дочерей. Мужья двух старших дочерей уже стояли по правую и по левую руку от тронного кресла, черного вороновой чернотой, простого как сон солдата и угнетающе величественного.

Король Лир вышел почти скользя, так парусный корабль плывет по небу, людям видно только его днище, а вся роскошь мачт и парусов недоступна. Так и в нем все его чувства, метания и слава были скрыты небом. Он шел, бледнее бледного, в белом одеянии, щеки в шрамах и наростах, словно присыпанных мукой, небольшие, небесного же цвета миндалины глаз смотрели тепло и чуть грустно, но отстраненно, что, кажется, он и не видел ничего перед собою.

Рой представлял короля Лира именно таким. За те минуты, которые провел перед сценой, он успел вспомнить – именно вспомнить всю пьесу, как будто знал ее раньше едва ли не наизусть. Знаменитый голос актера журчал негромко, ему и не нужно было говорить громко, он растекался, заполнял собою все пространство, как наводнение или буран.

Сразу за ним шла старшая дочь, белокурая, стройного роста и с совершенным телом, с невероятно глубокой и почти пугающей улыбкой, а в приподнятых краешках губ таились бездны. Рой, секунду за секундой погружавшийся в новый для него мир, узнал эту актрису. Коварный или страдающий образ она создавала, это всегда была женщина-меч, в ней было нечто неотвратимое и грозное. Это была Гонерилья, что в переводе может значить – почитаемая за то, что сохранила честь.

Средняя дочь была не так красива, как ее сестра, но это была воплощенная война. Крупные, светлые, как у отца, глаза смотрели холодно и вместе нежно, распаханное от гладко убранных волос, но изящно вылепленное лицо, в котором неправильности сияли утонченнейшим очарованием, несло себя над сухощавым телом в ловком платье, как драгоценный плод на блюде. Рядом со средней дочерью шла служанка, которая несла ее двуручный мужской меч и богато украшенные перчатки. Это была Регана, что может означать царственная.

Корделия, что значит верная, нестигаемая, шла следом, чуть склонив светловолосую голову; в ней было сходство с сестрами. Видимо тот, кто ставил эту пьесу, тщательно подбирал актеров и ориентировался не только на шок от контраста, но и на элементарное внешнее сходство. Улыбка Корделии отчасти напоминала улыбку старшей сестры. Но эта улыбка была живая и подвижная. Она то уходила вглубь, то выплескивалась наружу, то жгла. Рой еще не видел таких лиц, хотя уже начал вспоминать актрису, грезу и мечту многих мужчин. В этой сияющей, нежной внешности не было ни тихости, ни покорности. Эти опущенные долу зеленые глаза таили вызов, этот идущий одурманивающими волнами голос таил слова обличения, эти тонкие цепкие пальцы были готовы собраться в кулак. Корделия напоминала плетение из золотой проволоки, где углы уже не углы, а округлости кажутся острыми. На нее невозможно было смотреть: только появившись, она уже несла стыд проклятия и печать гибели. Впрочем, эта печать лежала на всех трех дочерях.

И тогда возле ног Лира, но в тени тронного кресла, возник, как из воздуха, Шут. В его лице было нечто от черепахи: ввалившиеся глаза, крупный длинный рот, а тело скорее напоминало птичье, особенно руки. «Полторы октавы берет свободно», – неведь почему подумалось Рою, и он понял, что говорит о фортепиано или о рояле, хотя ни того, ни другого в жизни не видел. Шут был в шкурах и ярко выкрашенных куртке и штанах, но расцветка была более яркой и нелепой, чем у герольдов. Лир, небесно-белый, парящий надо всей открывшейся пестротой, чуть склонил голову, как бы переглядываясь с Шутом. А тот ответил, вскинув испуганные глаза, заполз на заднице поглубже в тень, и действие началось.

Король распоряжался, не повышая голоса, повелевал мирам скупым движением руки, но в полных темной жизни глазах Шута его отражение темнело, становилось серым, как предгрозовое небо. Гонерилья лилась как расплавленное золото, смешанное с медом, Регана пламенела как благородный кедр, голос обволакивал, жесты гипнотизировали,

Корделия улыбалась, но фразы ее гремели как брошенные сосуды, все в цель. Зачем она, зачем она так...

Рой думал, что теперь он живет только для этого: чтобы вместе с ними нестись в метели действия, как один из снежных комочков, сплетаться и расплетаться, слышать, что они говорят, стоять рядом.

В книге был перевод; спектакль начался на языке перевода, а теперь все говорили на староанглийском, казалось: еще секунда, и возникнет сам Мастер. Иногда Рою казалось, что он действительно здесь, играет Корнуолла.

Почти все, кроме самого Лира, с восхищением смотрели на Эдмунда, а он расцветал животным цветом, он был необходим всем, он рос и хорошел так, что это казалось уже невозможным, однако и на его мягком матовом лбу сияла корона смерти. Эдгар же был в тени, и как бы дурнел с каждой сценой, пораженный в самое сердце своей жизни, превращался в нежить, в призрака, в чудовище. И чем более страстное и живое чувство просыпалось в Эдмунде, тем более опасным казался Эдгар. Глостер на глазах седел, а гордая сильная его спина сгибалась.

Король Лир парил над своей страной, и ему не было вреда от ее разделения, но сама страна уже ползла в разные стороны, так как в ней уже не было Корделии. Вокруг него все так же собирались его воины, кони и собаки, а перемещение их вызывало воспоминания о дикой охоте, но может быть это она и была.

Наконец, только Шут, слепой Кент и Лир остались под худым кровом ночлежки, и началась буря. Тогда Эдгар, как луна в ясную ночь, а только что были тучи, возник перед королем, но тот уже никого не узнавал, и теперь можно было рассмотреть его мачты и паруса, по-прежнему плотные и высокие. Теперь корабль мчался так быстро, что впереди была только кончина.

Наконец Корделия вернулась: спокойная в блеске всеоружия, огромная, как икона, с обручем смерти на голове. И одна за другой в лебединой песне любви упали с вожделенных небес сестры, а затем мрачный Эдгар напал на сияющего последним светом поражения Эдмунда, как молния, как воплощенный суд, величественный, как гибель в бою; Эдгар и был воплощенным смертным приговором.

Рой уже забыл, что плачет давно, однако, едва внесли носилки с телом Корделии, зарыдал, а такого с ним не было с рождения. Это переживание: ритма слез, их раздражающей щеки ласки, их прозрачного острого вкуса – и поднимало, и уничтожало.

– Это похоже на смерть? – спросил Рой Тьютора.

– Совсем немного, – ответил тот, улыбаясь. – Смерть выше и чище.

– Как Эдгар, поразивший Эдмунда?

– Еще лучше.

– И вы так жили?

– Да, мы так жили.

Лир, чьи подошвы были уже помечены мелом небытия, опускался к носилкам без лишних жестов, почти смешно, ведь этот актер был почти совершенным комическим актером, почти нелепо, и это зрелище было действительно страшным. Рядом с Корделией, вероятно, для соблюдения темной фразы Шекспира (и мой дурашка повешен) лежало тело шута с распахнутыми глазами и с улыбкой сказочника на губах. Но ничего давящего или ужасного в этой светлой сцене не было. Была любовь и грусть, пронизывающая глубже костей, о тех, кто ушел далеко и уже не вернется. Ни бессмысленности бытия, ни пустоты не было в ней, а для Роя все, связанное со смертью, и до сих пор было полно бессмысленности и пустоты. А здесь видна была новая и еще совсем не освоенная жизнь.

В приложении к посту размещено видео, слайд-шоу из фотографий группы «Кинг Кримзон», с композицией «Фрейм бай фрейм», альбом «Дисциплина».

Лайков нет

Недоумение: три.

Комментарии

– Вы только интернет-пространство занимаете.

Комментарий к комментарию:

– В конце девяностых я думал, что интернета всем не хватит, нужно излагать мысли кратко.

Что же, вполне здравая мысль. Лайки всем, все молодцы, спасибо, а у меня скоро очередной скайп.

Личное сообщение:

– Привет! Как ты там?

– Пока два раза по сто.

– Держись хотя бы на этой дозе. Возможны кровотечения. А знаешь, любопытный роман у тебя получается. Но мне больше нравится, когда ты пишешь смешное.

– Будет и смешное.

– Имей в виду, клиент дорогой. Будь с ним ласкова.

– А у него что?

– Я, что ли, тебе объяснять буду.

Понятно, Дюша признался в своей зависимости, хороший мальчик. Но я-то плохая девочка. Впрочем, надоело быть и хорошей, и плохой, и девочкой, и бабой.

Пост 18

Без числа

За восемь лет ведения фб не помню ни одного ветвистого обсуждения в моей хронике, ни участия в ветвях чужой хроники. Но мне доставалось, особенно когда начала демпинговать. «Девочка-дерьмовочка» – одно из самых ласковых имен, которые придумали для меня коллеги. Конечно, дерьмовочка, а кому нравится демпинг? Но и без профессии, тишком, меня не один раз помыли. В основном в личных сообщениях, и в основном женщины Дюши, да и было бы за что, а то ведь нет. Так что мне отменно везет на тишину в фб и на гигиенические процедуры.

Один молодой и амбициозный коллега несколько раз употребил слово «сумасшедшая» именно как выражение моей профессиональной несостоятельности. А мне просто скучно. Я примерно рассчитала время, которое мне осталось, и теперь могу позволить себя всякие паллиативные развлечения, не в ущерб другим. Волонтерствовать я уже вряд ли смогу.

К чему я завела разговоры о дискуссиях в фб: за ними интересно наблюдать, но читать не следует, если нет вкуса или шкурного интереса. Чаще всего столкновение возникает там, где комментатор не прочитал поста до конца или приписал автору поста свою мысль, проигнорировав мысль самого автора. И здесь интереснее поведение сокомментаторов, а не автора поста, хозяина хроники или первого комментатора, хотя бывают интересные ходы. Сокомментатор, как правило, занимает одну из сторон: автора поста или автора комментария. Есть случайные комментаторы, которые зашли выразить свое мнение по поводу/без повода, но это милый и вполне пока безобидный солипсизм. Люди, будьте солипсистами, не мешайте другим! Так вот, что именно вынуждает человека занимать ту или иную сторону, мне так и не ясно, но само желание просвечивает четко. «Я на определенной стороне!», «У меня есть принципы!», «У меня четкая картина мира!». Ведь все это мысленно-словесное барахло можно оценить золотой монетой желания восстановить утраченную цельность мира, но что-то не получается, и возникают ветви дискуссий, мысли разбредаются, начинается (и чаще всего) ругань. В конце концов пост висит как обглоданное хищными птицами тело и на него каплют вполне

бессмысленные комменты еще несколько дней. Восемь лет не могу привыкнуть к этому явлению. Какой-то аркан таро, и не какой-то, а – Повешенный.

Мои посты лайкают мало, и это выводит из себя, меня то есть, но редко, так как я вполне осознала свою неспособность писать в таком же количестве гелевой или даже шариковой ручкой в блокноте, тем самым соблюдая эти самые принципы из комментариев, и пользуюсь хроникой почти как записной книжкой, а сейчас и вовсе к ней охладела, хотя пишу регулярно. Но таков наш новый дивный мир: возраст, внешность, походка, голос человека, выражение его лица, весь облик – ничего не значат. У Дюши глаза и голос девственника, он таким себя и считает, а мне никто не уступит место в транспорте, хотя в последние месяцы ситуация все же изменилась: иногда уступают, если пот с носа капает. Так что мои записи в хронике не значат, что мне интересно вести фб и что у меня на него какие-то планы.

Именно от малозаметности моей хроники меня так развезло, в смысле постов и публикации текста Алины, это как с холода войти во влажную теплую комнату, сразу в кухню, где никого нет и в окна никто не смотрит. После такого сравнения хочется подыграть глупцам, намеренно, провоцируя их тупую агрессию, и сделать жест сумасшедшей: как хорошо, что в окна третьего этажа с той стороны никто не смотрит! Пусть считают меня наркоманкой или маньячкой, это лучше, чем быть с ними (кто не понял, я о своих коллегах), – лучше, чем быть с ними наравне.

Сюжет моего фб рассказа, если не отвлекаться на провокационные картинки, расположенные исключительно для аутотренинга, чтобы по утрам умыться и краситься перед выходом на улицу, связный и простой: росла, влюбилась на всю жизнь, жила не с тем и не там, не среди тех, но жила в кайф, как могла, и прорастала в людей. Что еще нужно женщине? Я все же люблю это слово.

Приятные и почти безответственные отношения с Дюшей резко и нелепо закончились после его очередного секс-забега, обещавшего длительные отношения. Хотя я и во время его «отношений» с другими женщинами, и уже после нашего расставания (дебильное слово «отношения», но Дюша его любит, да и я заразилась) тщательно следила за его квартирой – в смысле обработки пола паровой шваброй, которую специально для этого дома купила, и обработки горячей водой накопившейся посуды, а также мытья фильтров некогда мной же купленной стиральной машины, а еще ванны, зеркала в ванной, стола на кухне, плиты, каждый день, и многого другого.

Женщина не может привыкнуть к изменам. Но даже если вычесть меня из числа женщин, что меня никоим образом не расстроит, а Дюшу взбесило, когда я ему это сказала, – но даже если я не женщина, отношения к изменам партнера у меня элементарно гуманное, и именно потому, что гуманное, – гуманно до определенного предела. Больше Дюши меня волновал А., но с Дюшей мы слиплись, я долгое время с ним жила каждый день, и это на мое состояние влияло сильно. Впрочем, я уже где-то это написала, кажется, в предыдущих постах.

Реакция женщины на измену четко обозначена, тупа и проста, как вода из крана, – это великолепный защитный экран, иначе детенышей, пусть даже и гипотетических, не защитить. Если измена есть, то детенышам грозит опасность, только и всего, но как сильно! Детей у меня нет, а в случае именно этой измены Дюши мной руководила внезапная и вполне мотивированная брезгливость. Не по отношению к Дюше, он часто мне напоминал теплый кал, и это был довольно извращенный повод поиграть в сестру милосердия, ухаживающую за инсультником. Я побрезговала его женщиной. Хотя предыдущая, с холодной рябью жира на брюшке и конусовидных бедрах, выталкивающих плоский и отвратительно широкий зад, когда потягивалась утром на кухне в короткой серой маечке «Юникло», имела повод плохо ко мне относиться, да и я за несколько лет их связи с Дюшей составила ей счет, но в ней было хоть что-то женское, да и лицо, когда выпитая, казалось вполне милым.

Новая пассия была нездорова на всю голову, потому что созависимая на почве алкоголизма, это проявлялось почти в каждом жесте; имела довольно серьезные гинекологические проблемы, в которые увлеченно игралась, умело разводя Дюшу на деньги; и еще у нее дергался левый глаз, когда волновалась. Дочь алкоголиков, жена алкоголика, полуталантливая в смысле написания дежурных текстов, чем и жила; и вообще все в ней было наполовину, так что можно назвать ее стильной, потому что ни уродливой, ни красивой она не была; условно среднего роста и бледной внешности, с нелепо подкрашенными редкими волосенками, она очень хотела быть кем-то: под кого-то заползти или кого-то на себя надеть. Заползла она, как понятно, под меня, и надела на себя Дюшу. Ей не повезло, и вряд ли она до самого их разрыва с Дюшей понимала, как ей не повезло.

Дюшин день рождения в тот год готовился с особенными истериками и шиком. Я металась в полубреду и с сильными болями от плиты к половой тряпке, дошла до того, что стала принимать лекарства без особой надобности, но ко дню рождения мы все же установили статус кво. Я никого не хотела видеть, тем более принимать, готовить, и вот это все терпеть; но иногда я хорошо вхожу в роль, а здесь я вошла в роль. Будущая Дюшина женщина явилась случайно, фактически напросившись по фб на эту вечеринку коллег; сама она журналистка, что в моих глазах минус и знак вопроса; она тут же заявила о своей болезненности, и стала как-то особенно назойливо мне помогать. Но обезболивающие уже подействовали, во мне кроме них было еще пальца на два хорошего Дюшиного виски, я была добрая и позволила ей ходить с моим чайником в руках по всей квартире и делать вид, что мерзнет.

Когда эта будущая женщина Дюши взяла на руки зашуганного множеством довольно громких звуков йорка Шерри, шелково-зыбкого, и повернулась ко мне спиной, чтобы лучше его баюкать, меня поразило, как ее уродливо сколиозная спина напоминает виолончель, только нелепо вытянутую, сломанную, словно по ней проехал трактор; это столкновение уродливости и изысканности в одной спине и определило, наконец, мое к ней отношение. И закрепила его синтетическая размахайка, черная, трикотажная, с люрексом, что при теплом, коричном колорите всего ее существа было просто нельзя вынести. Она могла бы носить абрикосовые, персиковые тона, свежие и нежные, а носила невесть что и бессмысленно мерзла. Дюша считал, что за ее неумением выбирать носильные вещи кроется тонкость чуткой души и пренебрежение всякими дамскими штучками, через которые он перепрыгнуть никогда не мог, о которые разбивался и на которые обижался. Бледная, не умеющая одеваться женщина ему показалась моделью. Модель говорила мультипликационным голосом, рот-прорезь двигался как деревянный, тискала уже притихшего от ужаса Шерри и иногда вытирала сопли. Это было пришествие очередного идеала в мир Дюши.

Кстати, квартира у Дюши теплая, как ревматоидно неустойчивый человек могу подтвердить. Наконец, я взяла фотокамеру и стала фотографировать коллег. Фотопроизводство очередного памятного альбома Дюша ужасно любил, и если у него когда возникают непосредственные эмоции, то это не при взгляде на женщину его типа, а на фото женщины, находящейся в его квартире на вечеринке, его тип или нет.

На довольно удачном фото будущая женщина Дюши сидела в профиль, в моей шали, которой я обернула ее нервные, якобы мерзнувшие плечики, с жалобным длинным носом над чашкой, с прозрачными, неопределенного цвета глазами слегка навывкате, с редкими прядками тараканьего цвета на лбу. Дюша, правда, почти сразу заявил, что глаза у нее редкого серо-сине-зеленого цвета, но это сочетание мне как раз понятно. Они бесцветные серо-голубые, но от усиленной не лучшей краской рыжины в них появляется зеленоватый оттенок.

– Какая яркая внешность! – тихо, мне на ухо, восхитился Дюша. – Сделай больше фото. Предыдущая моя была красавицей, но эта намного ярче! Сечешь? Конечно, я уже не опускаюсь до менее красивых женщин.

Такие просьбы были в порядке вещей, девственный брюнет Дюша и сам эстетичен донельзя, когда не пьян и не выясняет отношения, так что я сделала еще пару снимков модели, и меня чуть не стошнило. Разгадкой был цвет волос. Именно такой бывает у самок тараканов, да и тело будущей женщины напоминало тело тараканихи: вытянутое, с подвисшей грудью неопределенной формы, без талии, расширенное в бедрах, с оползшими щеками, а ей едва сорок три. Утром она выглядит не просто отвратительно, а оскорбительно для глаз, я успела убедиться, хотя Дюша меня за такой пассаж в очередной раз назвал бы карлицей или ущербной сукой.

В общем, они три дня в личном сообщении обсуждали условия эконо-секса за спиной ее мужа и ее любовника, здесь ей нужно отдать должное, поссорились, а потом Дюша купил виагру (он всегда ужасно боится поражения) и поехал трахаться, и все вышло замечательно, можно только порадоваться.

Не заметив с моей стороны никаких действий, женщина включила высокую скорость внедрения в Дюшину жизнь, толком не разобравшись, что это такое. Тогда я впервые подумала снять отдельное жилье, в своем же дворе, но так, чтобы не виден был родной подъезд, и начала поиски. Деньги на то время были только на старт, чем буду жить дальше, не думала, но тараканиха вызвала устойчивые рвотные позывы, что отражалось и на моем поведении, и, конечно, на внешнем виде. Я помню те месяцы, я не походила на себя. Объяснять что-либо Дюше было бесполезно, ему можно было только грубить.

Тараканиха, сообразив, что я сделала некое действие, тоже зашевелилась, и интуитивно (все лярвы ведут себя так) пошла по моим стопам. Стала настаивать на элементарном ремонте, установила опекунский контроль над якобы безалаберным Дюшей. А в его голове не переставали хороводить телки, и он активно, если тараканиха в социальных сетях была не приветлива, переписывался с молодыми, социалистического настроения, девицами из волонтеров. Порой он показывал мне эту переписку, осуждая распущенные нравы молодежи, как, впрочем, и переписку с тараканихой, что плохо о нем не говорит. Он врач до мозга костей, и я его коллега. Тараканиха победила, что дало мне свободно вздохнуть. Квартира нашлась, окнами на подъезд А., сравнительно дорогая и неудобная. Плюсом было то, что хозяйка согласилась убрать лишнюю мебель, оставив только необходимое. Если что и ненавижу, то это основательную красивую мягкую мебель, которой так много в родной квартире.

Так я оказалась на съемной квартире, не зная, насколько долго буду ее снимать, почти без денег, в своем дворе, окнами на подъезд А., возле которого иногда останавливалась его машина, в довольно крупной ссоре с Дюшей, а это был мой костыль. И начала анализировать свою зависимость от него.

Мать, узнав о моем новом месте жительства, даже повеселела и сказала не без юмора:

– Если совсем сляжешь, буду тебе суп куриный в контейнере носить.

Она сказала нарочно: в судочке, что не меняет дела. Готовить куриный суп она не умеет и не хочет уметь. Готовит отец, когда не пьян. Так что мать, если не успела заказать из ресторана салат или пиццу, ест жирные котлеты, в которых есть свинина и черный перец, из «Пятерки». Или пельмени «Останкинские». В последнее время мне очень хочется именно пельменей, но я их уже не усваиваю. До паллиативной радости, когда ешь все, потому что все равно, я еще не доросла.

В тот период у меня было три клиента с онкологическими заболеваниями, разной стадии.

Не знаю почему, но трогательность фб комментариев условно здоровых людей в постах онкологических больных меня бесит, хотя и недолго. Мне можно сказать: ты не знаешь, что это такое. Элементарный и точный ответ: я знаю, что бывает хуже. Онкологические больные в моей практике идут под грифом самые психически здоровые люди, и это касается именно метастазников. В них есть какое-то черноватое, но мощное и чистое веселье, я полюбила с ними работать. Они рассудительны, эмоциональны и привязчивы, но в них есть как бы тонкая спица: они особенным образом видят себя со

стороны. Если такой человек устал и начинает ругаться, то это вполне понятные реакции. Я по движению рта научилась определять момент, когда нужно отключаться.

Когда я лягу, вокруг меня не будет всех этих хлопот и споров, лучше одной, и мне нужен только Бог, чтобы в нужный момент помыться. Впрочем, обо мне и так никто не вспомнит.

Считается, что психотерапевт не должен и не сможет помочь себе, это почти суеверие в нашем кругу, хотя его придерживаются далеко не все. Так что развернуть свои отношения с Дюшей, как я разворачиваю чужие отношения, у меня не вышло бы. Тем не менее зависимость от Дюши была, фантомная память подсовывала то злые, то трогательные фрагменты, и я бесчеловечно задала себе вопрос: а кто, собственно, для меня Дюша? Недолгий любовник, долгий коллега, который помогает всегда с пуантом, обращается только унизительно-бранными словами. За тридцать лет знакомства я не увидела ни одного подтверждения его чувствам, которыми, по его словам, он живет, и которые так в нем сильны. Однако у Дюши есть сила, он отчасти о ней знает, но понимает, как и все на свете, извращенно. Он маньяк, причем довольно опасный, я знаю по тому, как он меня избивал. Это было раза два, но последствия еще напоминают о травме, с которой я, конечно, не обратилась в травмпункт. По очень простой причине: мне было все равно; нужно было прожить, как прожевать, эту ситуацию. Мне даже не хотелось заболеть, чтобы скорее умереть. А вот Дюша на эту тему любит поговорить, его понт в том, что у него каждый день последний, а если стоит на остановке, то не знает, приедет автобус или нет. За годы этот синтетический романтизм мне надоел.

Итак, я запустила в себе программу анализа, как ставят опасную прививку. И оказалось, что А. и Дюша родились в одном году, а кроме того, оба худы и темноволосы. Открытие не вызвало эмоций, но возможно это был шок. Я налила кофейную чашку дешевого, из «Дикси», коньяка, чтобы снять блок, и когда он подействовал, начала смеяться: в голос, русалочьим ведьминым хохотом. Затем включила «Посейдон» «Кинг Кримзон», легла на свои матрасы, закинув руки за голову и погрузилась в довольно ироничное блаженство.

– Тридцать лет, дура. Тридцать лет тебе понадобилось, чтобы понять очевидную вещь: у них есть эфемерное сходство. Ты же на самом деле послушная хорошая девочка. Ты не уехала от Дюши раньше только потому, что у тебя есть элементарные и очень христианские принципы. Виват, теперь мне дали знать, что моя миссия выполнена, я могу удалиться.

В этот же вечер начались личные сообщения от Дюши, что с тараканихой у него не ладится. А как он думал, она очень устойчивое насекомое. Однако от Дюши так просто не уйдешь, он хороший гипнотизер, и порой гипнотизирует словами, это не шутка. Так что тараканиха засуетилась и стала бросаться на Дюшу, мелко и неприятно.

– Она меня все время опускает, говорит гадости, – написал он не так давно.

Слово было точное, но Дюша вряд ли понял, что оно относится к его зависимости. Для него он зависит только от человека, которого любит, а любит он только того, с кем есть секс, причем довольно извращенный. Я хорошо знаю Дюшины комплексы. Но со мной он трахался как сам с собой, без понта, а с женщинами он играет, он должен себе нравиться. Впрочем, он милый и довольно жалостливый человек, потому и подбрасывает мне то клиентов, то деньги. Если бы он меня не оскорблял, деньги я вряд ли получала бы.

В качестве приложения дано видео с концерта 1973 года артиста Уэйн Каунти.

Лайков нет.

Возмущений восемь.

– Вы очень мягко описываете ситуацию насилия. А вообще проблема важная. Нужно еще написать о насилии над трансгендерами, ЛГТБ и про половое неравенство.

Люблю таких комментаторов. Это, как правило, симпатичные женщины со здоровым румянцем на щеках, не старше тридцати пяти.

– Женщина, а вам не стыдно все это писать?

Дама лет пятидесяти, ровесница. Конечно нет. Лайка ей много, хитроватый смайлик подойдет лучше. Нет, не стыдно мне все это писать.

Личное сообщение 1

– Ну ты сука даешь. Я у тебя какой-то плоский. Ты же не художник, ты создала плоский образ! Я не такой.

– Что ты, любимый, ты самый лучший.

– А я опять поссорился. Истерику закатил.

– Да у тебя все истерики высшей пробы.

Его фраза, пусть порадуетса немного, а то каково такое про себя читать.

– Вот, она мне написала. Одумалась. А знаешь, я водку пью. Это так необычно.

Виски все же не наш напиток.

И вот этот набор фраз уже тридцать лет. Как хорошо, что я уехала от него.

Пост 19

Без числа

Я вру, когда говорю, что фб для меня – только записная книжка, это давно не так, но верно в одном: в моем отношении к моим записям. В остальном это довольно удобное существование, из которого порой не хочется уходить. Мне пятьдесят, но я понимаю подростков, которые сидят в социальных сетях или вызывают такси только для того, чтобы посмотреть, как машинка бегает по экрану гаджета. Но, несмотря на это родство, я не понимаю, как можно разговаривать в фб. В фб можно читать посты, смотреть фото и видео, отправлять почту, делать видеозвонки, но разговор в комментариях для меня недоступен.

Новая волна этого непонимания поднялась, когда я открыла для себя флешмобы. Флеш – это вспышка. Но если произнести гласные по-другому, получится плоть, в общем, фб-секс, социальное секс-партнерство или цифровой свальный грех, – плотского совокупления уже не нужно, так как есть словесное, слово «плоть» содержится в самом названии действия.

Один из первых флешмобов, который я помню, был посвящен дню кошек и казался невинным: много красивых необычных фото, лента манила как тарелка с молоком, хотелось посмотреть все опубликованные фото и даже будущие. Теперь я почти не смотрю ленту, и это не решение воли, это естественно, как обойти помойку. Никоим образом не хочу обидеть коллег и прежде всего щедрого Дюшу, с которым вот уже месяца два видимся только в фб. Но есть рефлекторные гигиенические движения, и я очень их люблю.

Следующий флешмоб был посвящен живописи. Я поучаствовала, но довольно вяло, лента стала однообразной, комментарии пустыми. Зачем мне читать чье-то мнение в комментариях; я бы прочитала пост и не стала бы комментировать, но прочитала бы точно. Затем были флешмобы, посвященные поэзии, памятным датам и, наконец, девяностым, но тут история с продолжением, так что о ней немного позже.

Сначала о том, как любовь моя фб впервые разочаровал меня. Этот флешмоб коснулся всех стран, это был me too, миту. На него наложилось несколько местных, и даже московских, историй о насилии, в частности, об учителе одной элитной школы. С первых же постов мне стало ясно, что «у них там» в Европе и Америке этот миту – совсем не то, что у нас. У них отжимают свои деньги, у нас торгуют своим стыдом. Зыбкое, хрупкое чувство общей боли, которое так наивно обещалось в самом начале волны, оказалось приманкой, провокацией – чтобы манипулировать массой.

Посты с хэшем миту я читала нехотя, соскальзывая в этот грех, волнуясь порой не на шутку, желая написать свой. А мне было что написать: Дюша насиловал меня, когда у него не ладилось с очередной волонтеркой, корявыми грязными пальцами в селедке и

водке, потому что хрен свой он берег для любимой женщины, которой в тот момент еще не было на горизонте, да и вообще любил трахать пальцами. Я проходила через эти ситуации как через стену, я тогда не могла изменить весь расклад, и я зависела от Дюши: он подбрасывал клиентов и деньги.

После третьего-четвертого поста мне стали видны супервайзеры и дистрибьютеры этого флешмоба, миту. Те, кто размещал материал красиво и ловко, почти никогда не говорил о себе, но мог пересказать трогательную историю, якобы из первых рук. Они задавали тон, вовлекали в дискуссию, давили количеством лайков на свои посты и активностью комментирования. Изредка возникали более тяжелые фигуры, они высказывались конкретно и веско, с ними порой не соглашались, но активные ориентировались именно на эти высказывания.

Если были рассказы о себе, то они выглядели прилично и аккуратно, ничего шокирующего в них не было. По скайпу я слышала и видела вещи гораздо более страшные. Тогда же я повадилась смотреть отечественные криминальные сериалы, чтобы хоть как-то разгрузиться от человеческого ужаса, который на меня шел во время работы и который я стала плохо переносить. Час-два сказки на ночь – и можно идти на сон грядущим. Вот что интересно: в сериалах было намного более страшно, чем в постах с откровенными рассказами о насилии.

Тогда я поняла, что фб провоцирует тревогу и даже страх быть зомбированной, как будто я еще не зомби цифровой жизни. Но я знаю, что я зомби, и давно зомби, но в общем моем раскладе это мало что значит. Моя зомбированность кончается, когда начинаются боли, а я с ними просыпаюсь и живу, пока не подействует препарат, и вечером – то же самое. Человек не есть его боль, человек – это скорее реакция на боль, а при отсутствии подлинной боли это игра в боль, и часто очень убедительная.

Я написала все же длинный спокойный пост о том, что со мной было в жизни, и назвала «Письмо Алену Делону». Пост еще висит в моей хронике, френдз онли, как и почти все мои посты, и я уже его забыла. Реакция была слабой именно потому, что написано было неэмоционально. А такие вещи, говорю как терапевт, нужно рассказывать и писать только без эмоций или по возможности без них, иначе повторная травма неизбежна. Просто излагать факты. «Из его рта несло как из помойки, он хмыкал “ха, ха” и совал суковатые пальцы глубоко, не веря, что там есть дно. Потом несколько дней были боль и выделения». Примерно так.

Это была первая измена фб, но и через нее я прошла как сквозь стену, как сквозь насилие Дюши. Однако я увлеклась. Последующие флешмобы, плоть к плоти, я либо игнорировала, либо участвовала постольку поскольку, поддавшись общей волне, так что иногда и мне хотелось написать беспомощное: «все побежали, и я побежал». Тогда частыми были флешмобы со старыми фотографиями. Старых фотографий у меня почти нет. Те, которые висят в хронике, пришли ко мне из полуслучайных рук, оказией, а все детские свои фото я когда-то отнесла на помойку: два альбома, один с Дон Кихотом на обложке, атласно-синий. Сам по себе альбом очень нравился мне, но не было смысла его хранить. Второй альбом был еще годов пятидесятых выпуска, бордового цвета, с полустертым фото кремлевской башни на обложке, и непонятно, почему там оказались мои детские фото. Я очень тяготилась своей семьей, и даже когда-то хотела жить в Нетландии, но сейчас мне все равно, есть семья или нет.

– Раньше я не знала, как ты живешь, – однажды сказала мне мать, – и потому хотела тебя контролировать. А теперь я вижу, как ты живешь; все это хорошо: клиенты, заработок, Дюша. Но ты...

Она не договорила, как делала всегда, если хотела придать значение своим словам, именно тогда и пустым. Я прекрасно поняла, что она хотела сказать: «Но ты не делаешь, что я считаю нужным, ты мне чужая». Эта вуаль чуждости будет висеть над нами до смерти, в этом отчасти мое спасение: не от влияния матери, с ним ясно, окончится оно

только со смертью. Спасение в том, что благодаря этой чуждости моя душа живет. Впрочем, мать – это главный флешмоб любой человеческой жизни.

Пока я анализировала свои отношения с фб, который все больше и теснее входит в мою жизнь и все больше мне изменяет, пришло время очередного скайпа. Не знаю почему, но мне вдруг вспомнилась Алина Сергеева, автор «Записок Роя Обрана Роу». Я вспоминаю ее каждый день, читая псалтирь, и, когда есть наличные, подаю на литургию. За две недели до кончины ее соборовали и причастили, она была в ясной памяти, отвечала трогательно и смело. Она почти не боялась смерти, хотя внутренние органы уже отказывали, то были последствия сильнейших стрессов и лекарств. В последние месяцы ее жизни я видела ее по скайпу, всего пару раз, хотела приехать, но родные меня не пустили. По изображению на экране трудно сказать, насколько плохо ей было. Она немного расплнела, но змеистый силуэт сохранился, светлые глаза смотрели прямо. Мне нравилось, как она смотрела: как будто у нее только что отняли дорогую вещь или очень крепко обругали, но в этом было ее подлинное лицо: строгое, стыдливое, доверчивое.

Воспоминание об Алине накрыло как раз перед звонком мужичка, боявшегося импотенции. На звонок ответила замешкавшись, ковыляя из кухни с чашкой зеленого чая. Вот ведь глупость: я люблю черный чай, просто черный чай и черный чай с чабрецом, но во время скайпа все время держу возле себя огромную чашку пакетированного зеленого чая, не важно какой марки. Защищает он меня от негативных энергий, что ли; смех да и только. Так вот, я с чашкой, конечно, облив руку, включила скайп, извинилась. Человек, назову его Валерий, как будто и не заметил моей оплошности. А ведь за такое требуют снижения платы. Но у него тариф женский, я уже говорила, что сделала ему скидку.

Лицо Валерия было задумчиво и гладко, почти никаких следов сомнений. Мы поздоровались, и он начал рассказ. Лучше бы его лицо было перекошено, лучше бы он был бледен или красен, но только не это. Час он рассказывал мне, каким открытием оказалась для него мастурбация. Он не мастурбировал в детстве, ну, может, раз или два, даже не дробил, он обнимал животных и прижимался к девочкам, а тут ему очень понравилось. Он едва не сиял, и понятно почему. Решена проблема! Отношения не нужны. У меня был случай, когда клиент, с похожим рисунком, стыдливо попросил на меня подрочить. Я не выключила скайп, не стала запрещать или разрешать, что в этой ситуации одно и то же. Я сказала как есть: у мужиков ужасный запах. Меня трахали много раз, но я так и не поняла, зачем это нужно, хотя и кончала. В моей жизни было много траха, но не было мужчин. Пока говорила, мне казалось, что несу бред, однако клиент насторожился, засмутился совсем, извинился и исчез, совсем, больше не звонил.

Валерий все время беседы, фактически, его счастливого монолога, выглядел представительно, как на переговорах.

– Влюбиться бы вам, – с сердцем сказала я. Все же очень они жалкими становятся, когда доходит до нижних дел, их нужно беречь и ценить, мужиков то есть. Хрупкие создания.

Валерий сначала оторопел, затем едва не сник, а потом востепенел, и наконец похорошему просил.

– А в вас можно? Вы красивая!

– На экране да, – ответила я. – А влюбиться в меня знаете почему нельзя? Я сука фригидная.

Валерий рассмеялся.

– Как вовремя вы выругались! Это так интересно. Вы удивительная женщина.

– Вы должно быть очень хороший человек, – ответила я тем же.

– Знаете, за вашу последнюю фразу я вам хорошо заплачу, мне понравилось. И я теперь точно знаю, что влюблюсь, и у меня будет все хорошо.

– И я надеюсь. Улыбайтесь чаще.

– Спасибо вам!

– И вам!

Типичный сеанс, хотя я далеко не все рассказала.

А вот сеансы с Алиной проходили как художественные фильмы. Мне нравилось, что она манерничает, подбирает одежду и макияж, меняет интерьер в комнате, хотя бы немного. Помню, как расстроило меня появившееся в ее комнате темно-зеленое покрывало, в черную клетку и с узорами, странное, как будто вовсе не из этой жизни. У нее действительно было очень редкое заболевание, однако считать ее посланницей иного мира я не могу. Это было довольно апатичное привязчивое создание, как они все теперь, подросток, который хотел остаться подростком. Но в ней была мудрость, перед которой все разговоры о семье, любви, мужчинах и женщинах меркли. В ней было послание свыше не то об изначальном одиночестве, не то о изначальной нерожденности человека, и я верила именно этому посланию. В целом же характер Алины был противный: она всех обвиняла в своих несчастьях, меня тоже, и едва не первую. Я так и осталась ее главной предательницей, я не вытасила ее, а она надеялась. С этим нужно жить: на тебя возлагают надежды, а ты идешь на крест, и надежды распинают. Так что неизвестно, кому хуже: мне в муках несделанного дела – или людям с распятыми надеждами. Думаю, что последним; мне проще: немного осталось, и то хорошо.

Алина была очень высоко и странно одарена. Она рисовала, сочиняла музыку. У ней были гитара, лютня и мандолина, – ее родители могли себе это позволить. Но мне казалось, что она писатель-фантаст, так поразил меня увиденный ею и записанный мир после катастрофы. Впрочем, что вспоминать об Алине, ее уже давно нет, хотя я привязалась к ней. Но я люблю придумывать себе детей, братьев и сестер, а еще учителей, – как на Рождество раздают в храме всем шоколадные конфеты, так и я придумываю себе людей, чтобы уравновесить свою от них отчужденность. Я ведь очень привязчивая: тихо, просто, спокойно, но пока не станет скучно. А заскучать я могу мгновенно.

Второй скайп был почти в полночь. Сравнительно молодая женщина, недавно похоронившая онкологическую знакомую. Это были подруги до смерти, знавшие друг о друге все. Очень неприятно было мне поведение умершей. Я помню ее немного, это была довольно известная актриса, не мелькавшая в шоу, но искренне любимая за живой веселый характер. Она все время где-то зажигала, была, кажется, с большой частью восточной крови. Онкология нападала на нее три раза, и на третий победила. К третьему разу женщина уже не могла работать и даже деньги на лечение за нее собирали другие. Образовался довольно большой штат невольников и невольниц будущей покойницы, и все это крутилось некоторое время у меня перед глазами в фб, так как подруга, многим в этих сборах рулившая, была моей постоянной клиенткой. Умирающая оставляла на этом свете бабушку и сына, и уже решила, куда отдаст обоих, когда все случится. Основными ее занятиями в последний месяц были обезболивание и денежные расчеты, кому и куда сколько, как у заправского торчка, без лишних сантиментов. Это не могло не шокировать, но мы все делаем стойку, когда появляется чужая беда: а вот ты бы на ее месте... Я бы смотрела кино.

Наконец красавица умерла, тридцати семи лет, красивей не бывает, гроб обили кремового цвета атласом, такой пошел бы и на платье невесты, пристроив бабушку и сына по домам, соответственно, и оставив денег на поминки с фирменным блюдом. Когда все это происходило, у меня самой были боли, и нормально относиться к этой насмешке над теми, кто остается жить, было сложно. Говорю же, в последний месяц это была обычная торчиха, а именно такие могут устроить свои собственные похороны.

Одна моя клиентка рассказывала о своей дочери, умершей от меланомы в двадцать пять лет. В последний месяц та тратила почти всю свою пенсию на угощение для друзей. Она покупала натуральные дорогие продукты, мать готовила, ставила стол, приходили люди, включали музыку или сами играли, кто мог (помню мальчика, под Александра Васильева из «Сплина» работал), смотрели фильмы. Кто хотел – говорил с больной. А она научилась засыпать во время этого праздника. Она засыпала – была музыка, просыпалась – ей предлагали что-то вкусное. Когда все уходило (а иногда и во время праздника), ей

делали укол или давали таблетку. Она так и отключилась, дома, как на вечеринке, накурмив и напоив гостей.

– Машка уснула, – были слова ее матери тогда, – вызывайте скорую и полицию.

Кто был в квартире, человек пять, все так и поехали, в нарядах, в морг, а Машкино тело несли на руках, уговорили не класть в носилки. Так она до самого морга и лежала, на коленях.

Теперь подруга умершей расчетливой красавицы в стойкой депрессии. Потому что та ушла, оставив свои дела другим, и в частности ей, а это все равно что жить чужой жизнью. Подруга – дама довольно плотная, без особого блеска, словом, противоположность умершей, и ей очень сложно продолжать чужую жизнь в себе. Я понимаю, что во многом условность эти слова: жить чужой жизнью, жить своей жизнью. Но оперативно они приемлемы, так что я пользуюсь ими.

На сегодня с жизнью все.

Вышла с пакетом к помойке, она за густыми голыми кустиками сирени. Когда возвращалась, подъехала машина А. Он вышел, один, в темной крутке и новых трекерах, и тут же обернулся. Узнал, подошел, походка все такая же легкая. У него теперь лицо Дракулы. Я бы все отдала, только бы он сыграл в таком фильме, я бы сама написала сценарий.

– Тебя давно не было, я тебя потерял.

– Нет, я здесь.

– Ну привет, соседка.

Он хотел обнять, но я, кивнув, умоляюще и жадно глядя ему прямо в глаза, отошла. Он тоже кивнул, улыбнулся этой своей змеиной улыбкой, которую мне так и хочется назвать всепорочной, и пошел к подъезду.

– Я рад, – бросил он тихо, – я рад!

Какой бред. Какое счастье. Какой дурной признак.

При чистке зубов из десен пошла кровь, а вода была не розовая, как обычно по утрам, а красная, и ночью. Вкус крови меня встретил и утром. Да что ты будешь делать, но кровотечения возможны.

Читать дальше

Из записок Роя Обрана Роу

«Короля Лира» Рой увидел еще раз, с другим актером, старше того, который был в предыдущей постановке, но в этот раз пьеса шла скоро, и у Роя осталось чувство черно-бело-серебристого потока, идущего зигзагами.

Лира играл актер уже пожилой, очень известный, высокий, с грацией огромной птицы, может быть даже страуса. В пьесе одного известного британского автора он играл Юлия Цезаря, это было за пару лет до постановки «Короля Лира», а в пьесе одного известного русского драматурга играл Король Людовика Четырнадцатого. Царственные роли ему шли, он знал в них толк.

Этот Лир наплывал как северное сияние или как августовские зарницы – в нем был ветвистый, металлический блеск и того, и другого. Он был недоверчив, бежал от сна, его темные глаза, как выросшие до размера сливы терновые ягоды, глубоко мерцали. В этих глазах были любовь и надежда, которые пытались сбросить оковы мрака. Весь его облик был столкновение, вспышка, крушение, но и птичий взлет в нечто, пока еще не доступное взгляду человека.

Рою этот образ показался точнее и убедительнее в силе и царственности, но обаяние идущего на погибель корабля стереть из памяти было сложно. Этот новый Лир словно сдернул с тросов кулисы и открыл совершенно другое пространство на этой же

самой сцене. Очарование и восторг уступили место глубокой яркой муке, у которой точно была великая цель, но Рою она пока еще не была ясна.

Рою уже не составляло труда перемещаться из своего мира в мир, который открыл ему Тьютор, но все же перемещение требовало сил. Вернувшись после второго представления, Рой ощутил, что ему просто необходимо выспаться, иначе он впадет в доселе незнакомое ему состояние и не скоро из него выберется. Однако, не иначе посещением Тьютора, на столе в прибрежном бунгало оказался незнакомый длинный и высокий сосуд, полный жидкости. Рой угадал, что там, в другом мире, это называли бы бутылкой вина. Рой открыл ее, хотя он это делал впервые, пробку достал довольно аккуратно и горла не разбил.

Понюхав жидкость, острый и тонкий запах, Рой пожалел, что рядом с ним нет Гарри Флита, который точно бы оценил такой подарок. Только Рой подумал о Гарри, как увидел недалеко от бутылки лежащее письмо. То, что это письмо, Рой тоже скорее угадал, чем знал. Писать письма на бумаге после катастрофы было занятием дорогим, даже составлялись списки людей, имеющих средства писать письма на бумаге. Так что Рой приободрился, увидев это письмо, нагое, без конверта, свернутое вчетверо. Написано оно было на листе, вырванном из альбома для рисования, было теплым и коротким.

«Друг, – писал Гарри, – я уже немного знаком с твоими обстоятельствами, и потому желаю тебе скорее и лучше завершить твою работу над праздничным шоу, и уверяю всем, что есть во мне привязчивого, у тебя это очень хорошо получится. Мы увидимся скоро, я сердцем жду, что мы увидимся. Вино тебе передал Тьютор. В этом вине нет сочного южного солнца, но есть полнота и сладость согретых теплыми рассветами лугов».

Рой угадал, что выпить нужно только после того, как прочтет письмо, и это будет как если бы он выпил вместе с Гарри. Из посуды у Роя были две-три красивые непроливашки с голограммами довольного Руперта, пьющего напиток здоровья и долголетия, но пить вино Тьютора из непроливашки Рою показалось смешным, он глотнул из горлышка. Напиток был тихим, острым, и сразу понятно, что коварным. Внутри поднялась удивительная музыка, силы зашумели и стали подталкивать к действию. Рой решил им не сопротивляться и сел за работу.

Сел – сказано довольно условно. Прозрачный экран почти в человеческий рост стоял напротив Роя, а Рой водил по нему пальцами. Этот экран можно было класть на колени, свернув. Если нужен был какой-то один угол, его можно было пригнуть и на нем работать. Световые и пространственные опции в этом инструменте были почти совершенными, так что Рой испытывал даже наслаждение, занимаясь рутинной, по сути, работой. В короткий промежуток времени ему удалось довольно много сделать! Он смог смоделировать многомерное изображение Руперта, выходящего из сияющего облака и парящего над праздничным пространством. Это изображение долго ему не давалось; Рой решил, что удалось оно только после того, как он увидел Короля Лира.

Мысли снова вернулись к театру, и теперь уже держались за того актера, с грацией страуса, который играл во второй постановке. Рой снова и снова вспоминал эти длиннопалые подвижные руки, в которых суставы словно выгибались наружу. Он сравнивал эти руки с руками шута, которые свободно брали полторы октавы, но в этих была новая, еще неизвестная Рою власть и сила, которые привлекали и перед которыми всемогущий Руперт казался ковбоем. Кстати, кто рассказал Рою о ковбоях, и почему он узнал о них только сейчас? Наверно, это все проделки Гарри.

Задание было выполнено, макет отослан мановением руки в координационный центр, в отдел инвента, там его зарегистрировали и протестировали, а через час Рою пришло сообщение о новом поступлении кэша: работу приняли. «А ведь когда-то была зарплата, – подумалось Рою, – Тьютор говорил, что они жили на зарплату или на суточные, если была командировка. Командировкой называлась поездка для работы в

другой город. Мне трудно представить, как это происходило. Ведь работать можно везде, нужно только по геомоделингу заказать макет нужного пространства».

Мир связи – вот что привлекало Роя. Но он уже ощутил влияние более сильной и мощной, пусть и более тяжелой связи, чем та, что была в его мире.

Приложение даны пять интерьерных фото, сделанные почти в темноте и, кажется, на зеркальную камеру: окно, зеркало, чашки, банка меда.

Лайков нет.

Ха-ха нет.

Сочувствия нет.

Возмущения нет

Комментарии отсутствуют.

Личное сообщение 1

– Мария Георгиевна, когда вам можно позвонить?

– Набери сейчас, в скайп.

Елена, тридцать два года, успешный менеджер. Но я не очень понимаю, как она остается успешным менеджером, ведь у нее всегда словно бы виноватый, хрупкий вид. Соня Мармеладова, одно слово. Хотя когти у нее тоже есть.

Личное сообщение 2

– Мария Георгиевна, я вас беспокою, хотела уточнить одну вещь, в прошлом году сеанс был. Есть минутка?

– Через час наберете мне?

– Конечно, спасибо!

Николай, трогательный папа с талантливой, но бездетной женой и приемными детьми. Но у них все точно будет хорошо, жена его очень любит детей, да и при выяснении отношений чувствует себя на своем месте. Красивый мужик, вот идеал семьи. Но и там все источено болями.

Пост 19

Без числа

Одну из загадок фб для меня составляли группы. Мои милые френды и френдессы в отношении групп были активны и даже имели вкус публиковать у себя то, что нашли в той или иной группе. Мне непонятно было, зачем они это делают, и я специально для изучения, что же такое есть в группах, подписалась на несколько наиболее популярных в своей ленте. И была разочарована. В группах оказалось много смешных и глупых видео, фото, с циничными подписями или без, но все они, как мне показалось, имели смысл только в сочетании с удачным жестом публикатора. Я никудышный публикатор и комментатор, так что мне лучше держаться от групп подальше.

Меня добавляли в группы, видимо, просто так, чтобы добавить, не спросив согласия, а потом все добавленное нужно было удалять. Я даже стала находить удовольствие в этом процессе; удаление групп – как генеральная уборка перед праздником. Однако, овившись в фб, я создала свою группку, небольшую, но она живет и сейчас, там каждый день возникает новая запись. Это может быть благодарность, просьба, возмущение или фото. Я сама в этой группе уже давно не размещаю ни фото, ни других материалов, но раз в неделю публикую прайслист, файл с недавними отзывами и приглашение к сеансу; порой оно оформляется мною даже красиво.

Тем не менее группы имеют сильное обаяние. Например, кот, завывающий голосом мага, или собака, выключающая будильник. Порой темные небеса дают прореху, и тогда

меня добавляют в группу, где много загорелой плоти, которую приходится банить немилосердно.

Досаднее всего то, что если хотя бы раз засветишься в группе, потом несколько дней на все устройства будут приходить сообщения о том, кто и как чихнул в этой группе, и кто на чих ответил. Потому я и перестала появляться даже в группах, контент которых мне интересен.

Так что жду дня, когда, желая бездельничать в ожидании очередного скайпа, начну чистить хронику от новых групп.

Что касается ботов, то они довольно любопытны. Фб любит надевать маски, а боты – это те же маски. Некоторые боты очевидны сразу, там только селфи с перекошенными, как правило, чертами и огромное число перепостов неизвестно чего – статей о новых (сомнительных) открытиях сомнительных ученых, поп-сплетни с уродливыми фото бедных поп-звезд, просьбы поддержать кого-то, кого на самом деле нет. А есть боты с историей и комментариями, такие распознать сложнее, но все равно можно. Друзей у меня всего около двух тысяч, уже год я только отвечаю на запросы и никого не добавляю сама. А перед тем, как добавить, подтверждаю запрос и читаю хронику, довольно прилежно, чтобы понять, что за зверь ко мне пришел. И бывает, что сразу баню, не сомневаясь, хотя хроника скорее нейтральная. Зачем мне именно такое человеческое общение? У меня есть Дюша, он стоит если не роты, то взвода молодцов накануне дембеля.

Чем больше времени я провожу дома, тем больше времени забирает фб. Не в том смысле, что я читаю ленту или отвечаю на комментарии, или даже пишу, хотя пишу я сравнительно много и часто, но только сравнительно. Фб превращается в няньку, в Арину Родионовну Цукерберг, просто в собеседника, наконец. Написание двух моих постов растягивается на полдня, вот и уже полдня прошло рядом с фб и внутри него. Мне сложно представить, что то, что я написала, могла бы сказать голосом. И дело тут не в том, что стыдно. Из-за болезни у меня очень тихий прерывистый голос, так что собеседник элементарно не слышит моих слов, и еще улыбается трогательно, не то жалея, не то раздражаясь, что, впрочем, жалости не мешает. Разговора вживую не получается. За последние полгода, если с кем и разговаривала помимо скайпа, а там все же микрофон, наталкивалась не то что на непонимание, на неслышание того, что сказала. У каждого, с кем возникал разговор, рождалась своя версия того, что я ему сказала, а в таких случаях переубедить невозможно. Ну, мол, произнесла, я понял или поняла, так что возвращаться назад не будем. Лучшим вариантом беседы было: а я не понял, о чем ты. В скайпе наоборот, все четко и понятно, потому что микрофон, и то хорошо.

Так что фб любовь моя теперь не только мой собеседник, но и мой голос. Хотя бы такой, искаженный, неровный, но он пока есть.

К ночи состояние снова скакнуло вниз. Это были уже не боли, которые понятны. Они могут быть тупыми или острыми, тянущими или распирающими, но тело их узнает, как узнают в лицо неприятелей. Началась изматывающая пляска неприятных и неопределенных ощущений, ограничивающих движения и мешающих дышать; горло свело так, что сделать глоток стало трудно.

Приближалось время очередного скайпа. За полчаса выпила ксефокам и сирдалуд. Я не люблю сирдалуд, хотя он облегчает состояние и дает на короткое время нормальный сон. Дело в том, что выпив сирдалуд, я быстро засыпаю и потом просыпаюсь часа через два, чтобы после не спать часов до пяти утра. Так что приходится после приема лекарств пить полстакана теплой, почти горячей воды напополам с красным вином, иначе действие препарата будет слишком резким и коротким.

В туалете обнаружили малоприятные новости, а именно кровотечения. Не менструация, конечно, хотя по виду можно предположить; но все же это точно была не она. Я была готова увидеть свою кровь в унитазе, но не сию минуту. После скайпа нужно будет записаться к врачу и попросить хотя бы рентген. Сейчас это очень большая проблема, ведь медицина перебирается на платную основу. Я могу принять это

умозрительно (кстати, к гинекологу я недавно ходила платно), но инстинктивно – нет. Так что если вдруг все сразу станет платным, я просто не буду ходить к врачу.

Скайп прошел просто отлично, спасибо клиенту. Нервный молодой банкир, скупердяй, по всему видно, потому и пошел ко мне, искал выход из довольно сложной личной ситуации, которая могла повлиять на его карьеру. Я настроила его спасать карьеру, и это было правильно. Среди слуг капитала встречаются гуманные и трезвомыслящие люди, мой клиент был из таких. Его скупость, в духе французских романов девятнадцатого века, никому не вредила, а вот его щедрость испортила бы всю картину жизни. Без нынешней личной жизни он остался только презренным токсичным нарциссом, каким на самом деле не был, а с личной жизнью мог бы влипнуть в очень неприятные дела. Судя по фото, его женщина была связана с наркотиками, причем самым пошлым и тупым образом, она их продавала. По некоторым деталям из рассказа клиента я не сомневалась, что так и было.

После скайпов снова пошла в туалет. Кровь капала, редко, и будто совсем остановилась. Нужно все же пойти и записаться на прием к врачу. А пока найти марлю, урологические прокладки (которые кожу раздражают, но без них жить невозможно), в очередной раз подмыться и поменять белье. Моча и кровь, кровь и моча – куда от этого денешься.

Записалась на послезавтра. Пока не могу представить, как будут развиваться события. Наверно, никак, я же очень устойчивая, на мне еще воду возить можно.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

После получения средств Рой заказал себе легкий, но дорогой ужин, за которым допил вино, подарок Гарри, однако ни сон, ни лень не приходили.

– Попросить новую работу или уйти к Тьютору, что лучше. Выбор смешной, конечно, одно не может помешать другому.

И Рой решил попросить новый проект. Теперь важно было составить правильный запрос. В облаках Руперта всегда наличествовали более или менее интересные проекты, но хотелось чего-то особенного, а Рой еще живо помнил, как легко и красиво он сделал предыдущее задание; ему хотелось повторения. Запрос он составил довольно быстро, и пожалел, что выпито все вино.

– Зависимость! – вдруг возникло в его голове. – Как хорошо, что есть зависимость! Зависимость и смерть, превосходная, блистательная связь.

В то счастливое мгновение Рою пока не приходило в голову, что его поиски полностью противоположны заданиям центра Руперта, и, по счастью, анализатор еще это не установил. Ответ пришел довольно скоро; необходимо было подобрать саундтрек к победной речи Руперта. Пожелания центра были скромными и одновременно глобальными. В звуке должен был быть изображен идеальный мир, нечто гармоничное и чувственное; например, шум воды или пение птиц. Рой пожал плечами и сам удивился своей реакции. Раньше он принял бы это без оттенков, а теперь ему казались глупыми эти пожелания.

Однако он подумал, задал начальный поиск, затем, получив файлы, собрал их в отдельную папку, свернул экран до размеров платка, и пошел к Тьютору.

Погода над побережьем менялась сильно: муссон уходил, но еще не ушел совсем. Рой ощутил даже нечто вроде мигрени, хотя он только догадывался, что это такое. Почему он пошел именно в бунгало, Рой не сказал бы. Опыт предыдущих перемещений показал, что место старта не важно.

– Наверно, это сентиментальность, – решил Рой, – потому я и здесь.

Переход прошел как обычно, с небольшим утомлением. На этот раз в проемах было много, просто очень много цветов, преимущественно белые и красные, яркие, так что Рой даже удивился.

Тьютор стоял на сцене в зале, уже знакомом Рою, и говорил что-то невысокому человеку с вытянутым лицом, почти виновато улыбаясь:

– Нет, нет, я не Дон Кихот, прошу простить, тут нужен другой.

Человек смотрел небольшими, по-детски ясными глазами почти растеряно, однако от этой невысокой фигуры веяло властью и силой. Рой пригляделся внимательнее: человек, с которым разговаривал Тьютор, был высок, однако худощав стеснительной и робкой худобой, отчего и казался ниже ростом.

– Хорошо, я подумаю, – просто ответил человек, и Тьютор соскочил со сцены в зал.

– А, вот и ты! – приветствовал он Роя. – Сегодня здесь «Дон Кихот», ты знаешь, что это за книга?

Рой, услышав название, поддался волне воспоминаний, властвующих здесь, и заулыбался. «Дон Кихот» был бы его любимой книгой, живи он в старом мире.

Тем временем на сцене появились люди, а худощавый человек разговаривал то с ними, то с группой сразу, жестикулируя и волнуясь, то с одним из группы, бормоча почти на ухо, нервно передвигался, порой кричал, бросал вещи, садился на сцену, вскакивал, даже подпрыгивал, и однажды заплакал.

– Это режиссер, – сказал Тьютор, – печень всего действия.

Из нестройного гула и движения на сцене понемногу возникла причудливо-пышная и почти давящая величием композиция. Собравшиеся словно ждали кого-то, разделившись на две группы, сходящиеся в глубине сцены. «Часть первая и часть вторая», – отметил для себя Рой.

Тот, кого ожидали, главный персонаж, появился сбоку, из-за кулис, да не один, а в сопровождении двух человек: одного невысокого, полного, с несколько плаксивым лицом, по форме похожим на подовой хлеб, и другого, одетого в костюм коня, худого, как и его хозяин, такого же роста, отвечавшего на каждое его движение. Это был актер-мим, актер без голоса, игравший коня. Рой ничего не знал о мимах, но глядя на мосластые коленчатые ноги, затянутые в узкие черные штаны, на стройные сильные руки – понял, что это великий мим. Затем Рой вспомнил и фамилию мима; его называли трагическим клоуном. Его Росинант был огромен, нелеп и чужд окружающему небольшому уютному миру, как и его хозяин; он плакал; зритель видел лошадиные слезы, но, кажется, никто из персонажей на сцене не догадывался, что Росинант плачет: над жестокостью добрых, над нелепостью вдохновения, над ранимостью великого.

Дон Кихот и сам гарцевал как породистый конь, с глубоко посаженными небольшими глазами ясного разреза, смотревшими пронзительно, так что от них хотелось скрыться, непропорционально изящный, напоминающий витые стержни от пальцев до стоп. Широкая переносица и изящнейшей формы нос, отмеченный легкой поперечной складкой, выражали отрешенность, возвышенное и сладкое мучение, так что все лицо светилось, а рыжеватая острая борода волновалась от движения, как небольшой вымпел. Вокруг него было сильнейшее поле, выйти из которого не представлялось возможным, в нем были все, кто был на сцене, и весь мир, все начиналось с его тихого глубокого восклицания. Он держал за руку Росинанта, а тот следовал, во всем подобный господину, почти копируя движения рыцаря Печального Образа. Похожий на тучку Санчо, в волнении протянувший длинную мягкую руку, едва поспевал за ними.

А затем началось действие. Невысокая, с мягкими, как чернослив или шоколад, глазами, Альдонса кружилась вокруг раненого Дон Кихота, утешала его, щебетала голосом сиплым и нежным одновременно, роняла непослушные локоны, касавшиеся ран рыцаря, отчего тот вздрагивал, вспыхивал и меркнул, сознавая недоступность возлюбленной. О, это была настоящая Дульсинея из Тобосо, одновременно покорная и властная, родная и недоступная.

Уже выбежали вместе со стадами, которые изобразили все персонажи, коварные янгуасцы, уже аристократичные дамы подняли холеными руками лопасти мельниц, уже Дон Кихот увидел своего Бриарея. Уже плакал Санчо, и на его слезы нельзя было не ответить слезами.

Но еще сильнее была вторая часть. Герцогиню играла та же актриса, что играла Корделию, только теперь это была не трепетная девушка, словно нарисованная на фреске, а молодая влюбленная женщина из плоти и крови. Герцог великой тенью всегда находился поблизости от нее, его темные глубокие глаза возникали мраком на мраке, что казалось невозможным, но именно потому в них был потусторонний отсвет. Он следовал за ней как Аид за Персефой (откуда Рой знал об Аиде и Персефоне?), но не останавливал ее, а она едва не со слезами всматривалась в лицо рыцаря, надеясь увидеть в нем хотя бы надежду на взаимность, но он смотрел всегда вверх, как если бы был хромым цаплей, решившей умереть на зимовье.

Особенно хороша был сцена полета на луну, иллюминированная фейерверками и самыми разными светильниками, от небольших свечей до садовых факелов. Рой не знал о древних римских свечах, что свечой становился человек-христианин, но эти садовые светильники напомнили ему римские свечи.

Дон Кихот, самое изящное тело во вселенной, нелепо раскачивался на выкрашенном петушиными красками деревянном коне, и Санчо, умный, нежный и верный Санчо, телепался рядом с ним, а смотреть на все это было невозможно, потому что было так красиво и беспощадно, что хотелось тут же умереть. В этой сцене были горы щемящей надежды и столько надежды разбитой, что обычное человеческое сердце, если бы не театр, лопнуло бы от боли.

Вторая сцена, над которой Рой плакал, были мнимые похороны влюбленной девушки. Изысканный траур волновался белыми и черными букетами цветов, охваченная страстью герцогиня сияла темным аметистом наряда, предупредительно разметав золотые волосы, но рыцарь видел только Дульсинею, и герцогиня исходила жаром как камень среди кострища, от нее почти летели хлопья седого пепла, и только в зеленых, янтарного оттенка, очах сияло материнское неизбывное горе. Это ее рыцарь, единственный возлюбленный и сын, хотя в романе этого, кажется, нет, но такова была настоящая герцогиня. Мнимую покойницу играла та же актриса, что играла Альдонсу, только теперь шоколадный чернослив глаз спрятан был под синеватыми, цвета цветков цикория, веками, а все ее тело в белом облачении было как ночной кипарис. Она и шевелилась, и не шевелилась, коварная и беззащитная, как жительница неведомых островов.

Дон Кихот рыдал от нежности и муки, текучий и ломкий, как весенний ручей, его суставы трепетали, из каждого словно бы тянулся наружу цветок скорби. Никаких цветов, конечно, не было, но общее чувство тоски и обмана, которое потом сменилось гортанным вселенским смехом, действительно можно было бы изобразить как цветок, и режиссер сумел это показать.

Рой чувствовал и облегчение, и почти физическую боль, словно внутри него было наглухо закрытое окно, а теперь оно вдруг раскрылось, само, без внешних усилий. Коленчатый золотой рыцарь стал ключом или тараном в неведомое ранее миробитие. В ушах Роя еще звучали слова Дон Кихота, обращенные к Санчо, о сне.

– Нет, он не сон имел в виду, а нечто другое, более глубокое и страшное, что Тьютор называет смертью. Дон Кихот говорит и о смерти, но вероятно это некая вторая смерть, ужаснее первой, конечная смерть, если это возможно.

Мысль о смерти, о том, чего еще не знал, если можно было ее изобразить, напоминала бы именно этого Дон Кихота, с плоским лбом солдата, глубокими глазами и поразительно подвижным телом. Так что же это такое – смерть, победу над чем будут праздновать в мире Руперта; неужели это так прекрасно и победительно, несмотря на нелепость? Жизнь – это мельницы, Дон Кихот – это смерть, и негоже от нее убегать

человеку. Рой насторожился, как будто кто-то внутри него и в самом деле сказал эту фразу.

– Тебе понравилось? – Тьютор оказался рядом, глаза его влажно блестели.

– Но ведь поначалу Дон Кихота должен был играть ты? – Рой смотрел с новым чувством, как будто он такой же, как и Тьютор, человек старого мира.

– Да, но Т. – лучший Дон Кихот из всех живущих и живших.

– Мне очень понравилось!

– Так вот, Рой, на самом деле все не так. Мельницы – это смерть, а Дон Кихот – это жизнь.

Лайков пять

Ха-ха нет

Сочувствия нет

Возмущения нет

Комментарии

Друг 55

– Про короля Лира интереснее было.

Друг 47

– Можно написать готический роман вроде Мориса Дрюона.

Автокомментарий, не записан:

Ну конечно можно, я бы с удовольствием заработала на писании романов много денег, но у меня сейчас другая задача. Такое чувство, что развязка моей жизни уже наступила. Лайк всем.

Ни фото, ни видео приложений к этому посту нет.

Пост 20

Без числа

Кровотечения усилились, и по общему состоянию: слабости, искрам в глазах, мушкам, по тому, что тело не согревается, – стало ясно, что потеря крови есть. Я ждала, что так будет, но нужно понять, что делать сейчас, ночью, и стоит ли именно сейчас вызывать скорую, ведь кровотечения еще не очень сильные, и я в общем довольно сносно себя чувствую. Так что лучше лечь и подождать до утра.

Когда легла, противное ощущение текущей жидкости заснуть не дало. Что ты будешь делать. Тем не менее встала, выпила две таблетки валерьянки и погрузилась в зыбкий сон, длившийся не очень долго. Когда встала в туалет, оглянулась: на простыне была кровь. Вот еще хлопоты, дополнительная стирка с пятновыводителем. Давно я постель не пачкала, и больше не нужно.

После туалета села на кухне и стала думать: стирать сейчас или вызвать скорую? Очень хотелось спать. Нашла толстую марлю, сделала новый толстый подгузник, подмылась как могла и снова вернулась на кухню.

У меня был безотказный прием для засыпания: кусок белого хлеба и чашка сладкого какао. Какао сделала, в турке, с растительными сливками, слипавшимися в воде, но как только вода нагревалась, они растворялись без остатка, выпила напиток очень горячим и ушла в постель.

Проснулась с головокружением, внизу было мокро и липко. Значит, все же нужно вызвать скорую. Однако тело слушалось, предметы я различала ясно, так что решила запустить машинку. Если бы я покупала стиральную машинку, я бы никогда не выбрала модель с фронтальной загрузкой, только с вертикальной. Но здесь, на съемной, стояла неновая «Веко» с фронтальной загрузкой, за ней следовало ухаживать и любить ее. Опыт

мой говорит, что «Ваниш» – отличное средство, хотя дает много пены. Пену можно регулировать кондиционером, добавленным сразу в раствор. После стирки с большой долей «Ваниша», небольшой долей геля и умеренной долей кондиционера (я выбрала «Кашемир и шелк») пятна уходят совсем, но белье становится грубым, как бы бумажным, и дополнительная доза кондиционера не спасет. Прикинув, что испачканное белье служит мне около трех лет, не жалко, я сделала ядреную смесь с «Ванишем», поставила машинку на экспресс-режим, запустила ход и сделала экстренный вызов. Молодой голос отозвался сразу, выспросил меня про самочувствие, температуру, давление и стул, спросил, наконец, про кровь и сказал, что бригада приедет в течении пятнадцати минут.

– Час минимум, – решила я, и ошиблась.

Ровно через пятнадцать минут раздался звонок, а машинка еще не вышла в режим полоскания. Придется кому-то звонить, и скорее всего отцу, ему можно доверять в отношении быта. Ключ от этой съемной есть у матери, у нее всегда есть ключи от меня (то есть, от мест, где я живу, даже от Дюшиной квартиры был, пока я от него не съехала). Папа, пожалуйста, вытащи белье и разложи его на сушке, я уже расправила ее в комнате. Как смешно, на самом-то деле.

Бригада скорой состояла из трех человек, и все как из сериала: красивая строгая молодая женщина, к которой я сразу ощутила симпатию; очень высокий, полный и некрасивый мужичок, почти мальчик, но видно, что умный, и настоящий врач, не знаю, почему я так решила; и супермен красоты небесной, кавказский брюнет с зелеными глазами и мягкими руками, даже на глаз определить можно, что мягкими.

Я открыла в чем была, в длинной тунике, по подолу которой пошли пятна крови; все же я сколько-то ходила и садилась. Что было на тунике сзади, не знаю, но вероятно, что много пятен. Кровь спустилась даже по левой щиколотке, но потом видимо передумала и остановилась, на стопе пятен не было.

– Ну, что у вас?

Оформив документы по вызову, группа дружно велела мне собирать вещи, что я и начала делать. Еще до их приезда я определила, что и куда положу, так что сборы были недолги. В это время машинка волшебным образом вышла в режим отжима.

– Пять минут нужно подождать, – взмолилась я, как королевская фаворитка перед казнью, – всего пять минут, и потом пять минут, пока белье развешу.

– Что уж. Давайте мы вам укольчик пока поставим, а то что-то вы бледная.

Пока ставили укол, пока поили противно сладким чаем, машинка успокоилась и я, скорей-скорей, разбросала по сушке белье. Затем быстро, кажется, даже в присутствии мужчин, заменила тунику на велюровый костюм, в котором обычно хожу в больницах, ему уж лет десять, взяла сумку и двинулась к выходу. Белье вытащила, оно сохнет, значит, никому звонить не придется, как же это хорошо!

И вот тут начались странности. В прихожей не то что банкетки, а табурета нет, а я, чтобы снять обувь, сажусь на подзеркальную полку, благо я не толстая. Но в тот момент четко помню, что я села на банкетку и еще подумала, что взялась она как будто из «Лигейи» Эдгара По, из второй части, из странного дома, куда герой привел леди Ровену. Я посидела на банкетке, затем встала и вышла из двери; вся бригада шла за мною, а женщина держала меня своими розовыми пальчиками за локоть. Я закрыла дверь, положила ключ в строго отведенный для него карман сумки и, довольно сильно пошатываясь, начала спускаться по лестнице. Мужички обогнали меня, кавказец страховал, но я шла сама и кажется довольно твердо.

Однако на самом крыльце, а оно в нашем доме длинное, до невозможности парадное, довольно высокое, меня накрыла усталость, которую, если бы могла, назвала бы смертельной. Я, ничтоже сумняшеся, села прямо на плиты, это в октябре месяце и с кровотечением, по-бабьи подперла щеку рукой и сказала:

– Устала. Не хочу больше идти.

Мужички приготовились меня взять на руки, благо до машины было шагов десять, но тут случилось такое, что я до сих пор думаю, был это бред или все произошло на самом деле. Скорее всего это был бред; я та еще фантазерка.

А. только что припарковал свою машину, вышел, активировал сигнализацию и вдруг направился прямо ко мне. Он шел так же, как тридцать лет назад, по одной ему ведомой диагонали, молодым зверем, рисунком Шиле или Мунка во плоти, прекрасен и порочен именно оттого, что слишком красив. Но только сейчас я заметила, сколько в его волосах седины (на него падал свет от фонарей) и что у него усы, шалочкой, ну чистый Гитлер.

– Да что ж вы стоите, – сказал А., обратившись к группе, хотя они уже поднимали меня, – она же сама идти не может.

Кавказец возмутился было, но А., даром что худой, уже подхватил меня и понес к машине.

– Как это ловко у тебя вышло, – сказала я. А. умел носить на руках, а Дюша нет, – но зачем ты отрастил эти ужасные усы?

Он улыбнулся, скорее осклабился; лицо его было и близко, и одновременно далеко, так что я по счастью не могла сделать какую-нибудь глупость, например, его поцеловать, хотя мне и хотелось, очень. Кавказец был уже в машине, они вдвоем с А. уложили меня на каталку без единого лишнего движения, словно вылили.

– Красное вино! – крикнул А., – Не поверю, что в скорой помощи вообще нет никакого алкоголя. Красное вино сюда! Или хотя бы что-то.

Красное вино оказалось в наличии, конечно, у кавказца, домашнее, издававшее довольно резкий запах.

– Пей! – Приказал А. и наклонил флягу. Жидкость полилась по моему языку, потом глубже; я захлебывалась, но глотала; это было лучшее вино в моей жизни.

– Глотай, глотай, – настаивал А., но глотать было довольно трудно.

– И все же, зачем тебе эти усы?

И тогда он рассмеялся, как будто ему не было и тридцати: беззастенчиво, полно, негромко.

– Ты знаешь, кто мне их делал?

Я смеяться не могла, но на самом деле смеялась, всем своим нутром.

– А теперь я хочу спать.

Сон накрыл меня слишком быстро и мощно. Когда я проснулась, я не помнила ничего. Подо мной была больничная койка, надо мной потолок больничной палаты. Я сколько-то пролежала, поддавшись лени, накрывающей после шока, возможно, прошло довольно значительное время. Наконец, в палату вошел врач, немолодой отечный умница, и медбрат, рослый малый с дредами, связанными в хвост.

– Рентген показал, что кровотечение есть, но насколько оно серьезное, не можем определить. Нужно сделать МРТ, а потом возможно придется делать операцию.

– Хорошо, – ответила я, – у меня только одна просьба: можно ли позвать священника, мне нужно собороваться и причаститься.

– Есть при больнице батюшка, – просто ответил доктор, – Я ему позвоню утром.

Причащаться следовало натошак и хотя бы отчасти подготовившись. В телефоне было все необходимое, но мелко, руки слушались плохо, так что я часовое правило читала едва не полдня. Ночь была ужасной, в смысле бессонницы, даже началась мигрень. Вставать мне нельзя было, нужно было пользоваться судном, но я партизанила, вставала, шла медленно, как ползла, до туалета, где было холодно и дуло из всех щелей, делала свои дела, подмывалась холодной водой и по тем же стеночкам ползла обратно. Забылась сном около четырех утра. В семь начались звуки утренней больничной жизни, не проснуться было нельзя, но я героически засыпала снова.

Разбудил меня батюшка, тихий, теплый, сонный, осторожный, в изящном подряснике и новой епитрахили. Исповедь была короткой, но строгой.

– Ты же воцерковленный человек, взрослая уже, а так себя ведешь, – с сердцем сказал батюшка, и я испугалась, что не причастит. Но он прочитал разрешительную, а я получила пуговкой епитрахили по лбу.

Правило, небольшой кусочек, дочитали вместе, и наконец меня причастили. Едва причастили, вошли повариха и сестра, принесли таблетки и завтрак, кашу с маслом и яйцо.

– Кушайте-кушайте, – сказал батюшка и погладил по голове, как ребенка.

– Вы так много для меня сделали! – ответила я.

Батюшка напомнил Дюшу, тот был искаженным фото с него, но и Дюшу я люблю. Я вообще всех теперь люблю.

На МРТ повезли в соседний район, ждать исследования пришлось долго. О том, что творится в моем низу, предпочитала не думать, но кровью от меня пахло. На МРТ задремала, так что даже немного удивилась, когда процедура закончилась.

– Что ж, – сказал врач, посмотрев результаты, – вам повезло, операция не нужна. Острый, но неопасный случай. Выпишу препараты, сегодня поставлю капельницу и уколы, а завтра – домой. Не взыщите, мест нет.

– И то хорошо, – подумала я про себя.

Меня все это время занимал по-настоящему только один вопрос: мне приснилось, что А. довез меня до больницы, или нет. Когда выписали, пошла в приемное отделение, и (о счастье!) увидела того самого толстяка, кушавшего чизбургер с кефиром.

– Можно вас спросить?

– Да-м?

– Позавчера вы меня везли одну? Никто меня не провожал?

Толстяк отстранил ото рта бутылку, посмотрел сожалительно и сказал:

– Ты сознание потеряла, прямо на пороге, сказала, что устала. Так мы с Арамом тебя на каталку положили, благо шагов десять до машины было.

– Я бредила? Что говорила?

Толстяк оживился. Он точно не без художественного воображения.

– Да, говорила про усы и про Гитлера.

– Вот оно что. Бывает.

– Ну да. Я еще и не то слышал.

– Спасибо вам. И приятного аппетита.

Я протянула пятисотку, стыдливо, в кулаке, но толстяк снова принялся за кефир.

– А вот этого не нужно! А то решат, что ты мне взятку даешь.

Дорога домой оказалась долгой и выматывающей, словно я полгода пролежала, а не сутки. Наверно, я мерзла просто потому, что этого хотела, так было стыло и неудобно вокруг, и вдобавок меня лихорадило. Из симптомов кровопотери были только синие искры с черными мушками, и чувство сильно пониженного давления.

На свой третий этаж обычно я поднимаюсь без лифта, с одышкой, но своими ногами. А тут на первом пролете пришла невероятная усталость, что не просто захотелось воспользоваться лифтом, а идти не хотелось совсем. Как позавчера, я села на лестничную клетку, схватилась за прутья перил, как бы улеглась ничком, и подумала тихо и ясно:

– Осталась в живых. Я осталась живой, со мной ничего страшного не произошло, и это чудо, самое настоящее чудо.

Такая мысль могла вызвать только смех, если вспомнить все мои обстоятельства.

В голове зазвучала тема из седьмой симфонии Бетховена, тающая, вобравшая в себя все самые чистые и светлые воспоминания, путь к которым навсегда закрыт, но они могут прорасти как цветы – там, в неизвестном будущем.

Там та-та там та

Та-та-та-та там та

Там та-та там та

Та-та-та та там

«На сегодня запланировано два скайпа. Это столько-то по деньгам. Я куплю новые ивановские туники. Лучше покупать в фирменном небольшом магазине. Они теперь делают такие магазины, нечто вроде аутлетов. Нужно купить две новые туники, я никогда не покупаю по одной. И денег совсем нет».

В телефоне было три сообщения от Дюши: «Ты где, дура? С тобой все в порядке? Я тебе звонил, ты трубку не берешь. Я встретил женщину своей мечты». А как иначе, это же Дюша и его женщины. «Она из волонтеров». Кто бы сомневался. «С тобой все в порядке?» Ответила ему бодро: «Я жива и сегодня буду вести скайп, спишемся как обычно».

Вздохнула, потому что хотела сделать картинный жест, схватиться руками за голову. И поставила Игги Попа, «Пассажир», что, в общем, тоже картинный жест.

«По ночам я смотрю, как движется надо мной небо,

Сидя у окна рейсового автобуса».

Так, что ли.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

– Если ограниченная, конечная, по сути, ущербная жизнь приносит столько эмоций и наслаждения, то вечная жизнь, которая есть у нас, должна приносить несоизмеримо больше?

Они сидели в зале вдвоем: Рой, задававший вопросы, Тьютор в своем охотничьем жилете и Гарри с трубкой. За всю свою жизнь Рой не чувствовал себя так хорошо – так счастливо. Он очень много думал о счастье.

– Вечная жизнь – это не то, на что ты работал, – ответил Тьютор резко, но смягчив ответ улыбкой.

– Кстати, Джина скоро будет здесь. Ты же хотел ее увидеть?

Рой вскинул глаза и засиял. Ему очень понравилась Джина.

– Однако мы все здесь не за этим. Сейчас начнется пьеса одного – будем говорить, что русского – о румынском, а по-старинному трансильванском графе Владе Дракуле, и мы будем ее смотреть. А потом тебе, Рой, предстоит сделать выбор. Ты уже очень изменился, так что в мире Руперта тебе будет сложно.

– Мне нужно будет умереть? – Спросил Рой.

Тьютор и Гарри переглянулись.

– Мне по душе твоя прямота, однако ты взял неверный угол атаки. Ты не жертва и не больной, ты свободный и свободно мыслящий человек, но тебе нужно будет сделать выбор.

– Я уже сделал его, – ответил Рой, и это была правда. Его проекты прошли самые сложные тесты, однако в резюме была одна фраза, которая перечеркивала все их достоинства: «здесь имеет место фантазия». Что такое фантазия, Рой знал только отдаленно, для него это было слово из прошлого мира, из мира Тьютора и Гарри. Возвращаться в мир Руперта было все равно что отрезать от себя выросшие и уже действующие органы, которых раньше не было и которые так понравились Рою. О смерти он знал только то, что ему показал Тьютор, но догадывался, что это болезненно и трудно.

– Тебе может показаться, что мы давили на тебя или зомбировали тебя, но это не так. Ты сильный человек; мы лишь показали тебе красоту, которая была скрыта от твоих глаз.

Джина, в сиреневом длинном платье, в котором как будто путалась, подошла и села рядом. Теперь Рой понял, что все неизвестные найдены.

Тем временем пьеса началась.

Актера, играющего главного персонажа, Рой уже видел, в первое свое посещение, в сцене с великой актрисой. Теперь он играл не молодого человека, а правителя, бога своей земли, хозяина, создавшего из небольшой страны, у которой не было даже особенной

истории, вожденный рай. Его почти нагие виски поблескивали серебром, локоны с темени падали свободно, открывая неукротимый нрав воина, мощные руки даже в часы досуга поигрывали оружием. Особенно хороши были сцены, где граф читает книгу и, в минуту передышки, бросает кинжал или просто вертит его в руке.

Костюмы графа были изысканы и пошиты с тщательностью, которой в то время не могло быть в Европе, окружали его самые образованные и смелые люди. Но в какой-то момент все изменилось. Словно нашло на страну кровавое облако, а народ обвинил в нем правителя, графа Влада. Он не пожелал оправдываться, и только провоцировал все новые и новые выплески ненависти, словно хотел уничтожить свое создание, свое дитя, дело своей жизни, свой народ. Его черный, дикий, варварский смех сплелся со смиренным желанием креста; актер смог передать муку сознательно принятых страданий и потустороннего смеха.

Рой смотрел на актера и думал, что иначе в жизни не бывает. Есть четкое и ясное, светлое предназначение, от которого можно отказаться, но оно привлекает сильнее чувственной любви. И если отказаться от этого предназначения, можно умереть от подлинного голода, который страшнее физического, хотя о последнем Рой ничего не знал. Граф Влад не боялся смерти, он смеялся над нею, и вместе с ней надо всем народом своей страны, которую сделал раем, над тем, что сделал сам, над людьми, наконец, и это было хуже, чем если бы он боялся смерти, но он не изменил своему предназначению, хотя изменил своему народу.

Начались покушения на графа, он сам говорил, что вызвал их. Люди, которые готовили покушения, были коварны и изобретательны, но граф опережал их; лилась кровь, убивал граф жестоко. Дурная молва о нем давно окружила плотным кольцом его дворец, ставший диким логовом, и граф затосковал. В одиночестве он стал все чаще вспоминать о покойной жене, звал ее, и несколько раз даже вызывал ее душу, за что Господь прогневался на него. Актриса, игравшая княгиню, была молода, но очень талантлива. В лице ее перламутрово-прозрачная невинность сменялась бледностью помешанной, жесты казались единым танцем, в котором от сцены к сцене росла тревога.

Наконец, граф Влад решил умереть; он словно бы сам вызвал к себе убийц, желавших очистить райский край от ненавистного демона.

– Это я хочу, чтобы вы убили меня, а не вы меня нашли, чтобы убить! – крикнул граф в лицо ночным гостям, а те отступили и заорали:

– Дьявол! Это сам дьявол!

Но дни графа были уже сочтены; видимо, у него была долгая болезнь, и он умер до того, как кинжал убийцы коснулся его груди.

На сцене поднялся ветер, осенние деревья играли как языки пламени, и было так красиво, что Рой заплакал – просто потому, что было очень красиво.

Затем они все, Тьютор, Гарри, Джина и Рой, сидели в каком-то милом месте, где подавали вино и пирожные. Когда вино было выпито, Тьютор сказал:

– А теперь идем.

– Я с ним, – отозвалась Джина, и они, держась за руки, пошли вслед за Тьютором. Гарри остался за столом, он только посмотрел, прощаясь. А может быть, с надеждой на встречу.

Они шли по трудному и холодному снежному переулку, по обе стороны которого виднелись изящные, но мощные стены; переулки были почти пустынными, но раз или два на них возникала шумливая яркая толпа очень маленьких людей, и Рою казалось, что это дети, но среди лиц он увидел и морщинистые, и бородатые. Затем Тьютор, Джина и Рой прошли мимо небольшой круглой площади, на которой, в чем-то прихотливо черном, сидел актер, игравший Короля Лира во второй постановке. Затем они свернули на летнюю улицу, где был синий от жара асфальт, на котором, как на снегу, валялись собаки, подошвы обуви порой прилипали к нему. Тьютор, Джина и Рой шли очень долго и наконец вышли к морю. Тьютор с наслаждением снял жилет, распластался на песке, и Рой

сделал так же. Вдруг он увидел рядом с собой женщину в чем-то графитово-сером, с ножом или тесаком в руке. Она шла прямо к Рою, порой наклонялась, поднимала раковины и вскрывала их этим инструментом. Вдруг Рой увидел, что одна из раковин – это он сам. Вскрыли и его, но он не ощутил особенных изменений. Он сначала как бы поперхнулся, затем стал задыхаться, затем вовсе перестал дышать, но вскоре его дыхание перешло на новый уровень, стало легче и полнее. Руки и ноги, которые словно бы в беспорядке валялись на песке, приобрели новую пластику. Все, что с ним случилось, приносило боль, но боль эта восполнялась удивительной полнотой ощущения жизни. Теперь он вполне понял, что говорил ему Тьютор о Дон Кихоте, что это – жизнь. А Джина все время сидела рядом, смачивала Рою губы и смотрела ему в глаза.

Наконец Рой встал, себя почти не узнавая, и сказал Тьютору, все это время смотревшему на море:

– Это и была смерть?

– Да, – ответил тот, – но не многие способны пройти сквозь нее.

Лайков три.

Ха-ха нет.

Вот те на – два.

Возмущение одно.

Комментарии

Друг 55

– Вы не знаете, о чем пишете! Вы все придумали!

Друг 13

– Мне важно, чтобы в произведении места и персонажи приходили не отсюда, не из автобиографии и не из книг или фильмов, чтобы они жили сами по себе. А здесь и автобиография, и книги с фильмами. Это компиляция, это не интересно мне.

Друг 22

– Спасибо, такая красивая повесть! Особенно про Дракулу.

Всем лайк, всем спасибо, и тебе, терпеливый фб, любовь моя, говорит твой верный солдат.

Удивительно, но мне не снится Алина, да и не снилась никогда, словно ее и не было. Только ощущение от ее взгляда, тяжелого и робкого, порой приходит, не зависимо от меня.